

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XVII.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

ВЪЧНЫЕ СПУТНИКИ.

Предлагаемое издание состоитъ изъ ряда критическихъ очерковъ. Цѣль автора заключается не въ томъ, чтобы дать болѣе или менѣе объективную, полную картину какой-либо стороны, теченія, момента во всемирной литературѣ; цѣль его—откровенно *субъективная*. Прежде всего желалъ бы онъ показать за книгой живую душу писателя—своеобразную, единственную, никогда болѣе неповторяющуюся форму бытія; затѣмъ изобразить дѣйствіе этой души—иногда отдѣленной отъ насъ вѣками и народами, но болѣе близкой, чѣмъ тѣ, среди кого мы живемъ,—на умъ, волю, сердце, на всю внутреннюю жизнь критика, какъ представителя извѣстнаго поколѣнія. Именно въ томъ и заключается величіе великихъ, что время ихъ не уничтожаетъ, а обновляетъ: каждый новый вѣкъ даетъ имъ какъ бы новое тѣло, новую душу, по образу и подобию своему.

Несомнѣнно, что Эсхиль, Данте, Гомеръ для XVI вѣка были не тѣмъ, чѣмъ сдѣлались для XVIII, еще менѣе тѣмъ, чѣмъ стали для конца XIX, и мы не можемъ представить себѣ, чѣмъ они будутъ для XX, — только знаемъ, что великіе писатели прошлаго и настоящаго для грядущихъ поколѣній будутъ уже не такими, какими наши глаза ихъ видятъ, наши сердца ихъ любятъ.

Они живутъ, идутъ за нами, какъ будто провожаютъ насъ къ таинственной цѣли; они продолжаютъ любить и страдать въ нашихъ сердцахъ, какъ часть нашей собственной души, вѣчно измѣняясь, вѣчно сохраняя кровную связь съ человѣческимъ духомъ. Для каждаго народа они—родные, для каждаго времени—современники, и даже болѣе—предвѣстники будущаго.

Вотъ почему, кромѣ научной критики, у которой есть предѣлы, такъ какъ всякій предметъ изслѣдованія можетъ быть исчерпанъ до конца,—кромѣ объективной художественной критики, которая также ограничена, ибо разъ навсегда можетъ дать писателю вѣрную оцѣнку и болѣе не нуждаться въ повтореніяхъ,—есть критика *субъективная*, психологическая, неисчерпаемая, безпредѣльная по существу своему, какъ сама жизнь, ибо каждый вѣкъ, каждое поколѣніе требуетъ объясненія великихъ писателей прошлаго въ *своёмъ свѣтѣ*, въ *своёмъ духѣ*, подъ *своимъ* угломъ зрѣнія.

Въ этомъ изданіи собранъ рядъ небольшихъ очерковъ (проявившихся въ печати отъ 1888 до 1896 г.)—какъ бы галлерейя миниатюрныхъ портретовъ великихъ писателей разныхъ вѣковъ и народовъ—для русской публики въ значительной мѣрѣ *великиаъ незнакомецъ*, ибо, кромѣ ихъ имени, русскій читатель до сихъ поръ знаетъ о нихъ развѣ по отрывкамъ неудовлетворительныхъ переводовъ или по безличнымъ выдержкамъ изъ курсовъ литературы справочныхъ книгъ.

За это соединеніе столь различныхъ, повидимому, чуждыхъ другъ другу, именъ въ одну семью, въ одну галлерейю портретовъ, могутъ упрекнуть автора въ отсутствіи систематической связи. Но онъ питаетъ надежду, что читателю мало-по-малу откроется не внѣшняя, а субъективная, внутренняя связь въ самомъ я, міросозерцаніи критика, ибо—повторяю—онъ не задается цѣлями научной или художественной характеристики. Онъ желалъ бы только рассказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни.

Это—записки, дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка.

Субъективный критикъ долженъ считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное въ знакомомъ, свое въ чужомъ, новое въ старомъ.

Д. Мережковский.

Ноябрь 1896.

А К Р О П О Л Ъ .

Мнѣ давно хотѣлось побывать въ Аѳинахъ. Это была моя мечта въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Я проѣхалъ черезъ Южную Францію въ Сѣверную Италію. Недѣли три прожилъ во Флоренціи. Удивительный городъ. Благодаря солнечному свѣту, чистому и нѣжному, благодаря воздуху, мягкому и прозрачному, о какомъ мы въ Петербургѣ и понятія не имѣемъ, все тамъ кажется прекраснымъ, каждый предметъ, даже самый прозаическій, скульптурнымъ. Краски—не столь яркія, какъ, напримѣръ, въ Неаполѣ или Венеціи, скорѣе тусклыя и однообразныя, но зато очертанія далекихъ холмовъ, деревьевъ на горизонтѣ, средневѣковыхъ зданій,—каждая форма, каждая выпуклость точно изъ особеннаго драгоцѣннаго вещества. Живешь въ этомъ солнечномъ свѣтѣ, въ этомъ воздухѣ, какъ въ непрерывномъ снѣ.

По этому берегу мутнаго Арно ходилъ Данте Аллигieri и обдумывалъ «Божественную комедію». Отъ каждаго стиха мрачной поэмы вѣетъ флорентійскимъ воздухомъ, на страшныхъ описаніяхъ «Ада» виденъ какъ будто слабый отблескъ этого нѣжнаго солнца. Вотъ на склонѣ горы, среди кипарисовъ, вилла Пальмери, гдѣ происходило знаменитое собраніе дамъ и кавалеровъ, рассказывавшихъ другъ другу сказки во время флорентійской чумы, какъ о томъ передаетъ веселый Боккаччо въ «Декамеронѣ». Вотъ холмъ, гдѣ нѣкогда была обсерваторія Галилея. Вотъ домъ Микель Анжело Буонаротти. Я вхожу въ него, вижу его рисунки, модели и рукописи. Вотъ народная площадь; соборъ Marie del

Fiore; «райскія» двери крестильницы, вылитыя изъ бронзы великимъ Гиберти; Венера Медичейская... Это сдѣлалъ на маленькомъ клочкѣ земли маленькій народъ. Что это были за люди—какъ они жили, какъ были не похожи на насъ, сильные и свободные!

Дворецъ Питти, въ которомъ собраны самыя нѣжныя, воздушныя созданія кисти Рафаэля, Бартоломео, Тиціана, Мурильо, Джіорджіоне, весь построенъ изъ огромныхъ кусковъ дикаго камня, даже неотесаннаго. Эти люди такъ любили все простое, прямо вышедшее изъ рукъ природы, что боялись исказить первобытную красоту камня, обтесывая и сглаживая неровности. Глыбы нагромождены на глыбы, въ основаніи дворца, точно скалы; столь царственнаго зданія больше нѣтъ нигдѣ на землѣ. Кое-гдѣ, среди сѣраго, грубаго камня, львиныя головы съ открытою пастью, изъ которой бьетъ вода въ мраморные бассейны... Зодчій презираетъ все, что искусственно и вычурно. Да, нужно быть такимъ простымъ, такимъ первобытно-искреннимъ, чтобы быть великимъ. Чувствуется, что этотъ дворецъ выстроилъ себѣ не мелкій тиранъ, а сильный человекъ, вышедшій изъ лона великаго народа. И во всемъ—духъ народа. Тутъ понимаешь, что значить не любить своего народа, какое безуміе надѣяться что-нибудь создать внѣ его и безъ него.

Таланты, какъ Гирландайо или Вероккіо—художники, подготовившіе расцвѣтъ флорентійской живописи,—могли возникнуть и въ другой странѣ и въ другую эпоху. Но нигдѣ въ мірѣ они не имѣли бы того значенія, какъ именно на этомъ маленькомъ клочкѣ земли, у подошвы Санъ-Миньято, на берегахъ мутно-зеленаго Арно. Только здѣсь у Гирландайо могъ явиться такой ученикъ, какъ Буонаротти, у Вероккіо—Леонардо-да-Винчи. Нужна была атмосфера флорентійскихъ мастерскихъ, воздухъ, насыщенный запахомъ красокъ и мраморной пыли, для того, чтобы распустились рѣдкіе цвѣты человѣческаго генія. Какъ будто мрачный и пламенный духъ неукротимаго народа долго гомился въ своей нѣмотѣ, искалъ воплощенія и не могъ

пайти. Онъ едва брежжитъ, какъ блѣдная полоска въ утреннихъ тучахъ,—въ большихъ глазахъ еще иконописныхъ, полувизантійскихъ мадоннъ Чимабуэ, онъ проясняется въ реализмъ Джіотто, сіяетъ уже яркимъ свѣтомъ у Гирлондайо, у Вероккіо, на время отклоняется въ религиозной живописи Фра Анжелико, чтобы вдругъ, наконецъ, какъ молнія, все озарить—въ Микель-Анжело и Леонардо-да-Винчи. Какое торжество для народа! Отнынѣ флорентійскій духъ нашель себѣ полное выраженіе, неистребимую форму. Вокругъ могутъ происходить всевозможные перевороты, все можетъ рушиться: Флоренція Возрожденія сама себя нашла, она бессмертна, какъ Аѳины Перикла, какъ Римъ Августа. Я узнаю рѣзецъ Донателло въ отчеканенныхъ, металлически звучныхъ терцинахъ Аллигіери. На всемъ печать свободного флорентійскаго духа. Онъ чувствуется въ самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ архитектуры: въ прекрасныхъ чугунныхъ грифонахъ, которые вбиты въ камень на уличныхъ перекресткахъ по угламъ палаццо, чтобы поддерживать факелы ночью. Такъ въ двустихіи греческой эпиграммы я узнаю духъ Гомера, въ обломкѣ мрамора наполовину скрытомъ мхомъ и землею,—стиль іонической колонны. На всѣхъ созданіяхъ истинно-великихъ культуръ, какъ на монетахъ, отчеканенъ ликъ одного властелина. Этотъ властелинъ—геній народа.

Чѣмъ больше я всматривался въ созданія Renaissance'a тѣмъ болѣе чувствовалъ, что невозможно проникнуть въ духъ новаго человѣка, не побывавъ въ Греціи, не увидѣвъ собственными глазами воплощеніе древняго эллинскаго духа. Онъ лежитъ какъ глубочайшая, иногда бессознательная, основа во всемъ, что творять истинно-прекраснаго и вѣчнаго художники новыхъ временъ. Есть греческое спокойствіе и совершенная чистота линий въ мадоннахъ Рафаэля, который считалъ грековъ своими учителями. Въ библіотекѣ Лаврентія Медичи я встрѣтилъ, рядомъ съ древними рукописями Данте и Петрарки, «Энеиду» Виргилія на пергаментѣ VI вѣка. Не даромъ божественный Виргилій—спутникъ Данте въ Аду среднихъ

вѣковъ. Когда я смотрѣлъ на бронзовыя двери крестильницы и любовался воздушными, чисто эллинскими складками туникъ древне-библейскихъ женщинъ въ сценахъ изъ «Пятикнижія» Моисея, мнѣ вспоминалось невольно то, что я видѣлъ раньше въ помпейскихъ картинахъ. Въ бронзѣ Гиберти—та же древняя грація, полнота жизни и спокойствіе, какъ въ обнаженномъ тѣлѣ юноши Давида у Микель-Анжело, въ его Ледѣ и Вакхѣ. И тотъ же отблескъ эллинской музы въ терцинахъ Данте. Всюду во Флоренці неотступное воспоминаніе о ней. Что же люди создали тамъ, на клочкѣ каменистой, бесплодной аттической земли? Почему народы черезъ двадцать вѣковъ послѣ торжества христіанской проповѣди, уничтожившей Олимпъ, не могутъ забыть о вѣкѣ Перикла? Что тамъ было? Я понималъ, что никакими книгами, никакими словами нельзя передать эллинскаго духа. Должно-быть, то же чувство, непреодолимое и священное, влекло средневѣковыхъ пилигримовъ въ Іерусалимъ, которое теперь влечетъ меня въ Акрополь...

Несмотря на всѣ мои ожиданія, и, можетъ-быть, именно благодаря имъ, Адриатическое море на меня не произвело особеннаго впечатлѣнія—море какъ море.

Такъ бываетъ почти всегда: когда приближаешься къ тому, чего слишкомъ долго и сильно желалъ, сердцемъ овладѣваетъ непонятная грусть и разочарованіе. И я смутно начиналъ бояться, что Аѳины не дадутъ мнѣ того, чего я ожидалъ.

Впечатлѣніе отъ моря несравнимо ни съ чѣмъ и всегда ново. Нельзя налюбоваться измѣнчивостью и постоянствомъ «свободной стихіи». Каждое мгновеніе она принимаетъ новые оттѣнки, у нея нѣтъ мертвенной неподвижности горъ: она живетъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ перваго дня творенія и до послѣдняго, море остается такимъ, какъ было—оно неизмѣнно.

Въ природѣ нѣтъ ничего величественнѣе простой черты горизонта тамъ, гдѣ вода сливается съ небомъ. Всѣ другія, болѣе сложныя линіи и очертанія на землѣ, какъ бы

они ни были прекрасны, кажутся ничтожными передъ этимъ величайшимъ, доступнымъ для людей, символомъ безконечности.

Но въ этотъ разъ — не знаю почему — сердце мое осталось холоднымъ. Я искалъ прежнихъ впечатлѣній отъ моря и не находилъ. Мнѣ казалось, что я ѣду по какой-то гигантской географической картѣ. Кое-гдѣ мелькали, выплывая изъ моря и потомъ опять погружаясь въ него, воздушно-голубые острова Архипелага.

Я затаилъ въ душѣ моей сомнѣнія относительно Греции.

Съ этимъ сомнѣніемъ переправился я съ парохода въ маленькій городокъ Корфу. Въ первый разъ въ жизни я ступилъ на эллинскую землю. Меня встрѣтили довольно противныя лица туземцевъ, пыль, вонь и жара. Пошли непонятные драхмы, лепты и оболы вмѣсто понятныхъ и благородныхъ франковъ. Я сразу почувствовалъ, что изъ Европы попалъ въ Азію, но не въ настоящую дикую Азію а въ полукультурную, т.-е. самую неинтересную. Черномазые греки напоминали мнѣ петербургскихъ продавцовъ губокъ въ Гостиномъ дворѣ. Солнце палило несносно. Я чихалъ и кашлялъ отъ бѣлой, знойной пыли и былъ радъ, когда опять выѣхалъ въ открытое море, и вольный вѣтеръ освѣжилъ мое лицо. Говорили, что въ Аѣинахъ будетъ еще жарче. Я смотрѣлъ уже съ глубокимъ равнодушіемъ на берега Эллады. Промелькнулъ очаровательный островъ Зантэ. Теперь, глядя на сѣрое небо Петербурга, я съ нѣжностью и печалью повторяю это имя...

Мы приближались къ обрывистымъ скаламъ Мореи, гдѣ была Спарта, древній Лакедемонъ. Обогнули знаменитый, страшный древнимъ мореплавателямъ, мысъ Матапанъ — самую южную точку Европы.

«Завтра я увижу Аѣины», сказалъ я себѣ, ложась на койку, и заснулъ съ безмятежнымъ равнодушіемъ.

Рано утромъ, выйдя на палубу, я увидѣлъ амфитеатръ спускавшихся къ морю горъ и холмовъ, съ легкими очертаніями. Это были берега Аттики.

Я посмотрѣлъ въ бинокль на выходившій какъ будто изъ самаго моря остроконечный холмикъ. На его вершинѣ что-то неясно мелькало.

Стоявшій рядомъ со мною австріецъ произнесъ: «Акрополь».

Сердце мое пробудилось въ первый разъ послѣ отъѣзда. Но я тотчасъ же побѣдилъ волненіе. Мнѣ почему-то нравилось мое равнодушіе.

Соленая влага пѣнилась и шумѣла. Мы вѣзжали въ огромный заливъ; въ туманѣ подымались обрывистыя горы Коринѣскаго перешейка. Вотъ Саламинъ, вотъ мысъ Сапіумъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились дивныя колонны храма Паллады.

Мнѣ иногда казалось, что все это я вижу во снѣ.

Къ десяти часамъ утра мы вѣхали въ Пирей. Помню, еще мальчиномъ, я повторялъ съ восторгомъ стихи А. Н. Майкова:

...Бѣги со мною!..

...Уйдемъ скорѣй!..

Возьмемъ корабль! летимъ стрѣлою

Къ Аѣинамъ, въ *мраморный Пирей*:

Тамъ все иное—люди, нравы!

Тамъ покрываль на жезлахъ нѣтъ!

Мужамъ поютъ тамъ гимны славы.

Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!..

И мы вѣхали въ Пирей. Самая прозаическая торговая гавань. Уродливыя желѣзные броненосцы, закоптѣлыя отъ каменноугольнаго чада торговые пароходы, конторы, бюро, агентства, громадныя сараи. Ни кустика, ни травки, ни садика на выжженныхъ, печальныхъ холмахъ. Изъ фабричныхъ трубъ валить черными клубами дымъ, уносясь въ блѣдно-голубое аттическое небо. Визжать блоки, грохочуть цѣпи и машины. Вотъ онъ—«мраморный Пирей»!

Я нанялъ лодку и отправился на берегъ. Утреннее солнце жгло безпощадно. Что будетъ въ Аѣинахъ? Ступивъ на пыльную набережную, я почувствовалъ отчаяніе.

Никогда въ жизни я не испытывалъ такой жары. Казалось, что огромная тяжесть навалилась на голову и плечи. Въ ушахъ шумѣло, и ноги подгибались. Для насъ, сѣверныхъ людей, въ такомъ солнцѣ есть что-то лютое, почти страшное. Я понялъ здѣсь, что у Геліоса-Аполлона стрѣлы могутъ быть смертоносными.

Въ душномъ вагонѣ желѣзной дороги, соединяющей Пирей съ Афинами, казалось не то что прохладнѣе, а возможнѣе дышать.

Наконецъ я вышелъ на грязный, зловонный вокзалъ въ Афинахъ.

Насъ окружили безчисленные гиды, отъ которыхъ невыносимо пахло чеснокомъ. Мы кое-какъ отъ нихъ отдѣлались. Я не взялъ ни одного, чѣмъ привелъ въ негодованіе всѣхъ.

Мы влѣзли въ огромную, дребезжащую колымагу, въ родѣ кареты, запряженную отвратительными клячами. Въ это время года (въ концѣ мая) въ открытыхъ экипажахъ здѣсь нельзя ѣздить безъ нѣкоторой опасности солнечнаго удара.

Кажется, если бы я увидѣлъ теперь не только Акрополь, но собраніе олимпійскихъ боговъ, я бы остался безчувственнымъ и развѣ попросилъ бы бога-тучегонителя затмить это солнце.

Послѣ долгихъ криковъ, понуканій, хлопанья бича, мы, наконецъ, взобрались на холмъ по крутой, обрывистой дорогѣ. Колымага остановилась. Кучеръ отворилъ дверцы, и мы вышли.

Я взглянулъ, увидѣлъ все сразу и сразу понялъ— скалы Акрополя, Паренонъ, Пропилеи, и почувствовалъ то, чего не забуду до самой смерти.

Въ душу хлынула радость того великаго освобожденія отъ жизни, которое даетъ красота. Смѣшной заботы о деньгахъ, невыносимой жары, утомленія отъ путешествія, современнаго, пошленькаго скептицизма—всего этого какъ не бывало. И — растерянный, полубезумный—я повторялъ: «Господи, да что же это такое».

Вокругъ не было ни души. Сторожъ открылъ ворота.

Я чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ, сильнымъ, какъ никогда. Подъ отвѣсными лучами солнца надо было подниматься по раскаленной каменной лѣстницѣ между раскаленными стѣнами. Но это были тѣ самыя ступени, по которымъ шествовали въ Акрополь панаѳинейскія праздничныя *теоріи*.

И когда двери закрылись, мнѣ показалось, что все мое прошлое, все прошлое человечества, всѣ двадцать болѣзненныхъ, мятущихся и скорбныхъ вѣковъ, остались тамъ, позади, за священной оградой, и ничто уже не возмутитъ царящей здѣсь гармоніи и вѣчнаго покоя. Наконецъ-то настало въ жизни то, для чего стоило жить! И странно: какъ во всѣхъ очень важныхъ, единственныхъ обстоятельствахъ жизни, мнѣ казалось, что я все это уже гдѣ-то и когда-то, очень давно, видѣлъ и пережилъ, только не въ книгахъ. Я смотрѣлъ и вспоминалъ. Все было роднымъ и знакомымъ. Я чувствовалъ, что такъ и должно быть и не можетъ быть иначе,—и въ этомъ была радость.

Я всходилъ по ступенямъ Пропилей, и ко мнѣ приближался чистый, дѣвственный, многоколонный на пыльной поблѣднѣвшей лазури полуденнаго неба, несказанно-прекрасный—Параеонъ...

Я вошелъ, сѣлъ на ступени портика подъ тѣнью колонны. Голубое небо, голубое море и бѣлый мраморъ, и солнце, и клекоть хищныхъ птицъ въ полдневной высотѣ, и шелестъ сухого колючаго терновника. И что-то строгое и сурово-божественное въ заустѣниі, но ничего печальнаго, ни слѣда того унынія, чувства смерти, которое овладѣваетъ въ кирпичныхъ подземельяхъ палатинскаго дворца Нерона, въ развалинахъ Колизея. Тамъ—мертвое величіе низвергнутой власти. Здѣсь—живая, вѣчная красота. Только здѣсь, первый разъ въ жизни, я понялъ что такое—*красота*. Я ни о чемъ не думалъ, ничего не желалъ, я не плакалъ, не радовался—я былъ спокоенъ.

Вольный вѣтеръ съ моря обвѣвалъ мое лицо и дышалъ свѣжестью.

И не было времени: мнѣ казалось, что это мгновение было вѣчно и будетъ вѣчно.

Я обошелъ Акрополь, маленькій храмъ богини Nike Artergae («Безкрылой Побѣды»), Эрехтейонъ съ дѣвами-кариатидами, Парѣенонъ, Пропилеи.

Я смотрю на гладкую, совершенно голую стѣну въ Пропилеяхъ. Кажется, что можетъ быть красиваго въ голдой стѣнѣ? Но четверугольные продолговатые куски мрамора такъ нѣжно отполированы, такъ гармонично расположены, что и здѣсь вы чувствуете печать эллинскаго генія. Солнечный свѣтъ какъ будто проникаетъ мраморъ насквозь, и ничто не можетъ сравниться съ голубою, легкою тѣнью, которая угломъ ложится отъ сосѣдней стѣны на мраморную поверхность.

Здѣсь, надъ крутымъ обрывомъ, откуда виднѣется море и свидѣтель эллинской славы—островъ Саламинъ, возвышается маленькій храмъ Побѣды. Греки назвали ее *Безкрылой*—въ знакъ того, что она должна вѣчно оставаться въ Афинахъ. Храмъ Nike миниатюрный по внѣшнимъ размѣрамъ: онъ едва ли больше, чѣмъ средняя комната въ нашихъ современныхъ домахъ. Но какая стройность! Великое въ маломъ. Вотъ что отличаетъ греческую архитектуру отъ римской, отъ средневѣковой. Римляне дѣйствуютъ внѣшней грандіозностью, подавляющими размѣрами своихъ зданій. Но у нихъ подъ плитами мрамора—кирпичъ. Развалины римскихъ зданій производятъ впечатлѣніе огромныхъ, мрачныхъ остововъ. Въ Акрополѣ ни одного кирпича. Вы ступаете на бѣлую мраморную пыль. Подъ ногами искрятся и хрустятъ, какъ снѣгъ, обломки пентеликонскаго камня... Здѣсь не утоляетъ зрѣніе. Надо ощупывать каждую выпуклость мрамора, пожелтѣвшаго отъ древности, золотистаго, пропитаннаго солнечнымъ свѣтомъ, теплаго, какъ живое тѣло. Не вѣрится, чтобы человѣческія руки могли создать Парѣенонъ, Пропилеи, Эрехтейонъ. Они сами вышли изъ нѣдръ земли по законамъ божественнымъ, не человѣческимъ. Не даромъ кругомъ на выжженныхъ холмахъ и равнинахъ ни дерева, ни кустика. Въмѣсто деревьевъ, изъ каменистой земли, подъ знойнымъ солнцемъ Аттики, выросли эти бѣлоснѣжныя колонны и увѣнчали красноватая глыбы Акрополійскаго

утеса. Кругомъ ни одного зеленого листика. И не надо деревьевъ.

Въ Эрехтейонѣ я наклонялся къ нѣкоторымъ обломкамъ, покрытымъ мелкими, сложными арабесками. Я хотѣлъ узнать, нѣтъ ли малѣйшей неточности рѣзца, случайной небрежности. Но чѣмъ ближе всматривался я, тѣмъ больше понималъ, что совершенству нѣтъ предѣловъ. Въ какой-нибудь мелочи, которой надо любоваться чуть ли не въ лупу, въ мраморномъ завиткѣ, въ мѣандрѣ, въ коринтской пальмовой вѣткѣ—такая же непогрѣшимая точность, законченность и гармонія, какъ въ очертаніяхъ цѣлаго.

И все это, кажется, безъ труда, само собою вышло изъ рукъ ваятеля. Твердый, бѣлый камень, надъ которымъ пролетѣли 2000 лѣтъ, не тронувъ его красоты, подъ рѣзцомъ художника мягче воска, нѣжнѣе только что распутившихся лепестковъ лиліи.

Люди здѣсь къ природѣ ничего не добавили своего. Красота Парѣнона и Пропилей—только продолженіе красоты моря, неба и строгихъ очертаній Гимета и Пентеликона. Въ сѣверныхъ зданіяхъ люди уходятъ отъ природы не довѣряютъ ей, прячутся въ таинственный полумракъ между стрѣльчатыми колоннами, пропускаютъ солнечный лучъ сквозь разноцвѣтныя стекла, зажигаютъ передъ страдальческими ликами угодниковъ тускляя лампы, заглушаютъ звуки жизни звуками органа и покаяннымъ воплемъ:

*Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla.*

А здѣсь, въ Элладѣ, человекъ отдается природѣ. Онъ не хочетъ, чтобы зданіе скрывало ее. вмѣсто крыши въ Парѣнонѣ — небо. Между бѣлыми колоннами — голубое море. И всюду—солнце. Нѣтъ уголка, откуда не виднѣлась бы даль. Воздухъ, солнце, небо, море—вотъ матеріаль въ рукахъ зодчаго. Простыя, умѣренныя, спокойныя линіи мрамора — то отвѣсныя, то поперечныя — служатъ ему для того, чтобы яснѣе ограничить, окружить рамкою, выдѣ-

лить въ природѣ то, что человѣкъ считаетъ въ ней прекраснымъ и божественнымъ. Перенесите Акрополь въ другое мѣсто, въ другой пейзажъ, и слѣда не останется отъ его красоты. Здѣсь полная, никогда уже болѣе не повторявшаяся гармонія между твореніями рукъ человѣческихъ и природою: величайшее примиреніе этихъ двухъ, отъ вѣчности враждующихъ началъ — творчества людей и творчества божественнаго. *Согласно съ природою!* Вотъ основа и вдохновеніе всей греческой архитектуры.

Въ портикѣ, между двухъ колоннъ, я вижу море. Развѣ я и раньше не видалъ его? Но я никогда не зналъ *такого* моря. Между колоннами оно такъ же, какъ небо, и горы, и солнечная даль, принимаетъ какой-то новый смыслъ — *эллинское выраженіе*. Это уже вовсе не та практически утилитарная «водная поверхность», по которой ходятъ желѣзные броненосцы и современные торгово-промышленные пароходы, это вѣчная thallassa лазурная, кипящая влага, изъ которой вышла Венера-Анадиомена, богиня красоты.

Такъ въ Паренонѣ, съ грустью вспоминая нашу скучную жизнь, я думалъ: мы больше не умѣемъ творить *согласно съ природою*. Вотъ уже двадцать вѣковъ, какъ мы отошли и отреклись отъ нея. Безумные, безсильные! Чего мы ищемъ? Куда идемъ? Что поселило въ нашемъ сердцѣ смятеніе, недоувѣріе къ природѣ, страхъ передъ жизнью и передъ смертью? Нѣтъ у насъ въ душѣ ни героизма, ни счастья. Мы гордимся нашими знаніями и теряемъ образъ человѣческой, становимся подобными варварамъ среди унылой и нелѣпой роскоши, среди грандіозныхъ изобрѣтеній современной техники; мы одичали въ нашихъ безобразныхъ гигантскихъ городахъ — этихъ твердыняхъ изъ камня и желѣза, воздвигнутыхъ противъ стихійныхъ силъ природы...

Только здѣсь, въ Акрополѣ, понимаешь, что значить духъ свободнаго, великаго народа.

Все, что мы раздѣляемъ такъ мучительно и упорно; все, что доводитъ насъ до невыносимыхъ противорѣчій—небо и

и земля, природа и люди, добро и зло, сливалось для древнихъ въ одну гармонію. Творчество художника было высшимъ подвигомъ, и подвигъ героя — высшею ступенью красоты. Это—два откровенія одного начала. Единое въ единой душѣ человѣка.

Неужели намъ нѣтъ спасенія, и противорѣчія нашего ума и сердца неразрѣшимы? Неужели не суждено людямъ повторить того, что здѣсь было, и никогда новый Пареевонъ не будетъ созданъ новымъ эллиномъ, богоподобнымъ человѣкомъ на землѣ.

Я пишу эти строки осеннею ночью, при однообразномъ шумѣ дождя и вѣтра, въ моей петербургской комнатѣ. На столѣ у меня лежатъ два маленькихъ осколка настоящаго древняго камня изъ Пареевона. Благородный пентеликонскій мраморъ все еще искрится при свѣтѣ лампы... И я смотрю на него съ суевѣрной любовью, какъ благочестивый паломникъ на святыню, привезенную изъ далекой земли.

Трагедія цѣломудрія и сладострастія.

Въ Москвѣ, въ нынѣшнемъ году, поставлена трагедія Софокла «Антигона», судя по многочисленнымъ отзывамъ—тщательно, но едва ли вполне удачно, съ излишними сценическими эффектами.

Значеніе хоровъ, въ которыхъ заключена вся мудрость и поэзія трагедіи, ослаблено, потому что ихъ превратили въ оперные хоры. Публикѣ, впрочемъ, это понравилось: вѣроятно, безъ оперы она бы скучала отъ однообразной простоты великихъ словъ и не столь охотно посѣщала бы представленія. Но во всякомъ случаѣ постановка греческой трагедіи у насъ, и то, что толпа любопытствовала и шла въ театръ — есть уже событіе. Оно говоритъ о едва нарождающемся, смутномъ желаніи что-то понять прежде совсѣмъ ненужное, обратить взоры въ ту сторону, куда прежде все не смотрѣли. Но можетъ быть нехорошо, что нашей младенческой толпѣ, чтобы привлечь и забавить его, чтобы остановить ея вниманіе, — дѣлаютъ вѣчныя уступки: даютъ оперу въ трагедіи, скрывая подъ семитическими сентиментально-нѣжными мелодіями Мендельсона суровыя и безпощадныя пророчества древняго эллина; изъ другихъ трагедій—выбрана первою Антигона, произведеніе высокое и совершенное, но все-таки менѣе дерзновенное, чѣмъ остальные части трилогіи—Эдипъ-Царь и Эдипъ въ Колоннѣ. Тѣ, отъ кого зависѣлъ выборъ трагедіи, думали, вѣроятно, что Антигона современнѣе. Но ее только скорѣе, чѣмъ какую-либо иную трагедію, можно «приспособить» къ современной сентиментальности, понять со стороны неглу-

бокой, общедоступной, мнимо-христіанской чувствительности — что, вѣроятно, большинство публики, не скучающей во время представленія, и дѣлаетъ. Современность гораздо шире и глубже, чѣмъ случайное сентиментальное волненіе, которое можетъ дать среднему человѣку ложнопонятная Антигона. И если взоры людей невольно обращаются назадъ, къ великимъ произведеніямъ древности, со смутной надеждой найти въ нихъ звуки нашихъ дней,— почему не дать имъ то, въ чемъ звуки эти яснѣе и совершеннѣе, почему не показать живую связь прошлаго съ будущимъ безъ прикрасъ, уступокъ и смягченій?

Эврипидъ, въ сравненіи съ Эсхиломъ и Софокломъ, казался нѣкогда трагикомъ упадка. Его находили слишкомъ утонченнымъ, изысканнымъ, лишеннымъ той громовой силы, которая есть у его предшественниковъ, упрекали за то, что онъ отшелъ отъ правды жизни и допустилъ чудесное въ своихъ трагедіяхъ. Но такъ ли это?

Дѣйствительно, боги развязываютъ у него узлы человѣческихъ страстей сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ; онъ обнажаетъ два вѣчныя начала міра, «Я-» и «не-Я», Аполлона и Діониса, до послѣдней, почти безобразной, наготы, онъ знаетъ борьбу между ними, и уже символизируетъ ее въ «Ипполитѣ» борьбой двухъ богинь—Афродиты и Артемиды. Можетъ-быть, у него уже слишкомъ много сознанія, что лишаетъ его стихійной, первобытной мощи Эсхила и совершенной гармоніи Софокла; но именно это острое и тонкое сознаніе и преобладаніе его надъ стихійностью, глубокая прозрачность символовъ, разладъ, ослабляющій и углубляющій его и приближающій къ нему насъ, людей съ душами, едва пробудившимися къ сознанію, еще такими же раздвоенными, какъ душа Эврипида. Такъ же, какъ онъ, мы поняли, что трагедія мировой жизни заключается въ окружающей, въ проникающей насъ великой борьбѣ двухъ великихъ началъ; такъ же, какъ онъ, увидѣли что говорить о ней можно только символами, и какъ онъ—слишкомъ острымъ и тонкимъ сознаніемъ еще не сумѣли найти послѣдней гармоніи послѣдняго соединенія.

Афродита—сила, сладострастіе и красота—идеть против Артемиды, цѣломудренной, строгой, нѣжной—и такой же сильной и прекрасной. Обѣ онѣ равно прекрасны—и потому равно правы. Вѣчная борьба ихъ не оканчивается и никогда не окончится въ трагедіи міра пораженіемъ одной, побѣдой другой, и эта борьба не нарушаетъ ихъ олимпійской тишины и ясности, совершаясь *только* внизу, на землѣ, въ сердцахъ человѣческихъ. Артемида говоритъ Тезею, послѣ гибели Ипполита:

А есть такой обычай у блаженныхъ,
Что на своихъ въ семьѣ боговъ никто
Не возстаётъ, но каждый уступаетъ.
Не то, повѣрь, не стала бы терпѣть
Я, гордая, такого униженья.
Чтобъ изъ людей того, кто для меня
Дороже всѣхъ, невиннаго казнили.

.
Но какъ надъ нимъ ты долженъ плакать, смертный,
Когда и мнѣ его, богинѣ, жаль ¹⁾.

Молніеносную Афродиту-мстительницу Хоръ называетъ безпощадною:

Эросъ, Эросъ! Желанья
Ты вливаешь черезъ очи
Въ душу тѣхъ, кого губишь,
Проникая въ сердца
Упоительной нѣгой...
Не являйся мнѣ, Эросъ,
Разрушающей силой,
Безпощаднымъ врагомъ.
Нѣтъ, слабѣй огонь пожара
И свѣтилъ враждебныхъ людямъ
Смертоносные лучи,
Чѣмъ изъ рукъ твоихъ любезныхъ
Стрѣлы нѣжной Афродиты,
Олимпійское дитя.

1) Трагедія Эврипида «Ипполитъ» въ переводѣ Д. С. Мережковского.

И далѣе:

Диркейскій колодезь,
Священныя Фивы,
Вы помните ярость
Богини любви.
Тамъ Семелу, Діонисію,
Отъ Кроніона зачавшую,
Не на радость полюбившую,
Ты сожгла, Киприда, молніей:
Губишь ты своимъ дыханіемъ,
А потомъ, золотокудрая,
Улетаешь, какъ пчела!

Богиня Сладострастія мститъ человѣку, непокорному ей, чтущему въ сердцѣ своемъ Богиню Цѣломудрію; убиваетъ его и губитъ невинную Федру, «сжигаетъ ее своимъ дыханіемъ». Ипполитъ умираетъ, его должны принести къ отцу; и вдругъ, среди горя и плача, среди несчастій, созданныхъ Афродитой, передъ самымъ появленіемъ Артемиды, Хоръ возглашаетъ радостный, какъ бы побѣдный гимнъ:

Гордое сердце боговъ и людей
Ты, Афродита, смиряешь;
Вѣетъ надъ ними, порхая, твой сынъ
Легкій на радужныхъ крыльяхъ,
И надъ пѣвучей соленой волной
И надъ землею летаетъ...
Укрощаетъ Эросъ
И звѣрей свирѣпыхъ,
На горахъ живущихъ,—
Только что въ ихъ душу
Темную проникнетъ
Золотымъ лучомъ;—
И морскихъ чудовищъ,
И несмѣтныхъ тварей,
Вскормленныхъ землею,
Озаренной окомъ
Солнца — и людей!
Всѣмъ повелѣваетъ.
Надо всѣмъ, Киприда,
Ты одна царишь.

Какая тишина, какое благоволеніе къ злой силѣ прекраснаго!

Въ этотъ мигъ является Артемида, непобѣжденная и непобѣдившая, чистая, справедливая и холодная. Она снимаетъ клевету съ Ипполита:

О, милый мой, для мукъ ты былъ рожденъ
И жить съ людьми не могъ, затѣмъ, что слишкомъ
Была для нихъ душа твоя чиста.

Но, когда онъ, умирающій, взываетъ къ ней:

О, Артемида,
Взгляни, какъ я страдаю!..

Богиня отвѣчаетъ ему кротко:

Вижу все,
Но слезы лить не должно намъ, блаженнымъ.

Ипполитъ въ безуміи ропота восклицаетъ:

Зачѣмъ проклясть боговъ не могутъ люди?

Но Артемида утѣшаетъ его, безгнѣвно общается отомстить Афродитѣ, убивъ человѣка, который ей дороже всѣхъ. Борьба продолжается въ безконечность, и поле битвы все то же сердце человѣка. Эврипидъ понимаетъ, что эта борьба боговъ есть истинная жизнь людей, что она—біеніе ихъ сердца, движеніе крови, усиліе и побѣда мысли. Міръ—двѣ чаши вѣсовъ, вѣчно колеблющихся, двѣ разныя и равныя чаши, съ одной трепетной стрѣлкой вверху. И только двѣ, соединенныя и далекия, онѣ могутъ существовать, обреченныя на ничтожество одна безъ другой:

Если о мудрости вѣчныхъ боговъ помышляю,
Въ сердцѣ моемъ утихаетъ тревога,
И понимать начинаю
Волю безсмертныхъ
Въ мірѣ земномъ.

Прошло много вѣковъ, борьба Артемиды и Афродиты проявлялась многими символами, люди познали галилейское ученіе цѣломудрія, смиренія, отреченія и покорности, не побѣжденное радостью жизни и солнца—но и не побѣдившее ихъ.

Эврипидъ какъ будто за много вѣковъ прозрѣвалъ невѣдомое новое ученіе и носилъ его въ душѣ своей. Это смутно чувствовали люди старой русской церкви, тихіе и глубокіе, болѣе насъ близкіе къ тайнѣ жизни, потому что они въ эту тайну хотѣли проникнуть, тогда какъ теперешній средній человѣкъ, подъ корою сонной нехристіанской и неязыческой пошлости,—къ ней равнодушенъ. Наши древніе иконописцы изображали языческихъ мудрецовъ, поэтовъ и сибиллъ, предвѣщавшихъ Мессію. И въ Вяжицкомъ монастырѣ, въ храмѣ святого Николая (1462 г.), подъ Спасителемъ, сидящимъ на престолѣ, изображенъ: «Трагикъ Эврипидъ» со свиткомъ *«Азъ чаю неприкосновенному родитися отъ Дѣвы и воскресити мертвыя и паки судити имъ»*.

Въ Петербургѣ, на частной сценѣ, предполагается постановка «Ипполита», съ возможной вѣрностью и строгостью. Обѣщано участіе артистовъ Императорскихъ театровъ. Хоры будутъ сопровождаться музыкой, которую напишетъ бар. Е. Овербекъ. Полное подражаніе древней обстановкѣ недостижимо—да и ненужно. Все мелочное, временное уходитъ со временемъ, остается лишь вѣчное, и ясною должна быть только цѣпь, соединяющая наши помыслы и желанія съ душой великаго поэта и пророка. Антигона можетъ растрогать на минуту добраго, средняго человѣка, можетъ испугать и ослѣпить душу болѣе глубокую; но надо, чтобы нѣжный дѣвственный Ипполитъ заговорилъ со сцены, чтобы Богиня Цѣломудрія, Артемида, и Богиня Сладострастія, Афродита, страшная какъ смерть, золотая и легкая какъ пчела,—стали вновь лицомъ къ лицу въ вѣчной борьбѣ, губя и возвеличивая сердца человѣческія, и тогда, можетъ-быть, многіе, смутно или ясно, вдругъ почувствуютъ, какъ двѣ чаши вѣсовъ міра, разныя и равныя—колеблются, и какъ дрожить между ними, вверху, единая стрѣлка, не умѣя найти послѣднюю неподвижность.

Маркъ Аврелій.

Передо мною послѣдній томъ громаднаго историческаго изслѣдованія Ренана — книга, озаглавленная: «*Mars Aurèle et la fin du monde antique*». Это одно изъ самыхъ блестящихъ характерныхъ созданий его гения.

Сентиментальный и чувственный культъ художественнаго католицизма, несмотря на отреченіе отъ него Ренана, оставилъ на немъ неизгладимые слѣды. Эпохи мистическаго созерцанія ему болѣе симпатичны и доступны, чѣмъ эпохи сильнаго религіознаго творчества и борьбы. Темпераментъ писателя лучше всего узнается по стилю. Въ этомъ отношеніи Ренанъ — полная противоположность Тэну. Языкъ Тэна стремится къ чрезмѣрному изобилію образовъ, къ роскоши и силѣ. Онъ не чуждъ пестроты, гиперболъ и преувеличеній. Тэнъ подражаетъ колориту Рубенса, котораго онъ любитъ. Таковъ характеръ его творчества. Тэнъ по преимуществу описываетъ эпохи крайнаго напряженія воли, сосредоточеннаго драматизма и дѣйствія—революцію, Возрожденіе, съ его великими характерами и борьбою страстей. Онъ любитъ изображать темпераменты цѣльные, съ избыткомъ жизненной силы и воли, какъ Свифтъ, Рубенсъ; Бетховень, Наполеонъ.

Стиль Ренана прежде всего удивляетъ простотою. Онъ напоминаетъ древнихъ благороднымъ изяществомъ чуждымъ всѣхъ украшеній. Въ концѣ-концовъ, сила въ языкѣ Тэна переходитъ въ напряженіе, а напряженіе утомляетъ и дѣлается однообразнымъ: если долго всматриваться въ образы Тэна, яркость начинаетъ казаться пестротою, и

этотъ слишкомъ красивый языкъ, уснащенный романтическими контрастами и образами, можетъ, наконецъ, пресытить читателя, какъ слишкомъ пряное блюдо. Ренанъ никогда не пресыщаетъ. Въ его легкомъ классически-прозрачномъ стилѣ есть спокойная грація. Безъ толчковъ, безъ сотрясеній онъ подымаетъ насъ незамѣтными переходами, какъ будто по волнообразнымъ холмамъ, на недостижимую высоту, съ которой обрывистыя вершины романтическаго вдохновенія кажутся небольшими возвышенностями. Мы понимаемъ, что въ писателѣ спокойствіе столь же драгоценно, какъ сила: великая тишина — такой же признакъ генія, какъ и великое волненіе. Ренанъ пересталъ быть священникомъ, но онъ остался pontifex maximus Невѣдомаго Бога. Если онъ и снялъ рясу, то все-таки считаетъ неприличными слишкомъ рѣзкія и быстрыя движенія: по его тихой, торжественной манерѣ вы можете узнать человѣка, привыкшаго священнодѣйствовать. Иногда въ этомъ спокойномъ, глубокомъ стилѣ современнаго парижскаго скептика слышатся далекіе отголоски органа, тихіе церковные напѣвы, залетѣвшіе откуда-то изъ-подъ сводовъ католическаго собора.

Темпераментъ Ренана прежде всего аристократическій. Вотъ что препятствуетъ ему проникнуть въ психологію массовыхъ движеній: Ренанъ безсознательно боится толпы, и тѣмъ болѣе взволнованной, фанатической толпы; какъ бы онъ ни изучалъ ее, она остается ему навѣки чуждой. Онъ не терпитъ ничего рѣзкаго и порывистаго. Чрезмѣрная сила страсти кажется ему грубой и оскорбительной; онъ отворачивается отъ нея такъ же, какъ отъ чрезмѣрной силы вѣры, на которую, впрочемъ, смотреть рѣдко съ негодованіемъ, какъ на фанатизмъ, — чаще съ грустной снисходительной улыбкой, какъ врачъ на проявленіе хорошо извѣстной ему болѣзни. Онъ не выноситъ слишкомъ громкихъ криковъ — ни священнаго экстаза, ни гнѣвной толпы, ни предсмертныхъ страданій. Онъ набрасываетъ на агонію своихъ мучениковъ успокоительную дымку; они умираютъ у него спокойно и красиво: невольно кажется, что въ дѣйствительности было страшнѣе. Онъ придаетъ ихъ послѣднимъ

минутамъ не болѣе трагизма и ужаса, чѣмъ могутъ вынести первы современной свѣтской женщины. И къ этому побуждаетъ его не только аристократизмъ темперамента, но и то внѣшнее благолѣпіе, которое соблюдаютъ жрецы всѣхъ временъ и всѣхъ вѣрованій, даже жрецы невѣрія.

Эпоха, описанная въ «Маркѣ Авреліи»,—отъ шестидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ второго вѣка—въ высшей степени доступна проникновенію Ренана, благодаря свойствамъ его темперамента. Это по преимуществу эпоха философскаго созерцанія, а не народнаго творчества; аристократической мудрости, а не бурныхъ массовыхъ движеній; внутренней жизни, а не внѣшняго дѣйствія. Кончились пять актовъ всемірной трагедіи христіанства, продолжавшейся отъ царствованія Тиверія до смерти Антонина. Подъемъ человѣческаго духа, создавшій новую религію, начиналъ ослабѣвать; геній народовъ, утомленный творчествомъ, стремился къ отдыху. Свободныя вѣрованія сердца люди снова записывали на скрижали догматовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ трагедія дома Цезарей завершилась яснымъ вѣкомъ — какъ будто тихимъ закатомъ послѣ бурнаго дня—вѣкомъ Траяна, Адриана и Антониновъ. Въ грядущемъ предстояли послѣднія бури, послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ, античнаго міра съ варварами. Эпоха Марка Аврелія —недолгій перерывъ, глубокое затишье между двумя бурями. Бываютъ осенніе дни, когда лѣтнія грозы прошли, а позднія ненастья еще не наступили—когда въ туманномъ воздухѣ, въ мягкомъ, блѣдномъ свѣтѣ солнца царитъ усталость, нѣжная грусть и успокоеніе, какъ будто примиреніе со смертью...

Такой осенній день въ исторіи—вѣкъ императора Марка Аврелія. Повидимому, всюду распространяются блага римской цивилизаціи—«рах Романа», и вмѣстѣ съ нею внѣшнее счастье, просвѣщеніе и матеріальное довольство. Народы благодарны императору, всѣ его любятъ, ничто не угрожаетъ внутреннему процвѣтанію государства. Люди не знаютъ, на что жаловаться, а между тѣмъ чувствуютъ необъяснимую, съ каждымъ днемъ возрастающую тревогу

и утомленіе. Надъ этимъ культурнымъ обществомъ, завершившимъ циклъ развитія и достигшимъ зрѣлости, вѣтъ предчувствіемъ смерти. И мудрость великаго Цезаря сіяетъ надъ міромъ, обреченнымъ на гибель, какъ позднее солнце осени, никого не утѣшая и не радуя.

Настроеніе эпохи Марка Аврелія соотвѣтствуетъ настроенію конца нашего вѣка. То же внѣшнее благосостояніе и внутренняя тревога, тотъ же скептицизмъ и жажда вѣры, та же грусть и утомленіе. Ренану стоило только оглянуться на современное общество, чтобы заимствовать тысячи аналогій, посредствомъ которыхъ онъ умѣетъ придавать разсказу о далекомъ прошломъ столько жизни и художественной правды. Быть-можетъ, нѣтъ въ исторіи ничего трогательнѣе, чѣмъ тяготѣніе другъ къ другу, безкорыстная духовная связь, соединяющая мыслителей, раздѣленныхъ вѣками. Въ самомъ дѣлѣ, Ренанъ любитъ Марка Аврелія, какъ человѣкъ любитъ человѣка родного ему по духу. Что же это за таинственное духовное сродство современнаго скептика съ римскимъ императоромъ второго вѣка? Вотъ съ какимъ благоговѣніемъ и нѣжностью говоритъ Ренанъ о культѣ, который воздавали Марку Аврелію послѣ его смерти («numen Antoninum»):

«Никогда культъ не былъ болѣе законнымъ, и въ настоящее время мы его раздѣляемъ. О, да, всѣ мы готовы скорбѣть о Маркѣ Авреліи, какъ будто вчера онъ еще умеръ. вмѣстѣ съ нимъ царствовала философія. Благодаря ему міръ одно мгновеніе былъ управляемъ лучшимъ и величайшимъ человѣкомъ времени. Во всякомъ случаѣ важно, что опытъ былъ сдѣланъ. Будетъ ли онъ повторенъ? Возарится ли, въ свою очередь, современная философія, какъ древняя? Найдеть ли она своего Марка Аврелія, окруженнаго Фронтонями и Юніями Рустиками? Правленіе человѣческими дѣлами будетъ ли еще разъ принадлежать мудрѣйшимъ? Впрочемъ, не все ли равно? Это царство не могло бы продлиться больше одного дня, и, безъ сомнѣнія, еще разъ за нимъ послѣдовало бы царство безумцевъ. Привыкнувъ съ улыбкой созерцать вѣчную смѣну человѣческихъ

иллюзий, современная философія слишкомъ хорошо постигла законъ мимолетныхъ увлеченій толпы».

Отъ послѣднихъ строкъ вѣтъ безнадежнымъ холодомъ, который всегда таился въ душѣ Ренана, даже въ порывахъ любви и нѣжности. Онъ чувствуетъ себя такимъ же одинокимъ въ современномъ обществѣ, какъ Маркъ Аврелій въ Римѣ второго вѣка. Неутолимая скорбь, одиночество, презрѣніе къ современникамъ и мистическая вѣра безъ догматовъ связываетъ такихъ людей, какъ Ренанъ и Маркъ Аврелій, черезъ всѣ вѣка, культуры и религіи. Они узнаютъ другъ друга и заключаютъ союзъ.

II.

Взглянувъ на древніе бюсты Антонина, на это печальное, кроткое, почти христіанское лицо, понимаешь, что народы не даромъ назвали его Pius, что въ самомъ дѣлѣ святой императоръ былъ добрымъ геніемъ человѣчества. Въ семьѣ Антониновъ, въ которой воспитывался Маркъ Аврелій, мудрость и добродѣтель были наслѣдственными. Владычество Нервы, Траяна, Адриана и Антонина, проникнутое философскимъ и республиканскимъ духомъ, не имѣло ничего общаго ни съ грубымъ унижительнымъ деспотизмомъ Востока, ни съ преувеличеннымъ ребяческимъ благоговѣніемъ передъ правомъ крови, царившимъ въ средніе вѣка. Власть императора при Антонинахъ превратилась въ родъ гражданской великой службы безъ риторики величія, безъ пышности. Въ этомъ домѣ ненавидѣли самое воспоминаніе о прежнихъ великолѣпныхъ развратныхъ и жестокихъ цезаряхъ. Ни блеска, ни страха, ни благоговѣнія,—властью спокойно обладали и равнодушно дѣлили ее между собою, заботясь о пользѣ государства. Тайственный ореоль, окружавшій тронъ, померкъ въ глазахъ цезарей-скептиковъ и философовъ. Въ такой средѣ выросъ Маркъ Аврелій. Адрианъ замѣтилъ этого тихаго, печальнаго ребенка, когда ему было еще восемь лѣтъ, и полюбилъ его. Въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ Маркъ спокойно ждалъ власти. И вотъ

когда однажды вечеромъ Антонинъ въ своей виллѣ Лоріумъ, почувствовавъ приближеніе смерти, велѣлъ, по обычаю, перенести въ комнату наслѣдника золотую статую богини Счастія, Маркъ остался такимъ же спокойнымъ и грустнымъ, какъ прежде. Проникновеніемъ философа онъ постигъ ничтожество всѣхъ радостей и, полный кроткимъ, но глубокимъ разочарованіемъ въ людяхъ и въ жизни, ничего не ждалъ отъ власти.

Его юность протекла среди сельской природы; подъ наблюденіемъ Фронтонна онъ занимался изученіемъ латинской риторики. Однажды философъ Юній Рустикъ далъ Марку изъ своего книгохранилища «Разговоры» Эпиктета. Эта книга сдѣлала его стойкомъ.

Философія требовала умерщвленій плоти: она походила въ то время на суровый монастырскій уставъ. Съ двѣнадцати лѣтъ царственный отрокъ одѣлъ грубый плащъ философа, привыкъ спать на голыхъ доскахъ и исполнять другія требованія стоическаго воздержанія. Мать должна была просить и настаивать, чтобы онъ покрылъ свое жесткое ложе звѣриной шкурой. Отъ этой жизни нѣсколько разъ страдало его здоровье. Время онъ раздѣлялъ на строго опредѣленные часы работы и созерцанія, какъ монахъ. Внѣшностью походилъ на своихъ учителей: простая скромная одежда, небрежная прическа, истощенное тѣло, глаза, утомленные работой. Вопросы долга и нравственности были единственными, которые волновали и захватывали всю его душу. Но ему недоставало—какъ выражается историкъ—поцѣлуя феи при рожденіи, той страны мудрости, которая учитъ, что нельзя сводить жизнь на воздержаніе, на стоическія «abstine et sustine», что въ мірѣ есть, кромѣ долга, и радость, и смѣхъ, и солнечный свѣтъ, дарованный намъ самими богами.

Отъ философскаго педантизма и сухости его спасали неизсякаемая доброта и мягкость души. Встрѣчая пороки людей, онъ говорилъ: «таковъ порядокъ природы—такіе люди по необходимости должны такъ дѣйствовать. Желать,

чтобы было иначе, это все равно, что желать, чтобы фиговое дерево давало не свои плоды».

Народъ его боготворилъ, несмотря на то, что императоръ не дѣлалъ черни ни малѣйшихъ уступокъ, никогда не искалъ ложной популярности.

Еще со времени Адриана возвышенные принципы стоической философіи начинаютъ проникать въ римское право. Съ царствованія Антонина и Марка Аврелія кроткіе законы окончательно сломили суровый духъ древняго римскаго законодательства и превратили его въ кодексъ, который впослѣдствіи могъ быть принятъ, какъ основаніе для законовъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ.

Завѣтнымъ желаніемъ императора было полное уничтоженіе кровавыхъ зрѣлищъ цирка, уже давно возмущавшихъ нравственное чувство лучшихъ людей эпохи. Но народъ слишкомъ любилъ эти игры. Когда Маркъ Аврелій вооружилъ гладіаторовъ во время войны съ германцами, произошло чуть не возстаніе. Историкъ Капитолинъ рассказываетъ, что толпа кричала: «онъ хочетъ отнять наши забавы, чтобы заставить насъ философствовать!»

Но между тѣмъ, какъ въ шумномъ амфітеатрѣ радостные крики народа привѣтствовали смерть гладіаторовъ, въ тишинѣ кабинетовъ юрисконсульты работали надъ новыми законами, воздвигая то вѣковѣчное зданіе римскаго права, которое впослѣдствіи способствовало уничтоженію рабства. Близился день, когда Ульпіанъ долженъ былъ написать великія слова, неизгладимыя въ памяти народовъ: «по естественному праву всѣ люди рождаются свободными и равными».

Тогда начинается то, что Ренанъ называлъ «царствомъ философовъ». Маркъ Аврелій стремился къ идеалу Платона. Мудрецы окружаютъ императора. Его бывшіе учителя дѣлаются министрами и государственными людьми. Въ прежнее время консульская власть была исключительно привилегіей древнихъ аристократическихъ фамилій; теперь консулами дѣлаются по очереди философы—Атикъ, Фронтонъ, Юній Рустикъ, Клавдій Северъ, Прокль. Импе-

раторъ расточаетъ имъ неслыханныя почести: привѣтствуя передъ народомъ, обнимаетъ, воздвигаетъ статуи и послѣ смерти приноситъ жертвы на ихъ могилахъ. Со всѣхъ концовъ міра стекаются къ нему знаменитые мыслители. Онъ основываетъ новыя кафедры въ Аѳинахъ и, безъ двора, безъ свиты, смѣшивается съ толпою философовъ на улицахъ Александріи. Онъ смотритъ на нихъ, какъ на братьевъ, съ которыми слѣдуетъ дѣлить власть. Въ то время философія еще не успѣла выродиться, какъ въ эпоху римскаго упадка, когда по свидѣтельству одной мозаики время императора Гонорія, единственная обязанность философа заключалась въ томъ, чтобы держать зонтикъ надъ госпожой и прогуливать ея комнатную собачку. При Маркѣ Авреліи философія дѣлается почти религіознымъ культомъ. У нея свои пророки, миссіонеры, исповѣдники и казуисты. Знатныя особы держали при себѣ домашняго философа. Образовалась профессія мудреца: для нея надо было обладать представительной внѣшностью, красивой бородой, умѣньемъ съ достоинствомъ носить широкую тогу. Говорятъ, Румелій Плавтъ имѣлъ при своей особѣ двухъ докторовъ мудрости—Церана и Музонія,—одного грека, другого этруска: ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы наставленіями освобождать душу вельможи отъ страха смерти. Какъ въ наши дни передъ кончиной призываютъ священника, такъ тогда призывали мудреца. Траzea умираетъ, напутствуемый циникомъ Деметріемъ. Канъ Юлій шествуетъ на казнь, сопровождаемый «своимъ философомъ». Такимъ образомъ, параллельно съ христіанскою проповѣдью, начинается настоящая языческая проповѣдь философіи. Діонъ Хризостомъ, Теагенъ въ Римѣ превращаетъ политеизмъ въ своеобразную, почти мистическую, доктрину. Максимъ Тирскій—въ «Проповѣдяхъ» уже монотеистъ—смотритъ на образы языческихъ боговъ, какъ на символы, необходимые для человѣческой слабости, и вѣритъ въ единаго Бога.

Философы, какъ впоследствии іезуиты, болѣе всего стремятся овладѣть совѣстью государей. Они въ этомъ исполнѣ

успѣваютъ, дѣлаются неразлучными друзьями императора: мудрецъ—его *comes*, онъ состоитъ у государя какъ бы на службѣ и получаетъ опредѣленное жалованье.

Мечта Сенеки и Платона, повидимому, исполняется: на землѣ водворилось донинѣ небывалое царство философовъ.

Маркъ Аврелій, обладая величайшей самоотверженностью и безграничной властью римскаго цезаря, преслѣдуетъ задачу счастья и справедливости на землѣ такъ рѣшительно, упорно и страстно, какъ до тѣхъ поръ еще никто не преслѣдовалъ этой цѣли. Достигъ ли онъ чего-нибудь?.. Въ томъ отвѣтѣ, который приходится дать, обнаруживается вся иронія человѣческихъ судебъ.

Варвары перешли черезъ Дунай. Движеніе началось издалека. Вся масса германцевъ и славянъ двинулась и заколебалась. Римскіе легіоны не выдержали этого страшнаго толчка и отступили. По всей Италіи распространилась паника. Началось великое движеніе народовъ, которое должно было окончиться смертью римской имперіи. Говорили, что со времени пуническихъ войнъ государство еще ни разу не подвергалось такой опасности. Къ войнѣ присоединилась моровая язва.

Маркъ Аврелій, какъ философъ, ненавидѣлъ войну. Военные подвиги казались ему бессмысленными или преступными. Онъ пишетъ въ дневникѣ: «паукъ гордится, поймавъ муху; тотъ—поймавъ зайца; другой—сардинокъ; третій—кабановъ; четвертый—медвѣдей; пятый — сарматскихъ воиновъ. Съ точки зрѣнія принципа, всѣ—разбойники».

Понимая нелѣпость войны, онъ изъ чувства долга сдѣлался великимъ полководцемъ. Онъ защищалъ римскую цивилизацію противъ стихійной, дикой силы варваровъ. Чтобы имѣть больше денегъ для войны, императоръ продавалъ драгоценную мебель изъ дворцовъ; вооружилъ гладиаторовъ, рабовъ, *диогмитовъ* (полицейскихъ чиновниковъ), даже разбойниковъ.

Отнынѣ царственный философъ долженъ былъ проводить почти всю жизнь на берегахъ Дуная и Грана, на ди-

кихъ унылыхъ равнинахъ Венгріи, въ полуварварскихъ городахъ Карнонтъ и Сирміумъ. Онъ испытывалъ безпредѣльное отвращеніе къ войнѣ и скуку, но побѣждалъ себя и велъ эту однообразную, безконечную кампанію противъ квадовъ и маркомановъ терпѣливо, медленно и успѣшно. Армія его любила. Съ дикими варварами онъ обращался, какъ истинный философъ, уважая и въ нихъ человѣческое достоинство. Весь день онъ проводилъ среди военныхъ упражненій въ лагерѣ и только вечеромъ, когда шумъ оружія, звуки трубъ и военной команды затихали, одинокій и печальный, уходилъ въ свою походную палатку, чтобы, наконецъ, успокоиться, подумать о бесполезности борьбы, которую онъ ведетъ, и, засвѣтивъ лампаду философа, почитать любимую книгу Эпиктета или записать какую-нибудь мысль въ свой дневникъ. Въ такія грустныя, безсонныя ночи, когда уже солдаты спали, и въ лагерѣ воцарялась глубокая тишина, прерываемая только сигналами часовыхъ, императоръ, должно-быть, выходилъ изъ своего шатра, смотрѣлъ задумчиво на звѣздное сѣверное небо, и ему являлась мысль, которую я нахожу въ его дневникѣ:

«Пифагорейцы предписываютъ подымать на зарѣ наши взоры къ свѣтиламъ небеснымъ, чтобы напомнить себѣ объ этихъ существахъ, стремящихся вѣчно по тѣмъ же законамъ, вѣчно по тому же пути, чтобы напомнить себѣ объ ихъ порядкѣ, безупречной ясности и наготѣ, такъ какъ они являются намъ безъ покрововъ». Императоръ хотѣлъ, чтобы душа его была во всемъ подобна этимъ существамъ—такую же свѣтлою, простою и чуждою всѣхъ тайнъ передъ людьми.

Ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Приближалась преждевременная старость. Онъ умертвилъ въ себѣ личную жизнь, всѣ желанія и, повидимому, достигъ покоя. Но судьба готовила новыя испытанія.

Авидій Кассій, умный и образованный человекъ, когда-то любившій Марка Аврелія, былъ убѣжденъ, какъ римлянинъ старыхъ традицій, что греческая философія въ

дѣлахъ правленія можетъ только повредить государству. Онъ называлъ императора «доброй, философской женщиной». Часть римскаго общества и даже народа сочувствовала ему. Философія, наконецъ, всѣхъ утомила. Высокихъ цѣлей не понимали, а видѣли, что циники, эти грубые люди—лсы, какъ они сами себя называли, съ огромными палками, запущенной бородой, мѣшками, въ изодранныхъ грязныхъ плащахъ, буйствуютъ на большихъ дорогахъ и площадяхъ, считая себя, въ виду покровительства императора, неотвѣтственными передъ закономъ. Чернь смѣялась надъ знаменитыми учителями философіи: «за его длинную бороду ему платятъ жалованье въ десять тысячъ сестерцій; что же? надо бы платить жалованье и козламъ!» Нищіе бѣглые рабы, лѣнливые ремесленники, плохіе актеры спѣшили записаться въ цехъ «философовъ», находя это ремесло наиболѣе выгоднымъ и легкимъ. Люди сумѣли превратить и царство мудрецовъ въ глупый фарсъ. Пользуясь искреннимъ негодованіемъ, съ которымъ смотрѣла консервативная часть общества на этихъ проходимцевъ, считавшихъ Марка своимъ человѣкомъ. Авидій Кассій поднялъ возмущеніе не противъ Марка Аврелія императора, а противъ Марка Аврелія философа.

Такимъ образомъ доброта и мудрость государя повредили ему больше всего. Какъ истинный римлянинъ, онъ питаетъ инстинктивное отвращеніе къ восточнымъ религиознымъ суевѣріямъ. Къ нимъ онъ причислялъ и христіанство. Его пугалъ этотъ непонятный и непобѣдимый мистицизмъ, отрицавшій весь государственный строй Рима. Императоръ разрѣшилъ чиновникамъ преслѣдовать христіанъ, какъ членовъ преступной ассоціаціи, какъ мятежниковъ. Кровь невинныхъ была пролита съ разрѣшенія самаго кроткаго изъ людей. Единственный разъ, когда онъ принудилъ себя быть суровымъ, суровость повредила ему столько же, какъ доброта.

И въ личной жизни, какъ во всемъ, императоръ былъ мученикомъ. Жена его не понимала. Быть-можетъ, Фаустина любила мужа въ то время, когда они еще жили во

дворцѣ Лоріумъ или въ затишьи лѣсовъ виллы Ланувіумъ на послѣднихъ отрогахъ Альбанскихъ горъ. Но любовь прошла, и философія наскутила молодой красивой женщиной. Выдержки изъ Эпиктета возбуждали въ ней тоску; спокойствіе и кротость мужа раздражали ее, казались оскорбительными. Распространилась клевета, которая повторялась даже со сцены актерами, но, вѣроятно, не имѣла основанія: говорили, что императрица въ преступной связи съ приближеннымъ ея мужа, Луціемъ Веромъ. Императоръ не обращалъ вниманія на насмѣшки и какъ будто не видѣлъ зла. Но онъ съ горечью чувствовалъ, что Фаустина отъ него удаляется, затаилъ въ себѣ грусть, молчалъ и не измѣнялъ до конца отношенія къ женѣ, которое Ренанъ называетъ «неумолимой кротостью».

Въ эти послѣдніе годы ни на одно мгновеніе не покидала его мысль о смерти. Онъ жилъ въ императорскихъ дворцахъ, какъ великіе христіанскіе отшельники. Аммоній, Ниль, Пахомій жили въ пустыняхъ Оиваиды. Мудрость никому не достается даромъ. Невозмутимое спокойствіе; кротость, привѣтливое лицо скрывали страшную внутреннюю болѣзнь души. Онъ позналъ ничтожество всего, даже послѣдней иллюзіи—славы, человѣческой любви, и скорбь его была безпредѣльна. Силы падали. Въ послѣднее время онъ могъ говорить только тихимъ голосомъ и ходилъ маленькими шагами. Зрѣніе ослабѣвало. Къ вечеру онъ такъ утомлялся, что не былъ въ состояніи держать въ рукахъ книгу. Императоръ передъ смертью начиналъ понимать, что царство философовъ остается невыполнимою мечтою. Онъ предчувствовалъ, что Риму не побѣдитъ варваровъ; искусства и науки падали; въ народѣ распространялись грубыя, нелѣпыя суевѣрія. Одни только законы сдѣлались немного мягче и справедливѣе, но люди остались такими же несчастными, невѣжественными и жестокими. Во всѣхъ слояхъ общества царствовала скорбь, утомленіе жизнью,—то, въ чемъ христіане видѣли предчувствіе конца міра.

Между тѣмъ на краю могилы императоръ понялъ, что его любимый сынъ Коммодъ, наслѣдникъ престола, кому

онъ долженъ вручить послѣ своей смерти судьбу человѣчества, за кого онъ отвѣчаетъ передъ людьми и передъ Богомъ,—полузвѣрь, будущій Неронъ, Калигула или Домиціанъ, болѣе похожій на сына гладіатора, чѣмъ на сына мудреца. Зло обнаружилось мало-по-малу, и кроткій императоръ почувствовалъ весь его ужасъ, когда было уже поздно. Онъ не могъ лишить Кѡммода престола, зная навѣрное, что тотъ подыметъ возстаніе, а для государства въ смутное время, когда отовсюду грозили варвары, междоусобная война была бы гибельнѣе, чѣмъ самое жестокое правленіе. Природа посмѣялась надъ тѣмъ, кто всю жизнь вѣрилъ въ Провидѣніе. Это былъ его ребенокъ—кровь отъ крови, плоть отъ плоти: онъ узнавалъ свои черты въ чертахъ безмысленнаго атлета съ молодымъ цвѣтушимъ тѣломъ, съ кровожаднымъ сердцемъ. Маркъ Аврелій, возлагая послѣднюю наивную надежду на воспитаніе, окружилъ Кѡммода знаменитѣйшими учителями философіи и морали. Тотъ слушалъ ихъ, по выраженію Ренана, какъ слушалъ бы молодой левъ, зѣвая и показывая острые зубы. Наслѣдникъ Марка Аврелія чувствовалъ себя вполнѣ дома только среди мимовъ, наѣздниковъ цирка и гладіаторовъ, которыхъ онъ превосходилъ силой и грубостью.

«О, смерть, приди скорѣе, не медли!...» писалъ императоръ въ своемъ дневникѣ. «Я удаляюсь изъ этой жизни, гдѣ даже спутники мои, за которыхъ я столько боролся, страдалъ, которымъ я такъ искренно желалъ блага, ждуть, когда же, наконецъ, я умру, надѣясь, что послѣ моей смерти имъ будетъ лучше».

«Посредствомъ анализа,—говоритъ Ренанъ,—онъ до такой степени разлагаетъ жизнь, что она уже почти не отличается отъ смерти. Онъ достигаетъ всепрощенія, равнодушія, умѣряемаго жалостью и презрѣніемъ... Послѣднія движенія жизни въ этой душѣ были почти такъ же тихи, какъ едва слышные звуки во внутренности гроба. Онъ достигъ буддійской *нирваны*, евангельскаго *мира*. Какъ—Сакья-Муни, Сократъ, Францискъ Ассизскій и еще три или четыре мудреца, онъ окончательно побѣдилъ смерть».

Онъ могъ говорить о ней съ улыбкой, такъ какъ воистину она болѣе не имѣла для него смысла».

10 марта 180 года онъ заболѣлъ въ лагерѣ на берегахъ Дуная и, съ радостью почувствовавъ приближеніе смерти, сталъ воздерживаться отъ всякой пищи и смотрѣлъ на себя, какъ на умирающаго.

Но, исполняя послѣдній долгъ отца передъ сыномъ, императора передъ народомъ, онъ имѣлъ еще силу выйти къ войску и представить ему наслѣдника. Лицо философа, какъ всегда было блѣдно, спокойно и привѣтливо. Но онъ зналъ, что дѣлаетъ,—зналъ, кому отдаетъ въ руки судьбу человѣчества. Въ эти послѣднія страшныя минуты измѣнила ли ему философія, пробудилась ли въ немъ жизнь и вмѣстѣ съ нею отчаяніе, или ничто уже не могло нарушить покоя?...

Черезъ семь дней, чувствуя, что наступилъ конецъ, онъ покрылъ себѣ лицо, какъ будто желая уснуть, и въ слѣдующую ночь скончался.

Люди воздавали ему божескія почести; заключили его останки въ мавзолей Адріана; называли не иначе какъ: «Маркъ—мой отецъ», «Маркъ—мой братъ», «Маркъ—мой сынъ», смотря по возрасту. Но, вѣроятно, многіе, узнавъ про его смерть, подумали: «ну, слава Богу! конченъ долгій постъ, кончилось унылое царство мудрецовъ!»—и вздохнули съ облегченіемъ.

Послѣ отца-философа на престолъ вступилъ сынъ-гладіаторъ. «Прощай, добродѣтель! прощай, разумъ! Если Маркъ Аврелій не могъ спасти міръ, кто же спасетъ его?.. Да здравствуетъ безуміе, да здравствуетъ сиріецъ и его сомнительные боги!» (Ренанъ).

Попытка философа сдѣлать человѣчество мудрымъ завершилась кровавымъ фарсомъ Кѳммода, и послѣ краткаго перерыва снова побѣдила человѣческая глупость.

III.

Если вы ищете въ книгѣ новыхъ фактовъ, знаній, отпечатка исторической эпохи, поэзіи или философской системы, то дневникъ Марка Аврелія дастъ вамъ немного.

Это книга, болѣе чѣмъ какая-либо другая, независима отъ условій мѣста и времени, отъ всякой предвзятой системы, отъ требованій литературнаго слога, отъ желанія нравиться или открывать новыя истины. Ея глубокая цѣль—отрѣшеніе отъ жизни; ея область—душа человѣческая, освобожденная отъ всего, что сковываетъ ее на землѣ. Стоицизмъ II вѣка оставилъ слѣды на мысляхъ Марка Аврелія, но это—слѣды внѣшній. Въ сущности нравственное настроеніе императора имѣетъ часто болѣе сродства съ апостоломъ Павломъ и Сакья-Муни, чѣмъ со стоикомъ Эпиктетомъ.

Если же вы возьмете эту книгу въ руки съ искренней жаждой вѣры, съ тревожной совѣстью и душою, взволнованною великими несмолкаемыми вопросами о долгѣ, о смыслѣ жизни и смерти,—дневникъ Марка Аврелія васъ увлечетъ, покажется болѣе близкимъ и современнымъ, чѣмъ многія созданія вчерашнихъ геніевъ. Вы почувствуете, что это—одна изъ тѣхъ безконечно рѣдкихъ книгъ, которыхъ сердцемъ не забываешь и о которыхъ приходится вспоминать не въ библіотекахъ, ученыхъ кабинетахъ и аудиторіяхъ, а въ жизни, среди страстей, искушеній и нравственной борьбы. Эта книга—живая. Она можетъ не произвести никакого впечатлѣнія, но разъ она затронула сердце, ее уже нельзя не любить. Я не знаю болѣе сладкаго и глубокаго ощущенія, чѣмъ то, которое испытываешь, встрѣчая свои собственныя, никому не высказанныя мысли въ произведеніи человѣка далекой культуры, отдѣленнаго отъ насъ вѣками. Тогда только перестаешь на мгновеніе чувствовать себя одинокимъ и понимаешь общность внутренней жизни всѣхъ людей, общность вѣры и страданій всѣхъ временъ. Съ какимъ удивленіемъ и радостью узнаешь все, о чемъ только что говорилъ съ близкимъ человѣкомъ или думалъ наединѣ съ собою, все, чѣмъ мы въ настоящее время живемъ и отъ чего гибнемъ, все наше невѣріе и наши нравственныя муки—въ этихъ небрежныхъ замѣткахъ, въ этомъ походномъ дневникѣ, торопливо набросанномъ въ палаткѣ, гдѣ-то на берегахъ Дуная, среди варваровъ, во II вѣкѣ римскимъ императоромъ, умершимъ больше чѣмъ за пол-

торы тысячи лѣтъ назадъ. Но это не императоръ, это не римлянинъ, это даже не человѣкъ съ его обычнымъ лицемѣриемъ и самолюбіемъ — это душа, обнаженная отъ всѣхъ покрововъ, которую мы созерцаемъ лицомъ къ лицу, какъ нашу собственную душу. Вся книга — одинъ монологъ изъ трагедіи сердца великаго и непонятаго людьми. Предвидишь неминуемую развязку трагедіи, но герой умираетъ съ такимъ величіемъ, съ такимъ презрѣніемъ къ смерти и къ жизни, что гибель его внушаетъ больше благоговѣнія, чѣмъ всякая побѣда. Не думая о догматахъ, онъ создалъ вѣру, доступную всѣмъ вѣкамъ и народамъ: не думая о философскихъ системахъ, онъ создалъ неразрушимое нравственное ученіе; не думая о литературномъ стилѣ, онъ создалъ глубокую поэму человѣческой совѣсти.

«Всегда смотри на себя, какъ на умирающаго» (кн. II, 2). «Черезъ одно мгновеніе ты будешь горстью пепла, скелетомъ, именемъ, или даже имя твое исчезнетъ. Имя — только шумъ, только эхо! То, что мы такъ цѣнимъ въ жизни, — пустота, тлѣнь, ничтожество: собаки, которыя грызутся, дѣти, которыя дерутся, только что смѣялись и сейчасъ же послѣ этого плачутъ.... Чего же ты ждешь!...» (кн. V, 33).

Его преслѣдуетъ мысль о смерти. Это хорошо знакомый намъ страхъ, никогда не затихающій и неотразимый. Онъ преслѣдовалъ римлянъ временъ упадка, лишенныхъ вѣры, и теперь послѣ долгаго перерыва снова пробудился; онъ преслѣдуетъ людей XIX вѣка самыхъ различныхъ темпераментовъ, національностей и направленій — одинаково Бодлера, какъ Леопарди, Байрона, какъ Толстого, Флобера, какъ Ибсена.

Одинъ изъ послѣднихъ питомцевъ эллинскихъ музъ, еще приносившій, въ угоду толпѣ, жертвы свѣтлымъ богамъ Олимпа, уже говорить о радостяхъ жизни съ презрѣніемъ и злобою, бичуетъ ихъ, нарочно употребляя самыя грубыя оскорбительныя слова, какъ будто передъ нимъ не ученикъ греческаго ритора Фронтонна, а суровый христіанскій отшельникъ. Говоря о славѣ царей и о ве-

личіи, императоръ въ избыткѣ негодованія вдругъ обрываетъ свою рѣчь почти бранными словами: «о, какое зловопіе, какой тлѣні!» (кн. VIII, 37). «Что такое ванна?—масло, потъ, грязь, мутная вода—однимъ словомъ, все, что только есть отвратительнаго. Вотъ — жизнь: вотъ—предметы, доступные твоимъ чувствамъ» (кн. VIII, 24). «Игры и драки дѣтей... души, облеченныя въ плоть — души, носящія на себѣ трупы!...» (IX, 24).

Онъ чувствуетъ общее всѣмъ людямъ той эпохи—язычникамъ и христіанамъ, утомленіе жизнью, разочарованіе въ попыткахъ челоѳчества достигнуть свободы и равенства на землѣ: «не надѣйся, когда бы то ни было, осуществить республику Платона» (IX, 39). «Вѣчное повтореніе тѣхъ же предметовъ внушаетъ отвращеніе: это мука всей нашей жизни. Отъ высокаго до низкаго предметы всегда тѣ же, происходятъ отъ тѣхъ же началъ. До какихъ поръ наконецъ?» (VI, 46).

«Подумай только о нравахъ окружающихъ, съ которыми приходится жить. Самый добрый изъ людей едва выносить ихъ. Но что говорю? каждый едва выносить самого себя. Среди этого мрака, грязи, въ потокѣ, увлекающемъ и матерію, и время, и движеніе, и всѣ предметы, знаешь ли ты хоть что-нибудь достойное твоего уваженія и твоихъ заботъ? Я ничего не знаю» (V, 10).

«Оставаться тѣмъ же, чѣмъ ты былъ до этого дня, и вести прежнюю жизнь, полную тревогъ и оскорбленій, значить не имѣть чувства достоинства, значить быть рабомъ жизни, похожимъ на тѣхъ несчастныхъ, которые на аренѣ цирка, когда звѣри уже наполовину загрызли ихъ, все еще, покрытые ранами и кровью, умоляютъ народъ оставить ихъ жить хоть до завтра, зная, что и завтра на томъ же мѣстѣ они будутъ преданы когтямъ и зубамъ тѣхъ же звѣрей» (X, 8).

«Быть властелиномъ своей души, погасить всѣ желанія» (IX, 7) — вотъ къ чему онъ приходитъ. Это тотъ же выводъ, какъ у буддистовъ и Шопенгауэра, — полное отреченіе отъ воли и страстей, внутреннее самоубійство. «Будь-

те безчувственны, будьте подобны камнямъ!» Въ томъ же настроеніи, какъ великій пессимистъ-императоръ, другой пессимистъ-художникъ — Микель Анжело, написалъ сонетъ о своей мраморной, страдальческой «Ночи»: «мнѣ сладко спать, еще слаще быть каменной въ эти времена бѣдствій и позора. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать — великое блаженство. О, не буди же меня, умоляю! говори тише!» Такъ на предѣлахъ скорби наступаетъ окаменѣніе сердца. Человѣческая душа, какъ Ніобея, превращается въ камень. Но и тогда для нея нѣтъ успокоенія. Душа не умираетъ, и слезы живой любви и скорби продолжаютъ струиться даже изъ каменныхъ очей Ніобеи. И мраморная Ночь Микель Анжело живетъ и страдаетъ

«Будьте безчувственны, будьте подобны камнямъ» — вотъ неумолкаемый, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющійся завѣтъ стойковъ, аскетовъ, буддистовъ, художника Микель Анжело, философа Шопенгауэра, императора Марка Аврелія. Но если камни не страдаютъ — они и не любятъ и не вѣрятъ въ боговъ. А кроткое сердце императора полно любви, состраданія къ людямъ и вѣры въ божественное начало міра. Это противорѣчіе спасаетъ его отъ сухости и омертвѣнія души, въ которое впадали болѣе послѣдовательные стоики, отрицая во имя разума всѣ волненія, даже волненія жалости. Для себя онъ признаетъ свободу воли, но, чтобы прощать другихъ людей, онъ проповѣдуетъ, что зло и пороки такъ же естественны, какъ розы — весной, какъ плоды — осенью. Это противорѣчіе разрушаетъ систему, но дѣлаетъ его книгу человѣчной: это неразрѣшимое противорѣчіе нашего собственнаго сердца. «Если ты сердисься на кого-нибудь, — совѣтуетъ онъ, — представь себѣ этого человѣка мертвымъ, лежащимъ въ гробу, и ты простишь его». Такимъ образомъ сознание ничтожества нашей борьбы, страхъ смерти переходитъ въ жалость къ людямъ. «Помни объ одномъ: черезъ очень короткое время и ты и онъ — вы оба умрете, а потомъ скоро даже имена ваши исчезнутъ» (IV, 6). Противникъ христіанъ говоритъ почти словами Евангелія: человѣку свойственно любить

тѣхъ, кто дѣлаеть ему зло» (VII, 22). Суровый стоикъ, который совѣтуетъ намъ, слабымъ людямъ: «сохранить невозмутимое спокойствіе, даже если тѣло ваше будутъ рѣзать и жечь!» — обладаетъ кроткимъ и нѣжнымъ сердцемъ: «о, душа моя, будешь ли ты, наконецъ, доброй, простой, всегда неизмѣнной и открытой, обнаженной, болѣе видимой для глазъ, чѣмъ тѣло, твоя оболочка? Вкусишь ли ты, наконецъ, отъ блаженства любить, любить всѣхъ людей!» (X, 254).

Кромѣ доброты сердца, его спасаетъ отъ аскетической сухости, квіетизма и отчаянія вѣра въ непобѣдимость человѣческаго разума. «Помни каждое мгновеніе дня, что ты долженъ показывать въ своихъ дѣйствіяхъ твердость, какъ подобаеть римлянину и мужу» (II, 5). Человѣкъ долженъ «имѣть въ душѣ внутренній храмъ» (VI, 3). «Подчиняйся владычеству бога, живущаго въ твоёмъ сердцѣ; будь мужественнымъ, зрѣлымъ, другомъ народнаго блага, римляниномъ, императоромъ, солдатомъ, стоящимъ на посту и ожидающимъ сигнала трубы,—человѣкомъ, готовымъ покинуть жизнь безъ сожалѣнія, чье слово не нуждается ни въ клятвахъ, ни въ свидѣтельствѣ другихъ людей» (III, 5). «Разумъ — это божественный геній, живущій въ каждомъ человѣкѣ» (V, 27).

Его Богъ — человѣческая совѣсть. Это — простая, чистая и безкорыстная религія долга и любви. У него нѣтъ определенной вѣры въ боговъ, нѣтъ никакихъ догматовъ. Сердце и умъ не могутъ быть болѣе свободными. Онъ ничего не утверждаетъ. Сомнѣніе никогда не исчезаетъ изъ его вѣры. Его мысли всегда имѣютъ двѣ стороны: одну — если Богъ и душа существуютъ, другую — если ихъ нѣтъ. «Или все — неопредѣленная смѣсь, хаосъ, атомы, которые собираются и разсѣваются, или же въ мірѣ есть порядокъ, единство, провидѣніе. Въ первомъ случаѣ — неужели ты можешь желать оставаться въ этомъ случайномъ смѣшеніи атомовъ? О чемъ мнѣ тревожиться? Сила уничтоженія подѣйствуетъ на меня, что бы я ни дѣлалъ. Во второмъ случаѣ — я боготворю Существо, управляющее

нами; оно — мой покой, оно — моя вѣра» (VI, 10). «Что бы ты ни дѣлалъ и ни думалъ, не забывай одного: возможно, что въ слѣдующее мгновеніе ты умрешь. Покинуть міръ, если есть боги, не страшно: они тебя не сдѣлаютъ несчастнымъ: если же ихъ нѣтъ, или если они не заботятся о людяхъ, стоитъ ли жить въ такомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ боговъ и нѣтъ промысла?» (II, 11). Вотъ чѣмъ Маркъ Аврелій близокъ намъ, людямъ XIX вѣка, такимъ скептикамъ, жаждущимъ вѣры, какъ Ренанъ. Маркъ Аврелій имѣетъ силу никогда не выходить изъ этой дилеммы, онъ понимаетъ, что ея нельзя и не слѣдуетъ разрѣшать. Въ этомъ трагизмъ нравственной жизни. Живая вѣра поддерживается внутреннею борьбою, сомнѣніемъ, вѣчно возрождающимся и вѣчно утоляемымъ вѣрою. Вотъ почему вѣра — величайшее утѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее страданіе души. Она даетъ жизнь сердцу и сжигаетъ его, пожираетъ, какъ сильное пламя — сухое дерево. Только великая душа способна выдержать эту борьбу; слабыя гибнутъ или успокаиваются на внѣшнихъ догматахъ. Маркъ Аврелій до конца не измѣнилъ себѣ, до конца сомнѣвался, вѣрилъ и боролся со своими сомнѣніями за свою вѣру; онъ палъ, обезсиленный въ борьбѣ, но не побѣжденный. Въ этомъ его величіе.

Онъ иногда достигалъ такой высоты, гдѣ уже не слышно ни одного земного звука, гдѣ въ безмолвіи всѣхъ страстей исчезаетъ даже скорбь. «Надо жить въ согласіи съ природой это неуловимое мгновеніе, пока мы существуемъ; надо покинуть жизнь съ покорностью, какъ спѣлая олива падаетъ, благословляя землю, свою кормилицу, и благодаря дереву, на которомъ она выросла» (IV, 48).

Это успокоеніе мудреца граничитъ съ гармоніей и красотой, которыхъ достигаютъ только великіе художники: «посмотри, каковъ лучъ солнца, когда свѣтъ передъ нашими глазами проникаетъ въ узкую щель темной комнаты. Онъ протягивается прямой линіей, потомъ ложится на какой-нибудь твердый предметъ, который преграждаетъ ему путь и заслоняетъ то, что находится дальше и что онъ могъ бы

освѣтить. На этой преградѣ лучъ останавливается, не скользя и не падая. Такъ душа твоя должна сіять, изливаться на внѣшніе предметы, никогда не изнемогая, а только стремясь, не дѣлая насилія и не ослабѣвая, когда встрѣчаются преграды. Пусть она не падаетъ, но останавливается, какъ лучъ солнца, освѣщая то, что можетъ принять свѣтъ» (VIII, 57).

О смерти никто не говорилъ болѣе простыхъ и глубокихъ словъ, чѣмъ слѣдующія заключительныя строки дневника императора:

«О, человѣкъ! ты былъ гражданиномъ великаго города. Не все ли тебѣ равно, прожилъ ли ты въ немъ пять или три года. То, что согласно съ законами, не можетъ быть несправедливымъ ни для кого. Какая же въ томъ обида, что тебя удаляетъ изъ города не тиранъ, не судья неправедный, а сама природа, которая тебя поселила въ немъ? Такъ изъ театра отпускаетъ актера тотъ же самый преторъ, который пригласилъ его на сцену. — «Но я еще не сыгралъ пяти актовъ, а только три». — Ты говоришь хорошо. Но въ жизни довольно и трехъ актовъ, чтобы пьеса была цѣльною. Тотъ, кто опредѣляетъ твой конецъ, нѣкогда соединилъ части твоего тѣла; онъ же — виновникъ ихъ разложенія. Ни то, ни другое отъ тебя не зависитъ. Уйди же изъ міра со спокойнымъ сердцемъ. Отпускающій тебя не гнѣвается» (XII, 36).

Но для того, чтобы достигнуть этихъ высочайшихъ вершинъ мудрости, откуда человѣкъ созерцаетъ смерть, какъ путникъ, достигшій горныхъ снѣговъ, за облаками созерцаетъ лицомъ къ лицу вѣчно-ясное небо, ему надо было пройти страшный путь, подобный крестному пути всѣхъ мучениковъ. Иногда мы не въ силахъ слѣдовать за нимъ. Мы ужасаемся полного умерщвленія воли и чувствъ, этого добровольнаго самоубійства. Онъ слишкомъ презираетъ наши страданія и наши слабости. Онъ увѣряетъ, что мы можемъ быть вполне счастливы, если бы даже все человѣчество возстало на насъ съ проклятіями, что мы можемъ сохранить невозмутимую ясность души, если бы даже хищные звѣри терзали наше тѣло. Быть-можетъ, это вѣрно, но во всякомъ случаѣ человѣческое сердце возмущается противъ нечеловѣческой логики стои-

пизма, и предѣлъ мудрости намъ, слабымъ смертнымъ, начинается казаться предѣломъ жестокости. Въ самомъ дѣлѣ, преступникъ, убивающій людей, уничтожаетъ жизнь въ ея чистыхъ предѣлахъ. Мудрецъ, который ненавидитъ жизнь и отрицаетъ ея сущность — волю жить, хочетъ истощить самый источникъ жизни, — быть-можетъ, совершаетъ болѣе страшное преступленіе, чѣмъ убійца. Вотъ величайшій трагизмъ существованія: послѣдняя цѣль добродѣтели — отреченіе отъ воли, отъ жизни, уничтожаетъ самую добродѣтель. У Марка Аврелія есть образчикъ стоической молитвы. «Другіе молятся о сохраненіи жизни своихъ дѣтей, ты молись: Господи, сдѣлай такъ, чтобы мнѣ было все равно — умереть ли мой ребенокъ или нѣтъ».

Къ счастью, Маркъ Аврелій не дошелъ до этой молитвы, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ одна прелестная интимная записочка императора къ его старому учителю Фронтону, которую я приведу цѣликомъ.

«Цезарь Фронтону»

По волѣ боговъ мы, наконецъ, снова можемъ надѣяться на спасеніе (Я опускаю наивную и реалистическую подробность о пищевареніи молодой принцессы, которую императоръ сообщаетъ съ великой радостью). Приступы лихорадки исчезли. Но остается еще худоба и немного кашля. Ты уже навѣрное угадалъ, что я говорю о нашей дорогой маленькой Фаустинѣ, которая насъ такъ беспокоила. Какъ твое здорье? Напиши мнѣ объ этомъ, мой милый учитель».

Въ этой коротенькой записочкѣ аскетъ, умерщвляющій свое сердце, измѣняетъ неумолимому ученію: онъ любитъ. Воображаю великаго императора, чей памятникъ стоитъ теперь надъ Капитоліемъ, воображаю того, кто защищалъ столько лѣтъ римскую имперію отъ варваровъ, кто молился богамъ, чтобы они въ сердцѣ его погасили послѣднюю искру земной любви, воображаю его у постели маленькой больной дочери — какъ онъ рукою шупаль ей голову: есть ли жаръ? Бѣдная Домиція Фаустина умерла. О, величайшій изъ стойковъ, неужели въ ту минуту, когда передъ тобою лежало

маленькое холодное тѣло Фаустины, ты имѣлъ силу молиться богамъ: «сдѣлайте такъ, боги, чтобы я не жалѣлъ ее!»

У буддистовъ есть легенда: Сакья-Муни много лѣтъ сидѣлъ въ пустынѣ, неподвижный, вперивъ взоръ въ небо, не видя земли. Онъ созерцалъ вѣчное, онъ былъ близокъ къ нирванѣ. Протянутая рука его окостенѣла, и въ ладони ласточки, принимая отшельника за камень или дерево, свили гнѣздо. Онѣ прилетали къ нему каждую весну. Но однажды улетѣли и уже болѣе не вернулись. И тотъ, кто умертвилъ въ себѣ всѣ желанія и волю, кто не страдалъ и не думалъ, кто погружался въ блаженное спокойствіе нирваны, кому завидовали боги, — увидѣвъ, что ласточекъ нѣтъ, заплакалъ о нихъ.

Таково человѣческое сердце: оно не можетъ достигнуть полнаго спокойствія и мудрости, потому что оно не можетъ не любить. И кто знаетъ—эта слабость его не есть ли величайшая сила?

Плиній Младшій.

Такъ вихорь дѣль забывъ для
музъ и нѣги празднои,
Въ тѣни порфирныхъ бань и
мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали
свой закатъ...

Пушкинъ.

I.

«Ты спрашиваешь, какъ я провожу дни на моей тосканской виллѣ? Просыпаюсь, обыкновенно, часу въ первомъ (по солнечному времени), иногда раньше, рѣдко — позже. Окна оставляю закрытыми: мысль ярче и живѣе во мракѣ и безмолвіи... Если у меня что-нибудь начато, принимаюсь за работу, сочиняю въ умѣ, располагаю слова, поправляю. Работаю то больше, то меньше, смотря по тому, чувствую ли себя расположеннымъ. Потомъ зову секретаря (нотарія), велю открыть ставни, диктую то, что сочинилъ. Онъ уходитъ; зову его снова, опять отсылаю. Часу въ четвертомъ или пятомъ иду гулять, смотря по погодѣ, или въ крытую галерею или въ садъ. Продолжаю сочинять и диктовать. Сажусь въ колесницу; когда мой умъ возбуждается переменной впечатлѣній, возвращаюсь къ той работѣ, которой былъ занятъ, лежа въ постели, и прогуливаюсь. Немного отдохнувъ, громко читаю какую-нибудь латинскую или греческую рѣчь болѣе для укрѣпленія груди, чѣмъ голоса, но и голосу это полезно. Еще гуляю, меня натираютъ елеемъ, занимаюсь гимнастикой, беру ванну. Во время обѣда за столомъ сидитъ

со мной жена или нѣсколько друзей; что-нибудь читаем вслухъ. За десертомъ, въ залу приходитъ комическій актеръ или музыкантъ съ лирою. Бесѣдую съ моими повѣренными, среди которыхъ есть очень образованные люди. Вечеръ затягивается въ разнообразныхъ бесѣдахъ и даже долгіе лѣтніе дни проходятъ незамѣтно.

Иногда я слегка измѣняю порядокъ дня. Если долго лежу въ постели, то дѣлаю болѣе краткую и быструю прогулку верхомъ. Изъ сосѣднихъ виллъ пріѣзжаютъ навѣстить меня, и я провожу съ друзьями часть времени. Они развлекаютъ меня, даютъ полезный отдыхъ. Изрѣдка охочусь, но никогда не забываю своей записной книжки; возвращаюсь домой, если не съ убитымъ звѣремъ, зато съ литературною добычею. Посвящаю нѣсколько часовъ моимъ *колонамъ* (крестьянамъ, арендующимъ земли), — слишкомъ немного, по ихъ мнѣнію. Но вѣчныя деревенскія жалобы заставляютъ меня еще сильнѣе любить нашу литературу, наши городскія дѣла. Vale».

Въ приведенномъ письмѣ Плинія есть то, что такъ рѣдко встрѣчается въ памятникахъ историческихъ, — будничная сторона жизни. «Письма Плинія Младшаго» — одна изъ самыхъ удивительныхъ книгъ, какія намъ оставила древность, — особенный родъ литературы, близкій нашему современному вкусу, исключаящей все условное и внѣшнее, немного поверхностный, но зато граціозный, очаровательно-разнообразный. Читается эта маленькая драгоценная книга, какъ интересный романъ, полный живыхъ характеровъ, движенія и страстей. Это — что-то въ родѣ нашихъ дневниковъ, семейныхъ записокъ или мемуаровъ XVIII вѣка.

Роскошная лѣтняя жизнь въ безмолвіи мраморныхъ виллъ, шумъ и говоръ римскихъ судебныхъ мѣстъ — *базиликъ*, гдѣ адвокаты произносятъ напыщенные и лживыя рѣчи, ужасы Домиціанова правленія, мудрость Траянова вѣка, застольныя пѣсенки и анекдоты свѣтскихъ людей, героическое самоубійство римскихъ стойковъ, литературные обѣды и чтенія — вся эта пестрая картина возникаетъ передъ нами съ необыкновенной ясностью. Слышится и смѣхъ весе-

лыхъ шутниковъ, и грохотъ колесъ по римской мостовой, и шелестъ деревьевъ въ затишьи Лаврентинской виллы; не вѣрится, что все это умолкло, потухло, умерло восемнадцать вѣковъ тому назадъ.

Какъ эти древніе люди похожи на насъ! Какъ мало мѣняется самая ткань повседневной человѣческой жизни. Только узоры — иные, основа — старая.

«Тогдашній литературный вкусъ, — говоритъ Э. Ренанъ о вѣкѣ Траяна, — былъ весьма плохой... Все портила декламация... Всѣ говорили о краснорѣчїи, о хорошемъ стилѣ, но почти никто не умѣлъ писать... Общій духъ литературы — нелѣпый дилетантизмъ, который овладѣлъ даже императорами, глупое тщеславїе, которое побуждало всякаго выказывать свой умъ. Отсюда необыкновенная приторность, безконечныя «Тезэиды», драмы, написанныя для чтенія въ маленькихъ кружкахъ, нестерпимо-банальныя, которыя можно сравнить съ эпопеями и трагедїями, сочинявшимися въ самомъ началѣ нашего вѣка во Франціи».

Этотъ строгій отзывъ великаго историка христіанства вѣренъ только относительно художественной литературы, и то лишь въ ограниченной степени. Проза Тацита едва ли стоитъ ниже стиховъ Горация и Виргилія. Вѣкъ Траяна былъ вѣкомъ историковъ, а не поэтовъ. Быть-можетъ, никогда еще геній римской прозы не поднимался такъ высоко. Во времена, близкія къ литературному упадку, стиль достигаетъ, ненадолго, величайшей красоты и выразительности — въ языкѣ чувствуется зрѣлость и сочность самыхъ позднихъ осеннихъ плодовъ.

II.

Плиніи стоитъ передъ нами какъ живой. Онъ нарисовалъ себя въ своихъ письмахъ, какъ художники, которые оставляютъ потомству собственные портреты. Нельзя кончить этой книги, не полюбивъ автора, открывающаго свое сердце съ такою благородною простотою.

Плиніи родился въ городѣ Комо въ 61 году послѣ Р. Х. Въ молодости своей онъ пережилъ худшую эпоху римска-

го цезаризма и навсегда сохранилъ о ней тягостныя воспоминанія. Вотъ какъ изображаетъ онъ страшныя времена императора Домиціана въ письмѣ къ философу Аристону: «тогда добродѣтель была подозрительной; порочность—всеми уважаемой; никакой власти у начальниковъ, никакой дисциплины въ войскахъ; все человѣческое поругано; хотѣлось одного, какъ можно скорѣе забыть то, что видѣлъ. А видѣли мы сенать трепетный и безгласный (*cugiam trepidam et elinguen*) — говорить въ немъ было опасно, молчать позорно. Чему мы, юноши, могли научиться, да и какая польза была въ ученіи, когда сенать созывался для полного бездѣйствія или для гнуснаго злодѣйства? Надъ нимъ издѣвались или заставляли его дрожать. Рѣшенія были смѣшными или плачевными. Эти бѣдствія продолжались долгіе годы. Мы и выросли, и сами сдѣлались сенаторами, испытавъ такія несчастія, что съ той поры на всю жизнь сердца наши остались окаменѣлыми, измученными, разбитыми (*ingenia nostra in posterum quoque hebetata, fracta, contusa sunt*)».

Императору Домиціану, кровожадному звѣрю въ образѣ человѣка, курились алтари, приносились жертвы, какъ Богу. По дорогѣ въ Капитолій проходили стада, которыя предназначались для этихъ нелѣпыхъ и кощунственныхъ жертвоприношеній. Знаменитый римскій ораторъ Квинтиліанъ пресмыкался у трона, чтобы сохранить себѣ жизнь. Лучшіе граждане, философы, ученые изгонялись, какъ преступники. Многіе добровольно умирали, полные презрѣнія къ своему отечеству.

Плиній перенесъ ужасныя времена съ героизмомъ. Онъ не берегъ жизни и ни разу не унизился до лести. Одинъ изъ его друзей, философъ Арпимидоръ, былъ изгнанъ императоромъ. Плиній, исполняя должность претора, что еще усиливало опасность, не побоялся посѣтить друга въ загородной виллѣ. Арпимидору нужны были деньги, чтобы уплатить долгъ. Многіе изъ богатыхъ и могущественныхъ друзей его не рѣшались помочь изгнаннику; Плиній занялъ деньги и далъ ему. Въ то самое время, какъ онъ оказывалъ ему опасную услугу, семь лучшихъ друзей его были казнены или

изгнаны Домиціаномъ. Сенекіонъ, Рустикъ, Гельвидій убиты; Маврикъ, Гратилла, Аррія и Фаннія изгнаны. «Молнія, которая поразила столько близкихъ людей, судя по многимъ признакамъ, угрожала и мнѣ. Но я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать, чтобы не заслужить безчестія», — заключаетъ Плиній съ благородною скромностію.

Среди ужаса домиціановскаго Рима онъ вѣренъ себѣ такъ же, какъ въ виду погибающей Помпеи при знаменитомъ изверженіи Везувія, которое онъ описалъ съ живостью очевидца и безпристрастіемъ философа въ двухъ своихъ лучшихъ письмахъ къ Тациту, этихъ совершенныхъ образцахъ латинской художественной прозы. И въ то время, когда онъ переступаетъ въ домъ своего изгнаннаго друга Арпимидора порогъ, который грозитъ сдѣлаться порогомъ смерти, и подъ страшнымъ заревомъ вулкана—грустное и доброе лицо римскаго патриція сохраняетъ отпечатокъ возвышеннаго спокойствія, не измѣнившаго ему ни въ позорѣ, ни въ славѣ, ни въ жизни, ни въ смерти.

III.

Светоній и Ювеналь нарисовали такую ужасающую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественную картину древне-римскаго цезаризма, современные историки такъ усердно и красно-рѣчиво описываютъ намъ нравственное паденіе языческаго Рима, что мы давно усвоили привычку преувеличивать мрачныя стороны этой эпохи. Кажется, если бы не христіанское возрожденіе, міръ неминуемо долженъ бы погибнуть. Но такъ ли это? Не было ли христіанство проявленіемъ того, что невидимыми путями подготовлялось въ нѣдрахъ языческаго міра? Быть-можетъ, не Домиціанъ и Каракалла, а Тацитъ и Плиній—представители того цезарскаго Рима, страшнаго города, который съ омерзѣніемъ авторъ Апокалипсиса называетъ «Великою Блудницею» — «Magna Meretrix».

Правда, у Плинія нѣтъ «духа смиренномудрія». Онъ никогда не отрекается отъ своего человѣческаго достоин-

ства, смотритъ прямо въ глаза людямъ и судьбѣ; любитъ жизнь, еще больше славу, и не стыдится этой любви. Вотъ что онъ пишетъ Тациту: «я не знаю, заслужимъ ли мы оба почести въ потомствѣ не нашимъ умомъ (надѣяться на это было бы тщеславіемъ), но нашимъ трудолюбіемъ, нашимъ уваженіемъ къ потомству. Будемъ продолжать путь: если и немногихъ онъ привелъ къ свѣту и славѣ, то все-таки многихъ вывелъ изъ мрака и забвенія». Въ другомъ письмѣ къ тому же великому другу онъ говоритъ съ еще большею искренностью и нескрываемою жаждою славы: какая сладкая, какая благородная дружба, о, Тацитъ! Какъ радостно думать, что если потомство не забудетъ насъ, то всюду будутъ говорить о нашемъ союзѣ, о нашей искренней дружбѣ, о нашемъ братствѣ! То будетъ рѣдкое и прекрасное зрѣлище двухъ людей почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ, одного и того же круга, съ нѣкоторою литературною славою (если я большаго о тебѣ не говорю, то лишь потому, что въ то же самое время говорю о себѣ), людей, ободрявшихъ другъ друга къ благороднымъ трудамъ! Еще будучи юношей, видя тебя въ ореолѣ славы, я уже горѣлъ нетерпѣніемъ послѣдовать за тобою, идти по пятамъ твоимъ, правда, «далеко позади, но все же первымъ за тобою» — по выраженію поэта. Тогда въ Римѣ было много знаменитыхъ мужей, но сходство нашихъ душъ побуждало меня смотрѣть на тебя, о, Тацитъ, какъ на предметъ высокаго подражанія, какъ на совершенный образецъ. Вотъ почему я горжусь тѣмъ, что наши имена произносятся вмѣстѣ на литературныхъ бесѣдахъ, и тѣмъ, что невольно вспоминаютъ меня, когда говорятъ о тебѣ. Многихъ писателей предпочитаютъ намъ обоимъ. Но какое мнѣ дѣло, буду ли я на первомъ мѣстѣ, или нѣтъ, только бы мнѣ быть съ тобою!»

IV.

Авторъ писемъ — не герой, не рѣдкое исключеніе, а типичный представитель времени. Добродѣтели его — добродѣтели *средняго* хорошаго челоуѣка той эпохи. Онъ не разыгрываетъ роли генія, напротивъ, — не хочетъ и не умѣ-

сть скрывать своихъ маленькихъ слабостей, своихъ недостатковъ, а главный недостатокъ его — литературное тщеславіе. Послѣ каждаго изъ своихъ блестящихъ адвокатскихъ успѣховъ онъ не можетъ скрыть неумѣреннаго торжества. Предвосхищая сужденіе, которое принадлежитъ потомству, Плиній въ наивномъ увлеченіи сравниваетъ себя съ Эсхиломъ и Демосѣеномъ. Когда онъ хвалитъ литературныхъ друзей съ преувеличеннымъ усердіемъ, чувствуется, что онъ ожидаетъ и отъ нихъ такихъ же шумныхъ восторговъ. «Нельзя слышать вашего голоса,—пишетъ онъ какому-то невѣдомому генію Антонину,—не представляя себѣ старца Гомера, чьи рѣчи были слаще меда. Нельзя читать вашихъ произведеній безъ того, чтобы не казалось, что пчелы сообщили имъ благоуханіе самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ!»

Его родная стихія, гдѣ онъ живетъ полною жизнью,— не форумъ, не уединенная келья мудреца, даже не природа, которую онъ умно и сердечно любитъ, а литературный кружокъ, собраніе утонченныхъ, немного поверхностныхъ риторовъ. Настоящаго служенія тѣмъ строгимъ музамъ, которыя нѣкогда царствовали въ Афинахъ, здѣсь давно уже нѣтъ. Эти римскіе литературные кружки скорѣе напоминаютъ изящные легкомысленные салоны XVIII вѣка. И здѣсь и тамъ слишкомъ много говорятъ о поэзіи, слишкомъ мало ее чувствуютъ. Шекспиръ и Эсхиль кажутся вѣчно-восторгающимся и, въ сущности, очень холоднымъ цѣнителямъ грубыми варварами. Здѣсь нужно остроуміе Вольтера, декламація Сенеки. Ихъ безукоризненный стиль своимъ лоскомъ напоминаетъ блестящій паркетъ или мозаичный мраморъ, по которому скользятъ привычныя ноги, обутыя въ башмачки съ красными каблуками или въ золоченыя сандалии.

«Годъ былъ обилень поэтами — сообщаетъ Плиній, какъ о важномъ событіи, — въ мѣсяцѣ апрѣлѣ не проходило, кажется, дня безъ какого-нибудь литературнаго чтенія. Я люблю видѣть, какъ процвѣтаетъ поэзія, какъ проявляется геній, несмотря на ту небрежность, съ какою наши современники относятся къ новымъ произведеніямъ. Никто

не жалѣеть времени, потраченнаго на форумѣ въ скучныхъ дѣловыхъ разговорахъ... А между тѣмъ даже самые праздные люди, хотя бы ихъ предупреждали и нѣсколько разъ повторяли приглашеніе, не приходятъ на литературныя собранія. Если же удостоиваютъ притти, то жалуются на потерянный день, между тѣмъ какъ тѣхъ-то именно дней и не слѣдуетъ считать потерянными, которые посвящены поэзіи».

Все это такъ. Но мы знаемъ, что истинныхъ поэтовъ не было въ тѣ времена и, несмотря на трогательное негодованіе Плинія, понимаемъ людей, которые неохотно посѣщали эти риторическія оргіи говоруновъ-дилетантовъ, влюбленныхъ въ себя, гдѣ подражатели Сенеки душили слушателей снотворными трагедіями. Нельзя сомнѣваться, что тамъ царствовалъ дурной вкусъ: Плиній, благодаря прирожденному таланту, отличающійся превосходнымъ сжатымъ стилемъ, восхваляетъ «многословіе» (*amplificatio*), какъ немалое достоинство ораторскаго искусства. По его мнѣнію, хорошая вещь выигрываетъ, если ее увеличить въ размѣрахъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Вотъ чего никогда не сказалъ бы житель благородной Аттики, современникъ Платона.

Иногда мелочное тщеславіе Плинія возбуждаетъ невольную досаду. Писатель, гордящійся дружбой съ Тацитомъ, превозноситъ до небесъ жалкіе стихи какого-то Сентія Авгурина за то, что въ нихъ заключенъ ловкій комплиментъ ему, Плинію. Какъ можетъ пронизательный и умный человѣкъ придавать значеніе такому вздору? Странно и грустно черезъ столько вѣковъ наблюдать маленькую борьбу маленькихъ самолюбій, взаимныя любезности, расточаемыя свѣтскими дилетантами.

Но такова человѣческая природа: на всякаго мудреца довольно простоты; у каждаго вѣка свой комизмъ, котораго избѣгаютъ только исключительные люди. Плиній потому-то и заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, что стоитъ не выше вѣка, а наравнѣ съ нимъ, и съ удивительной полнотой отражаетъ его недостатки и добродѣтели, его слабости и величіе.

«Я провелъ всѣ эти послѣдніе дни въ глубокомъ спокойствіи среди моихъ книгъ и восковыхъ табличекъ. Вы, конечно, спросите: какъ это возможно въ Римѣ? А вотъ какъ. Было время цирка, который не имѣетъ для меня никакой прелести. Я не нахожу въ немъ ничего новаго, ничего увлекательнаго, ничего такого, что стоило бы видѣть болѣе одного раза».

«Наши гладіаторскія игры, — продолжаетъ Плиній, какъ настоящій христіанскій учитель, — развратили нравы всѣхъ народовъ. Эта болѣзнь распространилась всюду изъ Рима, какъ изъ главы имперіи. А вѣдь именно тѣ болѣзни, которыя начинаются съ головы, наиболѣе опасныя въ человѣческомъ, какъ и въ государственномъ тѣлѣ».

Плиній сочувствуетъ просвѣщенному императору, который, уничтожая гладіаторскія зрѣлища въ городѣ Виеннѣ, впервые произнесъ знаменательныя слова: *«Vellem etiam Romae tolli possit»*, т. - е. «я хотѣлъ бы, чтобы и въ Римѣ ихъ можно было уничтожить».

Вотъ гдѣ таятся причины будущаго торжества христіанства. Плиній, средній хорошій и умный человѣкъ языческаго Рима, самъ того не зная, — христіанинъ. Милосердіе, любовь къ ближнему не есть исключительная особенность какого-нибудь вѣроисповѣданія, а коренится въ самой природѣ человѣческаго сердца.

У Плинія есть та *доброта*, которая во всякомъ случаѣ стоитъ генія. Безъ ложнаго смиренія, слишкомъ часто прикрывающаго высокомеріе фанатиковъ, умѣетъ онъ быть снисходительнымъ къ людямъ и прощать. *Вѣжливость* сливается у него съ врожденною, естественною благосклонностью къ людямъ: «мнѣ кажется, — пишетъ онъ, — что самый совершенный человѣкъ тотъ, кто прощаетъ, какъ будто самъ постоянно дѣлаетъ ошибки, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаетъ ошибокъ, какъ будто никогда не прощаетъ другимъ... Будемъ снисходительнѣе даже къ тѣмъ, кто умѣетъ прощать

только себя... Человѣкъ милосердный есть въ то же время великій человѣкъ... Если ты дѣлаешь добро, скрой имя того, кому благодѣтельствуешь. Такъ лучше».

Въ письмѣ къ Патерну Плиній сообщаетъ, что позволилъ своимъ рабамъ подписывать завѣщанія, которыя онъ такъ же свято соблюдалъ, какъ если бы они были законными. Онъ признается, что любитъ слугъ, какъ родныхъ, и смерть каждаго изъ нихъ огорчаетъ его, какъ потеря близкаго человѣка. Эта *жалость къ рабамъ*, — черта новая, которая, какъ мы видимъ, развилась самостоятельно и независимо отъ христіанства въ лучшей части языческаго Рима. Рабы такіе же люди, какъ мы,—эту мысль, противорѣчившую сущности древняго міросозерцанія, впервые высказали не только христіанскіе проповѣдники, но и благородные римскіе граждане вѣка Траяна, Адриана, Антониновъ.

Болѣзнь раба—настоящее семейное горе въ патриархальномъ домѣ Плиніевъ. «Съ тѣмъ большей откровенностью могу признаться тебѣ,—пишетъ онъ Паулину, — въ состраданіи къ рабамъ, что я знаю, съ какимъ милосердіемъ ты относишься къ своимъ людямъ. Я храню въ своей памяти этотъ стихъ Гомера: *«Былъ онъ, какъ нѣжный отецъ»*, а также и наше римское старинное выраженіе *«pater familias»*. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о людяхъ, которые, щеголяя безсердечнымъ отношеніемъ къ слугамъ, имѣютъ безстыдство называть себя *«философами»*. Плиній, между прочимъ, намекаетъ и на стойковъ, издѣвавшихся надъ жалостью простыхъ людей, хваставшихъ своимъ равнодушіемъ, *atavachia*, — добродѣтелью, безмѣрно прославленной вполнѣдствіи Маркомъ Авреліемъ.

VI.

Самоотреченіе, самоуничженіе, подавленіе личности—цѣной этихъ страшныхъ жертвъ религіозное настроеніе, охватившее тогда человѣчество, достигло тѣхъ результатовъ, которыхъ лучшіе образованные люди древняго міра, подобные Плинію, достигаютъ легко и естественно, прислу-

шиваясь къ внутреннему голосу своей человѣческой природы.

Плиній не стѣсняется, не урѣзываетъ своей личности унылымъ аскетизмомъ во имя отвлеченнаго нравственнаго идеала, напротивъ — онъ развиваетъ ее, даетъ ей полный просторъ и сливаетъ ея возвышенную духовную жизнь съ жизнью народа, съ жизнью человѣчества. Плиній уже «гуманистъ» въ томъ смыслѣ, какъ это слово будутъ понимать въ эпоху Возрожденія.

Однажды онъ приобрѣлъ маленькую драгоценную статую—«Сатира», изъ настоящей коринеской бронзы великолѣпной античной работы. Какъ онъ радуется этому сокровищу, какъ подробно описываетъ своимъ друзьямъ, стараясь, чтобы въ словахъ его запечатлѣлся точный образъ, каждый изгибъ, каждый мускуль бронзоваго тѣла! Онъ не сохраняетъ драгоценности для себя и жертвуетъ бронзу, которую купилъ за огромныя деньги, на украшеніе храма Юпитера въ родномъ городѣ Комо, чтобы *все* могли видѣть прекрасное и наслаждаться. Онъ не боится красоты. Напротивъ, чувствуетъ, что, любя себя, онъ любитъ въ себѣ и все духовное, безкорыстное, все, что соединяетъ его съ другими людьми, составляетъ *humanitas* — свойство, которое онъ ставитъ выше всего въ просвѣщенныхъ людяхъ. Вотъ почему онъ не отрекается ни отъ одной истинно-человѣческой радости, и благосклонная улыбка веселья и мудрости никогда не сходитъ съ его лица.

Онъ основываетъ школы и библіотеки на собственныя деньги—«въ знакъ любви къ своему дорогому отечеству». Если знанія доставляютъ ему радость, онъ спѣшитъ раздѣлить ее съ другими людьми, и тогда она становится совершенною.

Эта вражденная способность извлекать радость изъ жизни особенно драгоценна и удивительна.

У Плинія есть горькій опытъ міра и людей, грустное знаніе человѣческой низости. Не даромъ живетъ онъ въ Римѣ, который послужилъ темой для беспощадныхъ сатиръ Ювенала, не даромъ перенесъ кровавые ужасы доми-

ціанова вѣка. Въ письмахъ его попадаются острыя, ядовитыя стрѣлы эпиграммъ, въ свое время причинявшія не меньше боли и злости, чѣмъ львиные когти великаго сатирика. Онъ очерчиваетъ однимъ словомъ смѣшныхъ подлыхъ или глупыхъ людей, какъ выбиваютъ человѣческій профиль на медаляхъ:

«Не они владѣютъ золотомъ, а золото ими владѣетъ».

«Свойственно многимъ итти на-смерть въ слѣпомъ порывѣ страстей, но спокойно взвѣшивать жизнь и смерть, избирая ту или другую, согласно съ тѣмъ, какъ потребууетъ разумъ,—принадлежитъ только великому духу».

«*Nihil desperare, nulli rei fidere*», т.-е. «ни въ чемъ не отчаиваться, ни на что не надѣяться», — таковъ стоическій девизъ Плинія.

Онъ часто думаетъ о краткости человѣческой жизни, и эта мысль укрѣпляетъ его рѣшимость не медлить, не тратить времени даромъ, пользоваться каждымъ мгновениемъ для наслажденія, для добра и знанія. Краткость жизни увеличиваетъ ея цѣнность.

Въ этомъ міросозерцаніи все претворяется въ радость, все служитъ примиряющей мудрости, эта способность такъ развита въ Плиніи, что и въ самыхъ мрачныхъ сторонахъ жизни, напр., въ болѣзни, онъ умѣетъ отыскивать прелесть: «недавно, — пишетъ онъ Максиму, — болѣзнъ одного изъ друзей моихъ натолкнула меня на слѣдующую мысль; всѣ мы очень добродѣтельны, пока больны. Видѣлъ ли ты когда-нибудь больного, одержимаго скупостью или похотью? Больной равнодушенъ къ любовнымъ наслажденіямъ, не жаждетъ почестей, пренебрегаетъ богатствами, доволенъ тѣмъ, что имѣетъ, зная, что придется, рано или поздно, все покинуть. Вѣритъ въ боговъ, сознаетъ себя человѣкомъ. Никому не завидуетъ, не удивляется, никого на презираетъ. Злословіе не огорчаетъ и не радуется его. Онъ грезитъ только о прохладной водѣ и купаньяхъ: это — предметъ его надеждъ, предѣлъ его желаній. Если ему посчастливится выздороветь, онъ думаетъ только о томъ, чтобы отнынѣ вести праздную и тихую жизнь, т.-е. самую счастливую и веселую».

Вотъ что дѣлаетъ Плинія болѣе близкимъ намъ, чѣмъ суровыхъ и сумрачныхъ представителей римскаго стоицизма. Къ ихъ мудрости примѣшивается что-то холодное, педантическое и отталкивающее. Въ характерѣ Плинія чувствуется меньшая, чѣмъ у стоиковъ, выдержка, непоколебимость римской добродѣтели. Это вовсе не баловень судьбы, не сладострастный ученикъ Аристиппа. Не разъ видѣлъ онъ смерть лицомъ къ лицу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у самаго очаровательнаго изъ скептиковъ—Монтаня, у Плинія есть любезность и мягкость—эта живая прелесть живого человѣческаго сердца. Онъ понимаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, строгую добродѣтель Катонъ, но это не мѣшаетъ ему любить и легкія недолговѣчныя розы Марціала:

Quum rignat rosa, quum madent capilli,
Tunc me vel rigidi legant Catones.

VII.

Жизнь Плинія—прекрасная и счастливая человѣческая жизнь. Все въ свое время. Онъ не жалѣетъ юности, когда юность проходитъ, онъ призываетъ къ себѣ тихую старость, съ надеждою, съ нетерпѣніемъ, какъ свободу, какъ награду. «Мы должны отдать отечеству,—говоритъ онъ,—первую и вторую часть нашей жизни; а третью, послѣднюю,—себѣ... Когда же, наконецъ, достигну я этой свободы! Когда же позволить мнѣ старость подражать тебѣ, любезный Помпоній, твоему сладостному уединенію. Когда же досугъ мой не будетъ болѣе называться лѣнью, а спокойствіемъ!»

Плиній, одинъ изъ первыхъ, сумѣлъ выразить новое чувство, которому суждено было имѣть, въ тысячѣ разнообразныхъ формъ, такое безпредѣльное значеніе—*чувство природы*, красоту лѣсовъ, горъ, полей, морского берега, наслажденіе простотою сельской жизни; одинъ изъ первыхъ противопоставилъ шуму и суетѣ города тишину и уединеніе виллы, подмѣтилъ многочисленный «*романтичскій*» контрастъ, о которомъ черезъ много вѣковъ должны

были вспомнить Монтань и Ж. Ж. Руссо и передать его грядущимъ поколѣніямъ. Всматриваясь въ легкіе, изящно-условные ландшафты, набросанные греко-римскими художниками на стѣнахъ помпейскихъ домовъ, невольно приходишь къ заключенію, что современное наслажденіе природой уже въ тѣ времена зарождалось въ людяхъ и выступало въ художественномъ сознаніи. Къ сожалѣнію, это *глубокоарійское* чувство не успѣло окрѣпнуть и развиться, застигнутое *семитическимъ* вторженіемъ, бесплоднымъ и жгучимъ вѣтромъ съ Востока. Любовь къ природѣ, которая въ иной, болѣе систематической и научной формѣ выразилась въ сочиненіяхъ Плинія Старшаго Натуралиста (родного дяди автора писемъ), была подавлена религіозно-аскетическимъ отвращеніемъ къ природѣ «блѣдныхъ людей въ черныхъ одеждахъ», видѣвшихъ въ *Vona Mater* только соблазнъ, только воплощеніе нечистыхъ силъ, созданіе дьявола. Природа застилается мракомъ такъ же, какъ богоподобная нагота человѣческаго тѣла скрывается подъ темной одеждой аскетовъ.

«Странное дѣло,—пишетъ Плиній Минуцію Фундану,—спроси о каждомъ днѣ, проведенномъ въ Римѣ, въ отдѣльности, и я дамъ тебѣ отчетъ; соедини нѣсколько дней или всѣ, и я не въ состояніи буду дать никакого отчета. Попробуй предложить кому-нибудь вопросъ: что сегодня дѣлалъ?—«Я былъ, — отвѣтитъ онъ тебѣ, — на семейной церемоніи принятія мужской тоги (*officio togae virilis*). Меня пригласили на обрученіе или свадьбу. Я присутствовалъ при совершеніи формальностей по завѣщанію. Одинъ поручилъ мнѣ дѣло; другой просилъ у меня совѣта». Каждое изъ этихъ дѣлъ, въ то время, какъ ими занять, кажется важнымъ; но когда вспомнишь, что такъ проходятъ всѣ дни, чувствуешь ихъ пустоту. Тогда говоришь себѣ: на какіе пустяки потратилъ я время! Вотъ что часто повторяю я въ моей лаурентинской виллѣ, гдѣ я читаю, пишу, предаюсь тѣлеснымъ упражненіямъ для того, чтобы бодрость тѣла способствовала дѣятельности ума. Я не слышу, я не говорю ничего, въ чемъ бы мнѣ потомъ приходилось раскаиваться.

Никто при мнѣ не безславить чужого имени. Я осуждаю только себя, когда недоволенъ тѣмъ, что писалъ. Никакихъ желаній, никакого страха и суеты. Я бесѣдую лишь съ самимъ собою и своими книгами. О, простая, истинная жизнь! О, благословенная тишина! Не лучше ли, не плодотворнѣ ли этотъ отдыхъ, это спокойствіе, чѣмъ всякое дѣло! О, море, о, берегъ, о, сладкое и пустынное обиталище музъ! Сколько думъ вы во мнѣ пробуждаете, сколько вдохновеній! Бѣги, бѣги и ты, любезный Минуцій, отъ городского шума, отъ пустоты и жалкой суеты! Забудь тщетныя дѣла свои! При первой возможности, предайся, какъ я, наукѣ или отдыху, вспоминая мудрое и шутовское слово нашего Атилія: «otiosum esse, quam nihil agere — лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать пустяки».

Онъ отправляется на охоту, чтобы быть ближе къ природѣ, какъ передаетъ о томъ записочка къ Тациту:

«Ты будешь смѣяться, и на здоровье! Я—тотъ самый, которого ты знаешь, поймалъ трехъ кабановъ, и притомъ огромныхъ. Какъ, неужели самъ? Ну, да, самъ! Впрочемъ, мнѣ—признаться—не пришлось для этого особенно измѣнять своей обычной лѣни и бездѣйствію. Я сидѣлъ у капкана: рядомъ были не охотничья рогатина или копые, а только невинный стилосъ и записная книжка. Мечталъ, писалъ утѣшалъ себя надеждою вернуться домой, если съ пустыми руками, то съ полными восковыми табличками. Не пренебрегай такимъ способомъ писать. Ты не можешь себѣ представить до какой степени движеніе тѣла возбуждаетъ дѣятельность ума, не говоря уже о томъ, что тѣнь лѣсовъ, уединеніе, глубокая тишина, которой требуетъ охота,—все благопріятствуетъ вдохновенію. Вотъ почему, когда вздумаешь охотиться, бери корзину съ припасами и бутылку, но не забывай и восковыхъ табличекъ. Увидишь, что Минерва не менѣе, чѣмъ Діана, любитъ горы, и лѣса».

Съ особенной ясностью чувство природы выражается во всѣхъ подробностяхъ великолѣпнаго устройства знаменитой виллы Плинія—Laurentinum, которую онъ описалъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ писемъ. За каждой ме-

лочью утонченнаго и грандіознаго комфорта скрывается умѣніе наслаждаться природою, извлекать изъ прекрасной мѣстности все, что она можетъ дать:

«Моя вилла Лаурентинумъ отстоитъ только на 17 тысячъ шаговъ отъ Рима. Можно, окончивъ дѣла въ городѣ, отправиться туда, не нарушая ежедневнаго порядка жизни... Съ обѣихъ сторонъ дороги разнообразныя виды (*varia hinc atque inde facies*). То обступаютъ ее лѣса, то извивается она по широкимъ равнинамъ. Многочисленныя стада овецъ и быковъ, табуны коней пасутся, наслаждаясь сочными травами и вѣчной весной, даже въ то время, какъ зимніе холода уже свирѣпствуютъ въ горахъ.

Вилла удобна, а содержаніе ея стоитъ небольшихъ денегъ. Прежде всего—атріумъ, простой, но не лишенный изящества. За нимъ портикъ, дугообразный наподобіе буквы D, окружающій маленькій прелестный дворъ, восхитительное убѣжище отъ непогоды, защищенное стеклянными рамами (*specularibus*) и крышею. Далѣе внутренній дворъ, свѣтлый и веселый. Оттуда можно пройти въ красивую столовую, которая вдается въ море, такъ что брызги волнъ достигаютъ подножія стѣнъ, когда дуетъ африканскій вѣтеръ; эта комната со всѣхъ сторонъ имѣетъ двухстворчатыя двери и окна, такія же большія, какъ двери; спереди и справа, и слѣва открываются какъ бы три различныхъ моря. Сзади виднѣются въ перспективѣ — внутренній дворъ, портикъ, внѣшній дворъ, еще портикъ, атріумъ, и въ самой глубинѣ—лѣса и далекія горы...

Уголь, образуемый триклиніумомъ (столовой) и стѣною другой меньшей комнаты (*cubiculum*), собираетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ чистѣйшее солнце (*angulus, qui purissimum solem continet et accendit*). Въ этомъ мѣстѣ слуги наслаждаются зимнимъ тепломъ, устроивъ гимназію для тѣлесныхъ упражненій; всѣ вѣтры здѣсь умолкаютъ кромѣ тѣхъ, которые приносятъ тучи и застилаютъ солнце, но не мѣшаютъ оставаться на воздухѣ. Къ этому углу примыкаетъ круглая зала или ротонда, окна которой послѣдовательно принимаютъ лучи солнца во всякое время

дня. Въ стѣну ротонды вдѣланъ глубокой шкапъ, который служить мнѣ библіотеккой; въ немъ находятся не тѣ книги, которыя слѣдуетъ прочесть, а тѣ, которыя слѣдуетъ постоянно перечитывать (*non legendos libros, sed leclitandos*). Рядомъ спальныя комнаты, отдѣленные отъ библіотеки коридоромъ,—съ трубами, идущими по стѣнамъ и распространяющими пріятное тепло. Остальная часть флигеля занята рабами-вольнотпущенниками, но большая часть комнатъ содержится такъ чисто, что во всякое время онѣ готовы для пріема гостей.

Въ противоположномъ флигелѣ изящный кабинетъ; затѣмъ большая зала, которая вся такъ и сіяетъ отъ моря и солнца (*quae plurimo sole, plurimo mare lucet*). Еще нѣсколько комнатъ и, наконецъ, ванная. Здѣсь просторная холодная купальня и другъ противъ друга, по стѣнамъ, два бассейна—такихъ большихъ и глубокихъ, что въ нихъ можно плавать. Рядомъ уборная, теплая баня и комната для потѣнія... Ванны нагрѣтой воды устроены такъ чудесно, что, купаясь въ нихъ, видишь море...

Нѣкоторыя комнаты помѣщаются въ высокихъ башняхъ нарочно для вида; среди нихъ одна пиршественная зала, окна которой открываются на виллы, на далекое побережье, на безпредѣльное море.

Не менѣе восхитителенъ садъ, окружающій виллу: аллеи съ утопаннымъ твердымъ пескомъ, обсаженные вѣчно-зелеными пахучими буксами или розмариномъ. Среди фигъ и сливъ, которымъ благопріятствуютъ особенности почвы, возвышается сводчатая галлерей; съ обѣихъ сторонъ окна, — со стороны, выходящей на море, вдвое больше, чѣмъ въ садъ. Когда воздухъ ясенъ и неподвиженъ, всѣ окна открываются настезь; если же съ какой-нибудь стороны вѣтеръ, то — открываются съ противоположной, безвѣтренной. Передъ галлереей цвѣтникъ душистыхъ фіалокъ (*xustus violis odoratus*). Стѣны, отражая лучи солнца, собираютъ ихъ теплоту и вмѣстѣ съ тѣмъ защищаютъ отъ аквилона.

Въ концѣ галлерей и цвѣтника—павильонъ; это мой любимый уголокъ. Я построилъ его самъ. Здѣсь «настоя-

щій солнечный очагъ» (*heliocaminus*), который съ одной стороны выходитъ на море, съ другой—на цвѣтникъ фіалокъ, и съ обѣихъ принимаетъ солнечные лучи... По срединѣ той стороны павильона, которая обращена къ морю,—маленькій кабинетъ; его можно, по желанію, соединить съ большою залою или отдѣлять посредствомъ стеклянныхъ рамъ и занавѣсокъ. Здѣсь, въ очаровательномъ уголкѣ, помѣщается ложе и два стула (*cathedrae*): у ногъ своихъ видишь море, за собою—виллы, впереди—лѣса; три окна соединяють три различныхъ пейзажа, не смѣшивая ихъ... Въ этомъ павильонѣ мнѣ кажется, будто я очень далеко даже отъ моей собственной виллы; я люблю проводить въ немъ долгіе часы, особенно во время сатурналій, когда вся остальная часть дома наполняется криками веселья, дозволеннаго по обычаю праздничныхъ дней. Такимъ образомъ, ни я не мѣшаю удовольствіямъ моихъ слугъ, ни они не нарушаютъ моихъ занятій».

Это описаніе—одна изъ самыхъ характерныхъ и поразительныхъ страницъ римской древности. За каждой мелочью чувствуется здѣсь безконечная способность наслаждаться прелестью міра.

Любовь къ солнцу—вотъ что руководило строителемъ виллы. Солнце — источникъ красоты и радости; всюду видна забота не потерять ни одного луча; портики, дворы, двери, окна принимаютъ солнце, собираютъ его въ глубокихъ мраморныхъ залахъ, какъ воду въ цистернахъ.

Солнце и море окружаютъ виллу со всѣхъ сторонъ. Бѣлый мраморъ колоннадъ на фонѣ легкой лазури небесъ и глубокой синевы Средиземнаго моря, запахъ фіалокъ въ безвѣтренномъ воздухѣ, любимыя книги, бесѣда съ друзьями, безмолвіе бібліотекъ, которое нарушается только отдаленнымъ плескомъ волнъ или жужжаніемъ пчелы, залетѣвшей въ открытое окно,—такова вилла, которая навсегда останется Элизіумомъ тѣхъ, кто любитъ мудрость, тишину и поэзію.

Образъ жизни въ такихъ виллахъ соотвѣтствуетъ ихъ величавому и простому комфорту. Въ одномъ письмѣ Пли-

ній изображаетъ сельскую жизнь стараго римскаго вельможи Спуринны, удалившагося на покой послѣ шумной дѣятельности:

«Я люблю, чтобы жизнь людей, въ особенности стариковъ, правильною своей походила на неизмѣнное теченіе свѣтила небесныхъ... Утро Спуринна проводить въ постели. Ко второму часу обувается и дѣлаетъ пѣшкомъ прогулку въ три тысячи шаговъ. Умъ упражняетъ онъ не менѣе, чѣмъ тѣло. Если присутствуютъ друзья, ведетъ съ ними благороднѣйшія бесѣды; если же онъ одинъ, ему читаютъ,—и въ присутствіи друзей, когда всѣ желаютъ того. Немного отдыхаетъ, опять беретъ книгу или возобновляетъ разговоръ, болѣе увлекательный, чѣмъ книга. Потомъ садится въ колесницу съ женою, рѣдкою, очаровательной женщиной, или же съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, какъ, напримѣръ, въ послѣдній разъ со мною. Какая тихая бесѣда, какое сладкое уединеніе! Сколько воспоминаній о древности! Сколько мудрыхъ изреченій! Какія дѣла, какіе люди воскресаютъ въ словахъ его! А между тѣмъ все это говорится съ такою скромностью, что и мысли не можетъ притти, что онъ получаетъ. Проѣхавъ семь римскихъ миль, еще одну милю идетъ пѣшкомъ. Потомъ опять немного отдыхаетъ, или удаляется въ рабочій кабинетъ и пишетъ. Онъ искусенъ въ лирической поэзіи на обоихъ языкахъ—греческомъ и латинскомъ. Стихи его обладаютъ сладостью, гармоніей, весельемъ неподражаемымъ; ихъ красоту возвышаетъ добродѣтель поэта.

Когда ему объявляютъ, что часъ купанья насталь, онъ раздѣвается и гуляетъ на солнцѣ нагой, если погода тихая».

И здѣсь—солнце, и здѣсь, какъ вездѣ,—любовь къ солнцу.

«Затѣмъ онъ играетъ въ мячъ долго и съ увлеченіемъ: это также одно изъ тѣлесныхъ упражненій, которыя помогаютъ ему бороться и преодолѣвать старость (*vigilant ut senectute*). Послѣ ванны ложится въ постель и, въ ожиданіи обѣда, слушаетъ чтеніе увеселительное и легкое. Въ это время друзьямъ предоставляется дѣлать то же самое или что-нибудь другое, смотря по желанію. Обѣденный

столь — не менѣе изящный, чѣмъ простой, съ массивнымъ стариннымъ серебромъ. Есть также и вазы коринеской бронзы, которымъ онъ радуется, но безъ чрезмѣрнаго пристрастія. Нерѣдко возлежащіе за трапезой увеселяются комедіями, чтобы наслажденія сопровождались искусствомъ. Обѣдъ затягивается до ночного часа, даже въ лѣтнее время, и никто не жалуется, до такой степени очарователенъ разговоръ. Благодаря этому образу жизни, въ семьдесятъ лѣтъ сохранилъ онъ совершенно ясное зрѣніе, чуткій слухъ, сильное и здоровое тѣло; старость принесла ему только одно—мудрость.

Къ такой жизни стремлюсь и я, уже заранѣе предвкушаю ее и начну съ радостью, какъ только годы позволятъ мнѣ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ. Теперь же, когда меня изнуряють разнообразныя труды, примѣръ Спуринны поддерживаетъ и утѣшаетъ меня, потому что и онъ, пока того требовалъ долгъ гражданина, отдавался важнымъ заботамъ, занималъ должности, управлялъ провинціями и долгими трудами заслужилъ себѣ право отдыха. Я избираю такой же путь, такую же цѣль, и да будетъ это письмо мое къ тебѣ документомъ: если ты увидишь, что я затягиваю мою дѣловую жизнь долѣе положеннаго срока, — произнеси законный приговоръ и обреки меня на покой, когда уже нельзя будетъ упрекнуть меня въ лѣности».

Этотъ почти восьмидесятилѣтній старикъ, грѣющій на солнцѣ свое обнаженное тѣло, свои еще крѣпкіе мускулы, играющій въ мячъ, побѣждающій старость, — кажется живымъ воплощеніемъ и символомъ античной жизни. Древніе—истинные *дѣти солнца*.

VIII.

Дядя Плинія Младшаго былъ знаменитый Плиній Натуралистъ, посвятившій всю свою долгую жизнь огромнымъ работамъ по естественной исторіи. Повидимому, любовь къ природѣ была наслѣдственной въ этой талантливой семьѣ. Плиній Старшій погибъ замѣчательною смертію,

величіе которой соотвѣтствовало всей его прекрасной жизни: онъ умеръ при изверженіи Везувія, засыпавшемъ Помпею,—при этомъ грандіозномъ и ужасающемъ явленіи любимой имъ природы, которую онъ наблюдалъ до самаго конца съ безстрашнымъ любопытствомъ. Плиній Младшій рассказываетъ о смерти своего дяди и о гибели Помпеи въ двухъ письмахъ къ Тациту. Здѣсь выражается уже не мирное наслажденіе мирною природою, а чувство еще болѣе новое, неожиданное въ древнемъ человѣкѣ, несмотря на то, что самъ рассказчикъ нисколько не скрываетъ испытаннаго имъ, страха, — въ каждой строкѣ вдохновеннаго рассказа чувствуется эстетическій восторгъ, наслажденіе художника, равнодушнаго къ собственной гибели.

«Ты просишь меня,—пишетъ Плиній Тациту,—рассказать о кончинѣ моего дяди, чтобы ты могъ съ тѣмъ большею точностью передать повѣствованіе объ этомъ событіи потомству... Съ готовностью исполняю твою просьбу. Дядя былъ тогда въ Мизенѣ,—онъ управлялъ флотомъ. Въ девятый день передъ сентябрьскими календами, въ седьмой часъ дня, моя мать сообщила ему, что появилась туча необычайная и по размѣрамъ своимъ, и по виду. Посидѣвъ на солнцѣ и взявъ прохладительную ванну, онъ по обычаю возлежалъ, предаваясь научнымъ занятіямъ. Тотчасъ же потребовалъ онъ сандаліи и взошелъ на высокое мѣсто, откуда могъ лучше наблюдать явленіе. Туча (на такомъ разстояніи нельзя было рѣшить, надъ какой именно горой,—потомъ узнали, что это былъ Везувій) поднималась въ воздухѣ, имѣя образъ и подобіе дерева, скорѣе всего—итальянской пинны, потому что, возносясь къ небу, какъ исполинскій стволъ, она въ вершинѣ своей развѣтвлялась. Можетъ-быть, сильный вѣтеръ, сначала поднявшій облако, теперь затихъ; а можетъ-быть, ослабѣвая и опускаясь отъ собственной тяжести, распростиралось оно по небу. Туча казалась то бѣлой, то грязно-желтой и пятнистой, то пепельной, то земляного цвѣта.

Дядя мой, въ качествѣ ученаго наблюдателя, нашелъ явленіе достойнымъ болѣе внимательнаго изслѣдованія.

Онъ заказалъ либурнскій корабль и предложилъ мнѣ сопровождать его. Я отвѣтилъ, что предпочитаю заниматься. Выходя изъ дома, дядя получилъ записку Ректины, жены Цеція Басса, испуганной опасностью (вилла ея была расположена у подошвы Везувія и можно было спастись только моремъ); она просила оказать помощь. Тогда онъ измѣняетъ намѣреніе и дѣлаетъ во имя долга то, чего прежде дѣлалъ во имя знанія. Велитъ приготовить квадриремы и садиться, чтобы ѣхать на помощь не только къ Ректинѣ, но и ко многимъ другимъ жителямъ, поселившимся на этомъ очаровательномъ побережьи. Слѣшить туда, откуда всѣ бѣгутъ; направляетъ свои корабли въ самое опасное мѣсто, до такой степени чуждый страха, что всѣ послѣдовательныя измѣненія, всѣ картины этого бѣдствія наблюдаетъ, отмѣчаетъ и диктуетъ свои замѣтки.

Уже на корабли падалъ пепель болѣе горячій и густой по мѣрѣ того, какъ приближались къ Везувію; падали и цѣлыя глыбы, черные камни, обожженные, изъѣденные огнемъ; море внезапно обмелѣло и берегъ былъ загромазденъ изверженіями вулкана. Дядя одно мгновеніе колебался, не вернуться ли, но сказалъ кормчему, который совѣтовалъ возвратиться: «храбрымъ помогаетъ судьба; правъ къ Помпонію!» Помпоній жилъ въ Стабіяхъ, на другой сторонѣ маленькаго залива, потому что здѣсь морской берегъ образуетъ едва замѣтные изгибы. Сюда Помпоній, въ виду опасности, еще далекой, но постепенно приближавшейся, перенесъ свое имущество на корабли, и, готовый къ бѣгству, ожидалъ, чтобы затихъ противный вѣтеръ, для дяди моего оказавшійся самымъ благопріятнымъ. Онъ пріѣхалъ къ нему, обнялъ трепетнаго друга, утѣшилъ, уговорилъ, и для того, чтобы разсѣять страхъ своимъ спокойствіемъ, приказалъ отнести себя въ купальни; взялъ ванну, возлегъ на трапезу и былъ веселъ или, что не менѣе свидѣтельствуешь о величій духа, казался веселымъ.

А между тѣмъ на Везувіи, въ различныхъ мѣстахъ, сіяли широкіе огни и огромныя зарева: темнота ночи еще усилила блескъ. Дядя успокаивалъ всѣхъ и говорилъ,

что горять виллы, покннутыя въ жертву огню испуганными поселянами. Потомъ легъ отдохнуть и, въ самомъ дѣлѣ, уснулъ настоящимъ сномъ, потому что сквозь двери слышалось дыханіе, тяжкое и звучное, вслѣдствіе его до-родности. А между тѣмъ дворъ начиналъ до такой степени наполняться пепломъ и камнями, что, останься онъ дольше въ этомъ зданіи, ему было бы уже невозможно выйти.—Его будятъ. Онъ выходитъ, присоединяется къ Помпонію и другимъ, которые бодрствовали. Они совѣщаются, остаются ли подъ кровлей или уйти въ открытое поле, такъ какъ зданія, потрясенныя частыми и сильными подземными ударами, колебались и, какъ будто сорванныя со своихъ основаній, то двигались по различнымъ направленіямъ, то опять возвращались на прежнія мѣста. Съ другой стороны, подъ открытымъ небомъ грозило паденіе камней, хотя и легкихъ, изъѣденныхъ огнемъ. Изъ двухъ опасностей выбрали вторую. У дяди доводъ побѣжденъ доводомъ, у остальныхъ страхъ страхомъ. Они привязываютъ, посредствомъ холщевыхъ полосъ, подушки къ головамъ для защиты отъ падающихъ камней.

Въ другихъ мѣстахъ разсвѣтало, а здѣсь попрежнему была ночь, чернѣе, гуще всѣхъ ночей, хотя и озаряемая, какъ бы отблескомъ факеловъ, многими и разнообразными огнями. Пошли на берегъ, чтобы посмотрѣть вблизи, не утихло ли море, но оно было такое же бурное и опасное для плаванья, какъ прежде. Дядя легъ на растянутый покровъ, два раза просилъ холодной воды и осушалъ кубокъ. Скоро огни и запахъ сѣры, предвѣщавшіе пламя, заставили его встать, а всѣхъ остальныхъ обратили въ бѣгство. Онъ подымается, опираясь на двухъ молодыхъ рабовъ, и въ то же мгновеніе падаетъ мертвымъ. Я думаю, что густой дымъ остановилъ дыханіе и задушилъ его, потому что грудь его отъ природы была слаба, и онъ часто страдалъ одышкой. Когда дневной свѣтъ опять появился (на третій день послѣ кончины дяди), тѣло его нашли цѣльнымъ, неповрежденнымъ, съ одеждой, оставшейся неприкосновенной, и видъ его былъ скорѣе спящаго, чѣмъ мертваго».

Еще болѣе замѣчательно второе письмо Плинія къ Тациту о томъ же изверженіи Везувія:

«Ты говоришь, что письмо, въ которомъ я разсказаль о смерти моего дяди, внушило тебѣ желаніе узнать тревоги и опасности, которымъ и я подвергался, оставшись въ Мизенѣ, такъ какъ именно на этомъ мѣстѣ я прервалъ мой разсказъ

Хотя вспоминать мнѣ страшно,
Все же начну...

По отъѣздѣ дяди, нѣкоторое время продолжалъ я занятія, для которыхъ остался. Потомъ взялъ ванну, пообѣдалъ и уснулъ ненадолго тревожнымъ сномъ. Нѣсколько дней чувствовалось землетрясеніе, довольно мало беспокоившее насъ, такъ какъ явленіе это—обычное въ Кампаніи. Въ ту ночь, однако, землетрясеніе усилилось: казалось, все не только двигается, но и разрушается. Мать бросилась ко мнѣ въ спальню. Я вставалъ, чтобы разбудить ее, если бы она оказалась спящей. Мы сѣли на дворѣ, который узкимъ пространствомъ отдѣлялъ домъ отъ моря. Не знаю, какъ назвать мой образъ дѣйствій—мужествомъ или неблагоразуміемъ, — мнѣ тогда было только восемнадцать лѣтъ, — но я велѣлъ принести книгу Тита Ливія и, какъ бы на досугѣ, принялся читать и даже дѣлать выписки. Другъ дяди, недавно пріѣхавшій изъ Испаніи, увидѣвъ меня и мать сидящими, меня читающимъ, упрекнулъ ее въ хладнокровіи, меня въ безопасности. Однако съ неменьшимъ усердіемъ продолжалъ я чтеніе.

Былъ первый часъ дня. Свѣтъ до тѣхъ поръ казался тусклымъ и сумрачнымъ. Зданія вокругъ насъ сотрясались съ такою силою, что въ этомъ тѣсномъ, хотя и открытомъ, пространствѣ угрожали раздавить насъ, если бы рухнули. Тогда мы рѣшаемъ выйти изъ города. За нами слѣдуютъ испуганные жители и, такъ какъ въ страхѣ люди думаютъ, что подчиняться чужой волѣ безопаснѣе, чѣмъ своей, то огромная толпа устремилась за нами, тѣснить и гонить насъ. При выходѣ изъ города мы останавливаемся,—

видимъ много удивительнаго, много страшнаго. Взятая нами колесницы среди поля сами собою раскатываются въ разныя стороны и нельзя ихъ удержать, даже подкладывая камни подъ колеса. Кромѣ того, море какъ будто уходитъ, всасывается собственной пучиной и отгоняется отъ берега землетрясеніемъ. Дно обнажается у берега, и многія морскія животныя остаются на песчаной отмели. Съ другой стороны, ужасающая черная туча, раздираемая огненными вихрями, изрыгаетъ изъ зіяющихъ нѣдръ своихъ цѣлые потоки пламени, подобные громаднѣмъ молніямъ.

Тогда другъ, о которомъ я упомянулъ, съ еще большею настойчивостью и силою, убѣждаетъ насъ: если твой братъ, если твой дядя живъ, онъ хочетъ, чтобы вы спаслись. Если погибъ, то, конечно, хотѣлъ, чтобы вы пережили его. Зачѣмъ же медлите бѣжать?—Мы отвѣтили, что не можемъ думать о своей безопасности, пока не увѣримся въ спасеніи дяди. Тогда онъ устремляется прочь онъ насъ и убѣгаетъ. Скоро туча спустилась на землю и покрыла море. Она облекла Капрею, окутала Мизенскій мысъ, такъ что мы больше не могли ихъ различать. Мать умоляетъ, закликаетъ, приказываетъ мнѣ бѣжать во что бы то ни стало,—говорить, что это легко при моей юности, тогда какъ ей самой, отягченной годами, отраднѣ умереть, только бы не сдѣлаться причиной моей смерти. Я возражаю, что лучше погибну, чѣмъ покину ее. Беру ее за руку и принуждаю ускорить шагъ. Она слушается съ неохотой и продолжаетъ обвинять себя, что задерживаетъ мое бѣгство.

Пепель уже падалъ, хотя еще рѣдкій. Оглянулся и вижу: густой дымъ ползетъ за нами по землѣ, разстилаясь, какъ потокъ, и приближается. Я говорю моей матери: «свернемъ въ сторону, пока видятъ глаза, для того, чтобы насъ въ темнотѣ не раздавила бѣгущая за нами толпа». Только что мы остановились, какъ воцарилась тьма,—не такая, какъ въ туманныя или безлунныя ночи, а какъ въ комнатѣ безъ оконъ, когда потушили свѣтъ. Слышался вой женщинъ, плачь дѣтей, крики мужчинъ. Одни звали родителей, другіе дѣтей, третьи своихъ женъ, перекликались и старались

узнать другъ друга по голосу. Одинъ скорбѣлъ за себя, другой за близкихъ. Иные молились о смерти, отъ страха смерти. Нѣкоторые простирали руки къ богамъ; многіе увѣряли, что больше нѣтъ боговъ, что теперь наступила вѣчная, послѣдняя ночь міра. Были и такіе, которые къ дѣйствительной опасности прибавляли еще мнимые ужасы. Возвѣщали, что такое-то зданіе въ Мизенѣ рушилось, такое-то объято пламенемъ, и этимъ ложнымъ слухамъ всѣ вѣрили.

Блеснулъ слабый свѣтъ, который, однако, былъ предвѣстникомъ не свѣта дневного, а приближающагося огня. Онъ остановился вдали отъ насъ. Снова — мракъ. Снова — пепель, густой и горячій. Иногда мы подымались, чтобы стряхнуть его съ себя: иначе бы онъ засыпалъ и задушилъ насъ своей тяжестью. Я могъ бы похвастать, что ни одинъ малодушный крикъ, ни одна жалоба не вырвалась изъ устъ моихъ среди опасностей; но меня поддерживало горестное и все же великое утѣшеніе, что вмѣстѣ со мною погибаетъ весь родъ человѣческой, что это — конецъ міра.

Наконецъ черная тьма разсѣялась, какъ дымъ или облако. Скоро мы увидѣли день; блеснуло даже солнце, но мрачное, какимъ оно бываетъ во время затменія. Нашимъ глазамъ, еще полнымъ ужаса, все представилось измѣнившимся, все было покрыто пеленою глубокаго пепла, какъ снѣгомъ.

Мы вернулись въ Мизенъ. Расположились въ домахъ, чтобы отдохнуть, какъ могли, и провели невѣрную, безпокойную ночь, между страхомъ и надеждой. Страхъ преобладалъ, потому что землетрясеніе продолжалось, и почти всѣ, напуганные предзнаменованіями, преувеличивали и свои и чужія бѣдствія. Но и тогда, несмотря на всѣ эти уже испытанныя и ожидавшія насъ опасности, мы рѣшили не удаляться, пока не получимъ извѣстія о дядѣ.

Ты прочтешь этотъ разсказъ, хотя, конечно, и не введешь его въ свою «Лѣтопись», такъ какъ онъ едва ли до-

стоинъ такой чести; если же онъ покажется тебѣ незаслуживающимъ столь подробнаго изложенія въ письмѣ, обвиняй себя, такъ какъ ты самъ требовалъ отъ меня этихъ подробностей. Vale».

IX.

Въ письмахъ Плинія есть еще одна черта, драгоценная и любопытная для характеристики Траянова вѣка: это—отношеніе автора къ христіанамъ.

Въ 111 году Плиній былъ посланъ Траяномъ въ качествѣ римскаго проконсула для управленія областями Вивиніей и Понтомъ, т.-е. всею сѣвѣрною частью Малой Азіи.

«Эта провинція, — говоритъ Ренанъ (*Les Evangiles*),— до тѣхъ поръ управлялась крайне небрежно проконсулами, смѣнявшимися ежегодно, сенаторами, выбиравшимися по жребію. Офиціальныи римскій культъ приходилъ въ упадокъ, со всѣхъ сторонъ тѣснимый туземными религіями... Христіанская вѣра, пользуясь распушенностью чиновниковъ, которымъ было поручено сдерживать ее, распространялась на свободѣ, пускала все болѣе крѣпкіе корни».

Въ такомъ печальномъ для Рима положеніи засталъ дѣла провинціи Плиній.

Какъ безупречный гражданинъ, какъ точный исполнитель императорской воли, онъ съ усердіемъ принялся возстановлять въ довѣренныхъ областяхъ римскій законъ и порядокъ. Но ему не доставало настоящей опытности: это былъ скорѣе любезный гуманистъ, чѣмъ администраторъ. По поводу каждой мелочи онъ пишетъ непосредственно императору, испрашивая у него совѣта. Эта переписка, къ счастью, сохранилась. Здѣсь мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, какъ боязливо, враждебно къ проявленіямъ умственной свободы, мелочно-придирчиво было такъ называемое просвѣщенное правленіе римскаго деспота, котораго вѣка не уставали прославлять. Траянъ запрещаетъ всякія, даже самыя безобидныя въ политическомъ отношеніи, «гетеріи», т.-е. товарищескіе союзы, братства, артели съ невинными

или полезными цѣлями, какъ, напр., пожарныя, или установленныя для празднованія мѣстныхъ и семейныхъ торжествъ. Плиній (таковъ духъ времени) безпрекословно и безропотно исполнялъ суровую волю кесаря. Послѣднія независимыя проявленія народной жизни истребляются во имя безличнаго закона, во имя того, кого чиновникъ Плиній съ официальной почтительностью называетъ «*tutela generis humani*».

Христіанскія церковныя общины должны были подвергнуться гоненіямъ при этой мелочной политикѣ, которой всюду мерещились призраки злонамѣренныхъ гетерій, которой даже общество въ 50 человекъ, учрежденное для охраны отъ пожаровъ, казалось подозрительнымъ (см. *Plin. Epist.* X, 33, 34). Нѣсколько разъ Плинію пришлось встрѣчаться съ послѣдователями новой религіи. Доносы становились многочисленнѣе; произведено было нѣсколько арестовъ; слѣдуя юридическому обычаю того времени, проконсулъ приказалъ объявившихъ себя римскими гражданами отправить въ Римъ. Подвергъ допросу двухъ діакониссъ. Все, что ему удалось открыть, казалось настоящимъ ребячествомъ.

Эти осложненія особенно обострились въ городѣ Атизосѣ, на берегу Чернаго моря, осенью 112 года. По всей вѣроятности, послѣднія событія, которыя такъ сильно обезпокоили проконсула, произошли въ Амастрисѣ, городѣ, ставшемъ со второго вѣка средоточіемъ христіанства въ Понтѣ. Плиній писалъ императору:

«Священнымъ долгомъ считаю обо всемъ, что возбуждаетъ мои сомнѣнія, извѣщать тебя, государь. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше твоего укрѣпитъ меня, наставитъ? Мнѣ никогда раньше не случалось присутствовать при судѣ надъ христіанами: вотъ почему я не знаю, какія дѣянія, въ какой мѣрѣ должно преслѣдовать и наказывать. Такъ, напр., неизвѣстно, слѣдуетъ ли принимать въ расчетъ въ этихъ дѣлахъ различіе возрастовъ, или съ дѣтьми поступать такъ же, какъ со взрослыми; должно ли прощать раскаявшихся, или же для того, кто былъ разъ въ жизни вполнѣ

христіаниномъ (*omnino christianus*), раскаяніе болѣе не должно имѣть никакого значенія; наказуется ли имя, помимо преступныхъ дѣйствій, или преступныя дѣйствія помимо имени? А пока вотъ по какимъ правиламъ поступалъ я съ тѣми, которыхъ приводили въ мое судилище, какъ христіанъ. Спрашивалъ ихъ самихъ: христіане ли вы? Если не сознавались, спрашивалъ во второй и въ третій разъ, угрожая пыткой. Когда они упорствовали, я отдавалъ ихъ въ руки палачей, будучи увѣренъ, что—какова бы ни была сущность того, въ чемъ они сознались,—все же достойны наказанія ихъ упрямство, ихъ непослушаніе властямъ. Нѣкоторыхъ несчастныхъ, одержимыхъ тѣмъ же безуміемъ (*similis amentiae*), велѣлъ отослать въ Римъ, такъ какъ они были римскими гражданами.

Скоро, во время самага судебного разбирательства, обвиненія расширились и обнаружались болѣе разнообразныя формы преступныхъ дѣяній. Обнародованъ былъ доносъ безъ имени, содержавшій имена многихъ лицъ, которыя, однако, отрицали, что они въ настоящее время—христіане, или даже были христіанами. Когда въ моемъ присутствіи они призвали боговъ и молились, сожигая еиміамъ и выливая вино твоему изображенію, которое я нарочно велѣлъ принести вмѣстѣ со статуями прочихъ боговъ, когда, кромѣ того, проклинали они Христа (къ чему — какъ я слышалъ — истинныхъ христіанъ никакими силами нельзя принудить), — я счелъ возможнымъ отпустить ихъ на волю. Другіе изъ названныхъ доносчиками сперва сознались, что они—христіане, потомъ отреклись, утверждая, что были христіанами нѣкогда; одни говорили— три года тому назадъ, другіе — больше, нѣкоторые даже двадцать лѣтъ; всѣ они поклонились твоему изображенію и ликамъ прочихъ боговъ, всѣ они проклинали Христа.

Впрочемъ, утверждали, что вина ихъ или ошибка заключалась въ слѣдующемъ: въ назначенный день собирались они до восхода солнечнаго; по очереди пѣли гимнъ Христу, какъ богу; клялись не совершать дурного, воздерживаться

отъ воровства, убійства, прелюбодѣянiя, отъ нарушенiя обѣтовъ, отъ присвоенiя довѣреннаго имущества; послѣ того расходились, чтобы собираться для общей трапезы, пристойной и невинной. Но и отъ этого они, по словамъ ихъ, стали воздерживаться со времени моего эдикта, которымъ я, согласно твоей волѣ, воспретилъ всякiя дружескiя сообщества (*gentium*). Я счелъ необходимымъ, для разъясненiя дѣла, подвергнуть пыткѣ двухъ служанокъ, называемыхъ у нихъ діакониссами. *Но я не нашелъ у нихъ ничего, кромѣ печальнаго и безмѣрнаго суевѣрiя (superstitionem pravam et immodicam)*. Вотъ почему я прекратилъ слѣдствiе, желая предварительно узнать твою волю. Дѣло, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ особаго вниманiя въ виду многочисленности этихъ несчастныхъ. Цѣлыя толпы всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословiй, обоихъ половъ привлекаются къ суду и будутъ привлекаемы. Не только въ городахъ, но и въ селенiяхъ, и въ деревныхъ распространяется зараза этого суевѣрiя (*superstitionis istius contagio*). Впрочемъ, думая, что можно излѣчить и прекратить его. По крайней мѣрѣ, съ ясностью обнаружилось, что съ нѣкотораго времени снова стали посѣщаться почти покинутые храмы боговъ, и жертвоприношенiя, которыми давно пренебрегали, возобновляются; всюду продаются жертвенныя животныя, прежде не находившiя покупателей, — изъ чего явствуетъ, какое множество несчастныхъ можетъ быть обращено на путь истины, если оказать милость раскаявшимся».

На это длинное посланiе Плинія императоръ Траянъ отвѣтилъ слѣдующей краткой запиской:

«Ты поступилъ, какъ должно, любезный Плиній, съ тѣми, которые подверглись обвиненiю въ христіанскомъ суевѣрiи. Въ подобныхъ дѣлахъ нельзя установить какого-нибудь общаго правила, которое имѣло бы вполнѣ опредѣленную форму. Разыскивать ихъ не слѣдуетъ. Если призовутъ въ судилище и обвинять, должно наказывать; однако тѣхъ, кто будетъ отрицать свою принадлежность къ христіанамъ и подтвердить свое отреченiе, поклонившись нашимъ богамъ, слѣдуетъ прощать и миловать, какъ бы ни

были подозрительны ихъ прежнія дѣйствія. Впрочемъ, неподписанныхъ доносовъ ни въ какомъ случаѣ не принимать. Это было бы дурнымъ примѣромъ и *несвойственно духу нашего вѣка (nec nostri saeculi est)*».

Вотъ живая страница изъ лѣтописей первоначальнаго христіанства. Здѣсь скрывается страшный и незабвенный урокъ для тѣхъ, кто судить слишкомъ поверхностно и насмѣшливо о новыхъ стремленіяхъ, о новыхъ вѣрованіяхъ и запросахъ темныхъ народныхъ массъ.

Мы видѣли, что сердце Плинія обладаетъ даромъ безыскусственной доброты; мы видѣли его *чисто-христіанское* милосердіе къ рабамъ, гладиаторамъ, вольноотпущенникамъ; всю свою жизнь онъ посвящалъ безкорыстной и просвѣщенной дѣятельности на пользу народа, основывалъ школы, бібліотеки, жертвовалъ въ храмы прекрасныя художественныя произведенія. И что же? Умный, добрый человекъ, котораго нельзя не полюбить, прочтя его письма, гуманистъ Траянова вѣка, — ничуть не задумываясь, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ благородное и разумное дѣло, посылаетъ на пытку двухъ, по всей вѣроятности, столь же добрыхъ и мужественныхъ, какъ онъ самъ, служанокъ-діакониссъ. Быть-можетъ, изнывая въ мученіяхъ, онѣ смотрѣли въ лицо своему палачу съ ужасомъ, между тѣмъ какъ Плиній встрѣчалъ ихъ взоръ съ удивленіемъ и жалостью. Что могъ узнать другъ Тацита, римскій проконсулъ, изъ неяснаго бреда этихъ несчастныхъ? Онъ признается императору, что нашелъ въ ихъ словахъ только «печальное и безмѣрное суевѣріе».

Х.

Таковы письма Плинія, которыя даютъ намъ всего человека, какъ дневникъ, какъ жизнеописательный романъ, какъ исповѣдь. Мы видѣли его въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: и героемъ въ темную кровавую эпоху Домиціана, и суетнымъ стихотворцемъ въ римскихъ литературныхъ кружкахъ, и безстрашнымъ художникомъ-наблюдателемъ изверженія Везувія, и эпикурейцемъ въ бібліотекахъ

Лаурентины, и суровымъ римскимъ проконсуломъ, безпощаднымъ истребителемъ «христіанскаго суевѣрія» въ судилищахъ Понта и Виѳиніи, и просвѣтителемъ народа, основателемъ школъ и библиотекъ въ уединеніи на берегахъ своего родного озера Комо.

Онъ обладаетъ рѣдкимъ гениемъ, этотъ уравновѣшенный, умный и добрый человекъ, — онъ *умѣетъ быть счастливымъ*. Въ душѣ его нѣтъ ничего тяжелаго, смутнаго и болѣзненнаго. Въ этихъ письмахъ слышится бодрое и свѣжее дыханіе радости, подобное дыханію моря.

Но въ то же время въ нихъ есть и бессознательная грусть— не горькое разочарованіе, а тихая вечерняя грусть. Какъ будто Плиній, подобно многимъ людямъ его эпохи, сердцемъ чувствуетъ, что варварская ночь скоро покроетъ землю, что конецъ міра, его міра, прекраснаго и разумнаго, приближается.

Но странно — это чувство великаго конца не возбуждаетъ въ немъ ни ужаса, ни отчаянія. Въ письмахъ его разлита прелесть вечера, прелесть осени.

Унылая пора—очей очарованье...

Въ багрець и золото одѣтые лѣса...

Багрець и золото, пышныя краски увяданія, царственное великолѣпіе смерти облакаетъ литературу Траянова вѣка. Такъ, входя въ осенній лѣсъ, чувствуешь иногда въ прохладномъ живительномъ воздухѣ зловѣщій и нѣжный запахъ, ароматъ увядающихъ листьевъ. Отъ лучшихъ писемъ Плинія вѣетъ этимъ благоуханіемъ осени,—вотъ почему они навсегда останутся драгоценностью для рѣдкихъ и благородныхъ любителей увяданія — для тѣхъ, кто предпочитаетъ старость молодости, вечеръ—утру и неизмѣняющую осень — лживой веснѣ.

Кальдеронъ.

I.

Двадцать пятого мая 1681 года, въ Троицынъ день, на сценахъ всѣхъ главныхъ городовъ старой Испаніи — Мадрида, Толедо, Севильи, Гренады, въ ознаменованіе торжественнаго праздника, по обычаю давались аллегорическія драмы на сюжеты изъ Священнаго Писанія. Эти мистеріи назывались *autos sacramentales*. Каждый большой городъ избиралъ любимаго поэта и заказывалъ ему къ предстоящему празднику *auto*, что въ Испаніи считалось величайшимъ триумфомъ и почестью для драматурга. Въ тотъ годъ всѣ мистеріи принадлежали одному знаменитому престарѣлому писателю, придворному поэту короля Филиппа IV — Дону Педро Кальдерону де-ла-Барка. Онъ достигъ вершины славы. Начиная королемъ и грандами, кончая ремесленниками и странствующими монахами, народъ испанскій любилъ его. Сѣдая голова восьмидесятилѣтняго поэта была увѣнчана всѣми лаврами, какіе только могла дать ему родина.

Но въ то время, какъ зрители на веселомъ праздникѣ наслаждались созданіями генія и, быть-можетъ, завидовали его славѣ, поэтъ умиралъ. Онъ имѣлъ право спокойно смотрѣть въ лицо смерти. За нимъ была жизнь, полная славы, передъ нимъ — безсмертіе. Благоговѣйные поклонники рассказывали, что въ тотъ самый часъ, когда передъ закрытіемъ занавѣса актеры произносили прощальныя стихи его пьесы во всѣхъ главныхъ театрахъ Испаніи, — онъ закрылъ глаза навѣки. Кончилась мистерія, кончилась и жизнь поэта.

Кальдеронъ родился 7-го января 1600 года въ богатой, аристократической семьѣ де-ла-Барка-Барреда, секретаря при королевскомъ совѣтѣ финансовъ. Слава улыбнулась ему рано. Когда Дону Педро было только девятнадцать лѣтъ и онъ еще не кончилъ курса въ Саламанкскомъ университетѣ, его трагедіи уже давались на всѣхъ главныхъ сценахъ Испаніи, и публика съ восторгомъ привѣтствовала въ молодомъ студентѣ восходящее свѣтило поэзіи. По призванію онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ походахъ, много путешествовалъ, посѣтилъ Италію и Фландрію. Насколько можно судить по его комедіямъ, Кальдеронъ, вѣроятно, былъ однимъ изъ блестящихъ кавалеровъ на праздникахъ итальянскаго Возрожденія, въ загородныхъ дворцахъ Милана и Пармы. Лопе-де-Вега, самый авторитетный изъ тогдашнихъ испанскихъ писателей, провозгласилъ его въ своей поэмѣ «Лавръ Аполлона» величайшимъ гениемъ эпохи. Король осыпалъ его почестями и наградами, приблизилъ къ себѣ, поручилъ ему постановку пьесъ на собственномъ театрѣ и наблюденіе за придворными празднествами. Съ этой поры Кальдеронъ посвятилъ всю жизнь искусству.

Пятидесяти лѣтъ онъ поступилъ въ монашескій орденъ. Два величайшихъ утѣшенія, доступныхъ людямъ, — религія и поэзія, озаряли его безмятежную старость. Онъ умеръ, какъ Библия говоритъ о самыхъ счастливыхъ людяхъ, — «насыщенный днями».

Въ старинныхъ испанскихъ изданіяхъ Кальдерона сохранился его портретъ. Онъ въ монашеской одеждѣ. На груди — ордена св. Жака и Калатравы. Спокойныя черты, сѣдая борода, строгое, почти надменное выраженіе губъ и во всей наружности что-то властительное, указывающее на привычку повелѣвать: видно, что это старый воинъ, что ни созерцаніе поэта, ни смиреніе монаха не уничтожили въ немъ мужества и воли.

Воля — таково основное вдохновеніе всякаго драматическаго дѣйствія. Гдѣ нѣтъ воли, тамъ не можетъ быть драмы.

Слишкомъ позднія и развитія формы культуры, когда непосредственныя движенія воли ослабляются философскимъ размышленіемъ и привычкой сдерживать желанія, мало благопріятствуютъ драматическому театру. Вотъ почему поэты новыхъ временъ, быть-можетъ, чувствуя недостатокъ въ своихъ изображеніяхъ героической воли и борьбы, пытались перенести интересъ драмы на то, что составляетъ не сущность ея, а только фонъ и обстановку: волю и трагическое дѣйствіе хотѣли замѣнить—одни, подобно Гете и Шиллеру, величіемъ философской идеи; другіе, подобно Виктору Гюго, — яркостью романтическихъ контрастовъ; третьи, подобно Генриху Ибсену,—новизной психологическаго анализа; четвертые, подобно нашимъ Грибоѣдову и Гоголю,—сатирой, вѣрностью бытовой обстановки. Они превзошли наивныхъ драматурговъ прежнихъ вѣковъ знаніями по исторіи, психологіи, геніальными картинами быта, совершенствомъ внѣшнихъ формъ, но никто изъ писателей XIX вѣка въ сущности драмы — въ изображеніи великой страсти и трагической воли, не только не превзошелъ, но даже не сдѣлался равнымъ ни древне-греческимъ трагикамъ ни англійскимъ ни испанскимъ драматургамъ XVI и XVII вѣковъ. Новыя силы постоянно развивающейся всемірной литературы переносятся въ другія области — въ лирику и философскую поэму, въ психологическій романъ, а драма постепенно падаетъ и ослабѣваетъ. Трудно сказать, возродится ли она когда-нибудь въ будущемъ.

Кальдеронъ былъ монахомъ и воиномъ. Это вполне опредѣляетъ нравственное содержаніе его драмъ. Нельзя представить себѣ ничего болѣе далекаго отъ современнаго взгляда на жизнь, чѣмъ міросозерцаніе Кальдерона. Видно, что сомнѣніе никогда не касалось этой суровой и могучей души. Онъ безъ малѣйшихъ колебаній вѣритъ въ военную честь, такъ же какъ въ католическіе догматы. И въ произведеніяхъ его — странное смѣшеніе теплаго воздуха испанской ночи съ атмосферой инквизиціи, возвышенныхъ понятій чести и рыцарской любви съ жестокостью и фанатизмомъ. Если мы будемъ судить пьесы Кальдерона съ точки

зрѣнія современныхъ философскихъ и нравственныхъ требованій, то эти чуждыя намъ произведенія покажутся устарѣвшими, почти мертвыми, имѣющими только историческое значеніе. Но, несмотря на всѣ предразсудки, на бѣдность бытового колорита, на ограниченность основныхъ идей и мотивовъ, въ испанской драмѣ есть нѣчто, чѣмъ она превосходитъ современную. Въ ней есть основа сценическаго пафоса — движеніе, основа жизни — воля, основа драмы — дѣйствіе. Сила побѣждаетъ, а величайшая сила жизни — воля. Герои Кальдерона — эти люди XVI вѣка, черезъ сотни лѣтъ, черезъ бездны культуры, дѣйствуютъ на сердце своей непобѣдимой волей. Они живутъ. А жизнь не можетъ устарѣть: она одна, черезъ всѣ вѣка и предразсудки, возбуждаетъ отвѣтное волненіе. Современные герои умѣютъ чувствовать и размышлять, а тѣ умѣютъ желать и дѣйствовать

Узость основныхъ мотивовъ не только не ослабляетъ дѣйствія драмы Кальдерона, но усиливаетъ его. Одинъ изъ этихъ мотивовъ—*любовь къ женищину*, другой—*честь*. И слѣпая воля стремится между этими двумя преградами, перескакивая черезъ всѣ препятствія или увлекая ихъ за собою къ неизбежной катастрофѣ — къ побѣдѣ или смерти.

Нѣтъ ни размышленій, ни нравственныхъ колебаній, ни раскаянія,—дѣйствіе почти быстрѣ мысли.

Кальдеронъ, по преимуществу, поэтъ національный. Онъ понимаетъ толпу такъ же, какъ толпа понимаетъ его. Онъ не стремится быть выше своихъ современниковъ, дѣлится съ ними вѣру и предразсудки, безпредѣльность чувства и ограниченность знаній. Зато онъ и не чувствуетъ себя такимъ одинокимъ, такимъ оторваннымъ отъ народа, какъ поэты болѣе позднихъ цивилизацій. Онъ—воплощеніе народной души; его зрители — голосъ народа. Национальность опредѣляетъ и ограничиваетъ его геній.

Шекспиръ отдѣленъ отъ испанскаго драматурга только однимъ поколѣніемъ. Но у Шекспира мы встрѣчаемъ уже безграничную свободу. Онъ вполне понимаетъ толпу, но толпа понимаетъ его только отчасти.

Кальдеронъ приближается къ Шекспиру нарушеніемъ единства мѣста, хотя онъ все-таки не такъ легко и быстро перемѣняетъ декораціи, какъ Шекспиръ. Единство времени испанскій драматургъ соблюдаетъ только отчасти. Его драмы совершаются въ теченіе трехъ «дней», при чемъ каждый «день» соотвѣтствуетъ одному дѣйствию. Но онъ всегда сохраняетъ если не единство дѣйствія, то главнаго психологическаго мотива—*единство страсти*.

За этимъ исключеніемъ, въ пьесахъ Кальдерона, какъ въ англійской драмѣ, все неправильно, все нарушаетъ симметрію. Здѣсь красота основана на рѣзкости и глубинѣ *контрастовъ*. Подобно Шекспиру, Кальдеронъ вводитъ въ свои драмы параллель смѣшнаго и ужаснаго, пошлаго и великаго. На сценѣ появляются, рядомъ съ королями и дамами, шуты и комическіе простонародные типы. Въ архитектурѣ испанской драмы царствуетъ неправильный готическій стиль. Рядомъ съ фигурами рыцарей и святыхъ, чудовищные звѣри и смѣющіяся, безобразныя лица дьяволовъ, какъ въ средне-вѣковыхъ соборахъ.

Кальдеронъ выбираетъ для декораціи самые живописные, мрачные и дикіе пейзажи; онъ любитъ рѣзкіе эффекты, фантастическія приключенія, загадочныя интриги, фавулы, напоминающія сказки; онъ рисуетъ сцены поруганія монахинь въ кельяхъ монастыря, пробужденіе святыхъ чувствъ въ душѣ злодѣевъ, молодыхъ дѣвушекъ въ роли атамановъ разбойничьихъ шаекъ. И самый стихъ испанской драмы — обрывистый, короткій и быстрый, подобенъ тонкимъ стрѣльчатымъ столбикамъ въ готическихъ соборахъ, какъ будто стремящихся къ небу, — въ противоположность плавному, будто широко разстилающемуся античному ямбу, который своей торжественной гармоніей напоминаетъ очертанія древняго храма.

II.

Греческая трагедія вышла изъ обрядовъ, которые совершались на празднествахъ бога Діониса. Впослѣдствіи, въ развитомъ и законченномъ видѣ, она все еще сохраняетъ

слѣды религіознаго происхожденія. Трагедія основана на величайшей мистической идеѣ, какая только была въ языческомъ многобожіи, — на идеѣ Рока, Справедливости, заложеной въ основу міра, карающей преступленія не только людей, но и боговъ. Такимъ образомъ театральное зрѣлище древнихъ — родъ священнаго обряда, богослуженія, литургии язычниковъ во славу управляющей мірами Судьбы — этого безначальнаго и непознаваемаго Существа, тройственной *Мойры*, образа, въ которомъ свѣтлое множество олимпійскихъ боговъ исчезаетъ и разрѣшается въ божественномъ Единствѣ.

Такъ же какъ древняя трагедія связана посредствомъ праздниковъ Діониса съ религіознымъ культомъ, испанская драма связана посредствомъ средневѣковыхъ *мистерій* съ культомъ католической религіи. Шекспиръ порвалъ эту связь. Въ его драмѣ — полная философская свобода, нѣтъ и слѣда религіознаго происхожденія. Кальдеронъ — глубочайшій мистикъ, но отнюдь не философъ.

Символы — это философскій и художественный языкъ католицизма. Таинства религіи открываются вѣрующимъ въ символахъ. Изъ нихъ состоитъ богослуженіе, они украшаютъ церковь и служатъ матеріаломъ для религіознаго искусства. Мистерія Кальдерона, которая еще не вполне отдѣлилась отъ религіи, заимствуетъ у католицизма символическій языкъ, подобно тому, какъ греческая трагедія заимствовала отъ культа многобожія языкъ мифологическихъ образовъ.

Свѣтъ челоуѣческой мысли, вѣчные вопросы о жизни и смерти проникаютъ и въ драму Кальдерона, но только пройдя сквозь католическіе догматы, подобно тому, какъ лучи солнца проникаютъ въ готическую церковь сквозь разноцвѣтныя стекла оконъ, окрашиваясь въ яркіе цвѣта.

Занавѣсъ поднимается. Передъ нами — горная, дикая мѣстность; вдали — *Крестъ*. Какъ символъ будущей мистеріи, Крестъ царитъ надъ мрачнымъ пейзажемъ, среди пустынныхъ тумановъ и сосенъ, надъ бездною. За сценой слышны ругательства и громкій разговоръ шута-крестьянина,

Жила, и его подруги, Менги. Осель свалился въ ровъ; они не могутъ его вытащить. Но юморъ, какъ блескъ солнца сквозь грозовую тучу, мелькнулъ и потухъ: тѣнь становится еще мрачнѣе. Входятъ *Лизардо* и *Езэбіо*. Лизардо: «Остановимся. Это мѣсто, уединенное и далекое отъ дороги, удобно для меня. Вынимай шпагу, Езэбіо! Я привелъ тебя сюда, чтобы драться!» Езэбіо спокойно спрашиваетъ о причинѣ. «Я — Лизардо дэ-Сена, сынъ Лизардо дэ-Курціо... Юлія — моя сестра... Благосклонности женщинъ такого происхожденія, какъ она, не принято добиваться посредствомъ любопытныхъ записочекъ, сладкихъ комплиментовъ и тайныхъ посланій... Мы бѣдны. А вы знаете, что если рыцарь не можетъ дать за своей дочерью приданого, приличнаго ея знатности, — скорѣе онъ заключить ее въ монастырь, чѣмъ согласится на неравное супружество. Такъ и рѣшилъ мой отецъ: завтра Юлія, во что бы то ни стало, добровольно или насильно, сдѣлается монахиней... Не слѣдуетъ, чтобы монахиня сохраняла залогъ такой безразсудочной любви, такой постыдной слабости. Вотъ почему я возвращаю вамъ эти письма съ твердой рѣшимостью отдѣлаться не только отъ нихъ, но и отъ того, кто ихъ писалъ. Итакъ, вынимайте вашу шпагу и пусть на этомъ мѣстѣ кто-нибудь изъ насъ обоихъ падетъ мертвымъ: или вы, чтобы прекратить преслѣдованія, или я, чтобы не быть ихъ свидѣтелемъ». Езэбіо отвѣчаетъ ему цѣлой исповѣдью, разсказомъ о своей жизни. Онъ не знаетъ, кто былъ его отецъ: онъ родился въ пустынѣ, у подножія Креста. Его колыбелью былъ камень. Пастухи нашли младенца и отнесли въ деревню, гдѣ синьоръ Езэбіо, владѣтель замка, принялъ его и воспиталъ, какъ родного сына. «Мое рожденіе чудесно, — говоритъ Езэбіо, — такова и судьба моя: въ одно и то же время она — и враждебна, и благосклонна. Когда я былъ груднымъ ребенкомъ, мой суровый и дикій нравъ уже успѣлъ обнаружиться. Однѣми деснами я разрывалъ грудь женщины, кормившей меня. Однажды, обезумѣвъ отъ гнѣва, доведенная до отчаянія болью, она тайно отъ всѣхъ бросила меня въ колодець. Но услышали мой крикъ, спустились и увидѣли меня — какъ рассказываютъ — не-

вредимымъ, плавающимъ на водѣ, съ младенческими руками, сложенными *крестъ-накрестъ*». Далѣе слѣдуетъ рядъ наивныхъ чудесъ въ средневѣковомъ духѣ, въ которыхъ *Крестъ*, какъ знаменіе таинственной благодати, охраняющей этого человѣка, играетъ символическую роль: въ огнѣ пожара Езэбіо не горитъ, потому что пожаръ случился въ день Воздвиженія Креста. Въ водѣ, во время бури и кораблекрушенія, Езэбіо не тонетъ, потому что онъ ухватился за обломокъ корабля, имѣвшій форму креста. «Знакъ креста отпечатлѣнъ на моей груди, — заключаетъ онъ, — такъ какъ небо предназначило меня обнаружить дѣйствіе какой-то загадочной силы. Но, хотя я *самого себя не знаю*, такое мужество меня одушевляетъ, такой огонь и сила наполняютъ мое сердце, что я сдѣлаюсь достойнымъ Юліи, потому что, надѣюсь, пріобрѣтенное благородство не меньше знатности предковъ! Вотъ кто я. И хотя я могъ бы дать вамъ полное удовлетвореніе, но я такъ оскорбленъ вашими словами, что не хочу ни оправдываться, ни слушать вашихъ жалобъ. Вы не желаете, чтобы я былъ мужемъ вашей сестры, знайте же: ни отчій домъ, ни монастырь не спасутъ ея отъ моихъ преслѣдованій, и ту, которую вы не удостоили дать мнѣ въ супруги, я сдѣлаю все-таки моею!...»

— «Езэбіо, когда должна говорить шпага, — возражаетъ Лизардо, — языкъ молчитъ». Они дерутся. Лизардо падаетъ. «Я раненъ!» — «Какъ, ты не умеръ?» — «Нѣтъ, и у меня еще довольно силы, чтобы... (онъ хочетъ встать и снова падаетъ). Увы, земля ускользаетъ изъ-подъ моихъ ногъ...» — «И ты сейчасъ умрешь!» — «Дай мнѣ покаяться передъ смертью!» — «Умри, негодяй!» — «Не убивай меня, я заклинаю тебя этимъ Крестомъ, на которомъ умеръ Спаситель!» — «Это слово тебя спасло. Встань! Когда я слышу имя Креста, гнѣвъ мой потухаетъ и руки падаютъ безъ силы. Встань!» Въ душѣ Езэбіо необузданныя страсти смѣняются благочестіемъ и рыцарское великодушіе таится въ глубинѣ этого неукротимаго сердца. Со словами утѣшенія онъ беретъ въ объятія умирающаго врага и несетъ въ сосѣднюю обитель отшельниковъ, чтобы онъ могъ покаяться передъ смертью.

Вторая сцена перваго дня происходит въ покояхъ Юліи, въ замкѣ Курціо, отца убитаго Лизардо. Юлія рассказываетъ своей служанкѣ Арминдѣ, что братъ ея, Лизардо, случайно нашель у нея въ шкатулкѣ любовныя письма Езэбіо и показалъ ихъ отцу. Въ это время тихонько, незамѣченный никѣмъ, въ комнату входитъ Езэбіо. Онъ не долго колеблется. «Когда она узнаетъ судьбу брата и почувствуетъ себя въ моей власти, она должна будетъ примириться съ неизбѣжнымъ». Онъ произноситъ имя Юліи.—«Кто это? Вы здѣсь?»—Онъ умоляетъ ее именемъ любви сейчасъ же покинуть домъ отца и бѣжать съ нимъ. Арминда предупреждаетъ, что въ комнату идетъ Курціо, отецъ Юліи. Та въ смущеніи прячетъ Езэбіо въ сосѣдній покой. Входитъ Курціо. Онъ объявляетъ, что все готово для поступленія дочери въ монастырь. «Вы имѣете право,—отвѣчаетъ Юлія отцу,—располагать моей жизнью, но не свободой». Тогда Курціо отвѣчаетъ ей оскорбленіемъ: онъ уже не сомнѣвается въ невѣрности своей жены. Юлія — не дочь его. Иначе она не могла бы «оскорблять отца, чье имя и слава блескомъ превосходятъ солнце!» Курціо, чтобы отомстить дочери, рассказываетъ подозрѣнія въ невѣрности ся матери. Нѣкогда гражданае дэ-Сена отправили его посланникомъ къ папѣ Урбану III. Во время его отсутствія жена, на которую «всѣ въ городѣ смотрѣли, какъ на святую», осталась дома. Вернувшись черезъ восемь мѣсяцевъ, мужъ нашель ее беременной. Несмотря на ея увѣренія, онъ имѣлъ основанія подозрѣвать. «Я не говорю,—продолжалъ Курціо,—что я былъ вполнѣ увѣренъ. Нѣтъ! Но человекъ знатной крови не долженъ ждать доказательства. Ему довольно одного подозрѣнія... О, неумолимая честь, о, жестокой законъ свѣта!.. Среди мрачныхъ мыслей я не могъ ни ѣсть, ни спать, все мнѣ сдѣлалось ненавистнымъ... И хотя часто въ моихъ думахъ я считалъ жену невинной и оправдывалъ ее, но одинъ страхъ подвергнуться позору былъ въ моей душѣ такъ силенъ, что я, наконецъ, рѣшилъ отомстить ей, не за ея вину, но за мои подозрѣнія!..»

Шумъ прерываетъ его. Входитъ Арминда и возвѣщаетъ горе. Лизардо, сынъ Курціо, убитъ въ поединкѣ. Крестьяне

съ Жилемъ во главѣ вносятъ окровавленный трупъ Лизардо на носилкахъ. Отецъ спрашиваетъ, кто убилъ его. Жиль произноситъ имя Езебіо. «Увы,—воскликаетъ Курціо,— такъ значить Езебіо въ одно и то же время отнялъ и жизнь мою, и честь мою! (*Къ Юліи*) «Теперь оправдывай свою любовь... Увѣрай, что она была невинной, когда кровь моя свидѣтельствуешь о позорѣ твоей любви!»—«Сеньоры!..»—Но отецъ прерываетъ ее: «Ты поступишь въ монастырь, или умрешь. Не пытайся бѣжать! Я прикажу запереть всѣ двери дома». Онъ уходитъ со слугами. Въ комнатѣ остается одна Юлія, между мертвымъ тѣломъ брата и его убійцею, своимъ возлюбленнымъ, который подходитъ къ ней. Но она отталкиваетъ его съ негодованіемъ. «Лучше бы мнѣ умереть!—говорить онъ,—потому что, пока я живъ, я буду васъ любить, и знайте, что если даже вы будете заключены въ ограду монастыря, и тамъ вы не спасетесь отъ моихъ преслѣдованій!»—«Берегитесь,—гордо отвѣчаетъ Юлія,—я сумѣю себя защитить!»—«Позвольте мнѣ вернуться къ вамъ?»—«Нѣтъ!»—«И нельзя ничего сдѣлать?»—«Не надѣйтесь!..»—«Вы меня ненавидите?..»—«Я должна бы...»—«Вы обо мнѣ забудете?..»—«Не знаю.»—«Но я увижу васъ снова?..»—«Никогда.»—«Какъ? Для васъ—ничто вся наша прошлая любовь?»—«А для васъ—ничто эта кровь, пролитая вами?.. Но сюда идутъ. Сейчасъ откроютъ дверь... Бѣгите, бѣгите, Езебіо!»—«Я ухожу, чтобы исполнить вашу просьбу, но я вернусь.»—«Никогда! Никогда!»—Езебіо скрывается. Входятъ слуги и уносятъ тѣло Лизардо. На этомъ кончается первое дѣйствіе.

Второй день. Та же мѣстность, какъ и въ первой сценѣ перваго дня: въ горахъ надъ скалами крестъ. Раздается выстрѣлъ изъ пищали. Входятъ Рикардо, Челіо и Езебіо въ платьѣ разбойниковъ и вооруженные пищалями. Езебіо, думая, что они убили странника, велитъ похоронить его и поставить надъ нимъ Крестъ. Здѣсь, какъ и всюду, въ характерѣ Езебіо обнаруживается смѣсь религіознаго чувства и неукротимой страстности. Возмущеніемъ противъ несправедливости общества онъ напоминаетъ Карла Моора въ «Разбойникахъ» Шиллера: «я хочу, чтобы мои преступленія

сравнялись съ несправедливостями, которымъ я подвергся. Сograждане преслѣдуютъ меня съ ожесточеніемъ, какъ будто я измѣннически, а не въ честномъ поединкѣ убилъ Лизардо, и эти преслѣдованія вынуждаютъ меня убивать людей, защищая свою жизнь. У меня отняли имущество, меня прогнали изъ моихъ замковъ, мнѣ отказываютъ даже въ необходимомъ!.. Зато всякій, кого я ни встрѣчу въ этихъ горахъ, будетъ убитъ и ограбленъ!» Между тѣмъ возвращается Рикардо, и разбойники приводятъ стараго монаха, Альберто. Рассказываютъ новое чудо Креста. Пуля не ранила монаха, хотя попала прямо въ грудь: свинецъ былъ остановленъ переплетомъ книги, спрятанной на груди Альберто. Эта книга, написанная самимъ монахомъ, озаглавлена «Чудеса Крестнаго Знаменія». Езэбіо отпускаетъ его съ благоговѣніемъ и проситъ: «я вижу, что вы желаете мнѣ добра. Помолитесь же Богу, чтобы Онъ не далъ мнѣ умереть безъ покаянія». Монахъ торжественно клянется разбойнику: «гдѣ бы я ни былъ, но какъ только ты меня позовешь, я оставлю все и приду, чтобы тебя исповѣдать». Въ это время другой разбойникъ, Чилиндрина, приноситъ вѣсть, что граждане дали Курціо, отцу Лизардо, военный отрядъ съ тѣмъ, чтобы онъ захватилъ Езэбіо живымъ или мертвымъ. Юлія заключена въ монастырь.

Входитъ Курціо. Онъ замѣчаетъ, что дикое, горное мѣсто, въ которомъ находится,—то самое, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ хотѣлъ убить свою жену изъ ревности. «Мнѣ кажется, что здѣсь вокругъ меня все—и деревья, и скалы, и цвѣты возстаютъ на меня и укоряютъ за низкое дѣло!... Я вынулъ шпагу...» Розмира упала на колѣни и призывала Крестъ въ свидѣтели своей правоты—и «невинность сіяла на ея лицѣ». Онъ поднялъ руку, чтобы ударить. Но благодать Креста защитила невинную. Курціо шпагой поразилъ воздухъ и не могъ коснуться Розмиры. Въ отчаяніи онъ бѣжалъ, покинувъ жену, полумертвую отъ ужаса. Но вернувшись домой, онъ нашелъ ее цвѣтущей и радостной, съ младенцемъ на рукахъ. Это была Юлія. Ребенокъ имѣлъ на груди знакъ, подобный знаменью крестному изъ огня и крови. Мать смутно припоминала, что у подножія Креста

родила другого ребенка, близнеца Юлія, который остался въ горахъ... Здѣсь опять, во второй разъ, воспоминанія Курціо прерываетъ одинъ изъ предводителей отряда, Октавіо, извѣстїемъ, что разбойники недалеко. «Собери же людей,—приказываетъ Курціо,—и выступимъ противъ нихъ. Я не успокоюсь, пока не отомщу!»

Сцена переносится въ мѣстность передъ оградой монастыря. Ночь. Езэбіо взбирается на стѣну по висячей лѣстницѣ, которую держатъ Рикардо и Челіо. Вдругъ его ослѣпляетъ сверхъестественное пламя. «Я пройду черезъ этотъ огонь,—воскликаетъ онъ,—и весь огонь ада меня не остановитъ!»

Слѣдующая сцена въ коридорѣ монастыря. Въ ночномъ мракѣ виднѣется рядъ келій. Езэбіо ищетъ Юлію: «какое безмолвіе, какой мракъ, какой ужасъ!.. Но я замѣчаю свѣтъ лампы въ сосѣдней кельѣ, и, если не ошибаюсь, эта монахиня—Юлія!... (Онъ отдергиваетъ занавѣсъ—въ глубинѣ видна спящая Юлія). Но что со мной?.. Отчего я медлю заговорить съ ней?.. Какая сила заставляетъ меня колебаться, между тѣмъ какъ другая неудержимо влечетъ къ ней?.. О, какъ она прекрасна въ этой смиренной одеждѣ!.. быть-можетъ, потому, что у женщины вся красота въ цѣломудріи?..» Наконецъ Юлія просыпается и въ ужасѣ отталкиваетъ его. Именемъ Бога закликаетъ она не осквернять святой обители кощунственными словами любви. Тогда Езэбіо въ отчаяніи грозитъ ей: «твое сопротивленіе меня только воспламеняетъ. Если я пришелъ сюда, проникъ черезъ стѣны и, наконецъ, отыскалъ тебя,—знай, что не одна любовь привела меня, но еще какая-то сила невѣдомая, таинственная, которой я не могъ не послушаться. Услышь мои мольбы, смилуйся надо мной, иначе я скажу всѣмъ, что ты сама впустила меня и уже нѣсколько дней скрывала въ своей кельѣ, а такъ какъ мое горе доводитъ меня до отчаянія, я способенъ, Юлія!..»—«Остановись, Езэбіо... Подумай... Увы! я слышу шумъ. Идутъ въ часовню... Что дѣлать?.. Я вся дрожу... Насъ увидятъ... Вотъ пустая келья. Войдемъ туда, Езэбіо!»—Езэбіо (про себя): «о, любовь моя, ты побѣдила!»—Юлія (про себя): «о, судьба моя, я погибла!»—Они оба уходятъ.

Четвертая сцена опять передъ оградой монастыря. Рикардо и Челіо поджидаютъ атамана. Наконецъ въ галлерей надъ стѣнами обители появляются Юлія и Езэбіо. Она старается удержать его, но онъ бѣжитъ, преслѣдуемый мистическимъ ужасомъ. Она уступила его мольбамъ, готова была отдаться ему, какъ вдругъ онъ увидѣлъ на ея груди знакъ, похожій на крестъ изъ огня и крови. Онъ спускается по лѣстницѣ. Ему кажется, что все небо наполнено багровымъ пламенемъ и молніями. Онъ падаетъ, но призываетъ на помощь Крестъ, произноситъ *Ave Maria* и убѣгаетъ съ Рикардо и Челіо, забывъ лѣстницу у монастырской ограды. Юлія въ отчаяніи. «Когда Езэбіо умолялъ со слезами о любви, я не слушала его; а теперь, когда онъ покинулъ меня, я сама готова бѣжать за нимъ!..» Она видитъ лѣстницу. Сначала колеблется, потомъ страсть превозмогаетъ. Она спускается съ ограды и чувствуетъ ужасъ: «я—падшій ангелъ, нѣтъ больше надежды вернуться на небо. Но я не чувствую раскаянія!.. Вотъ я покинула святую обитель, и ночное безмолвіе и мракъ наполняютъ душу мою смятеніемъ и ужасомъ... Что дѣлать, куда итти?.. Только что я была безтрепетной, полная отваги, а теперь!.. Ноги мои какъ будто окованы, страшная тяжесть давитъ, и кровь стынетъ въ жилахъ... Нѣтъ, не пойду дальше, вернусь въ монастырь. Я во всемъ признаюсь, вымолю прощеніе у Господа... О, да, я заслужу прощеніе, потому что милосердіе Божіе безпредѣльно. Чьи-то шаги... Спрячусь, а потомъ, когда уйдутъ, вернусь въ обитель—и никто не увидитъ». Входятъ Рикардо и Челіо: они берутъ забытую лѣстницу и уносятъ съ собою. Юлія: «теперь, когда они ушли, я вернусь, никѣмъ не замѣченная... Но гдѣ же лѣстница?.. Ея нѣтъ!.. Можетъ-быть, дальше... И здѣсь нѣтъ! Господи!.. Что мнѣ дѣлать?.. Но я понимаю Тебя, Всемогущій!.. Ты закрываешь мнѣ всѣ пути и въ то самое мгновеніе, когда полная раскаяніемъ я хотѣла вернуться, Ты дѣлаешь мнѣ возвращеніе невозможнымъ. О, если такъ, если Ты покинулъ, если Ты отвергаешь меня, я гордо принимаю судьбу мою, и Ты увидишь, что отчаяніе женщины наполнитъ міръ удивленіемъ и ужасомъ!»

Третій и послѣдній день. Дикое мѣсто въ горахъ. Езэбіо входитъ, погруженный въ воспоминанія о Юліи: «причина моихъ поступковъ не во мнѣ самомъ, но въ могуществѣ вышемъ, которому я повинуюсь. Юлія, я жаждалъ тебя съ невыразимой страстью, я нашель бы въ тебѣ блаженство; но я увидѣлъ на твоей груди тотъ же знакъ Креста, какъ на моей, и съ благоговѣніемъ отступилъ. О, Юлія, если мы оба родились отмѣченные Крестомъ, должно-быть, въ этомъ есть какая-то непостижимая тайна, доступная одному Богу!» Разбойники приводятъ къ нему неизвѣстнаго человѣка въ черной маскѣ, въ плащѣ и со шпагой. Незнакомецъ не хочетъ сказать своего имени. Оставшись наединѣ, онъ вызываетъ Езэбіо на поединокъ и нападетъ на него съ обнаженной шпагой. Езэбіо защищается и требуетъ, чтобы по законамъ чести противникъ открылъ лицо. Когда тотъ снимаетъ маску, Езэбіо узнаетъ Юлію: «смотри—вотъ что сдѣлала со мною моя любовь и твое презрѣніе. Для того, чтобы ты зналъ, что ничто не можетъ остановить женщину, когда гордость ея оскорблена,—слушай: не только я не раскаиваюсь въ моихъ грѣхахъ, но готова на новые».

Другая часть горной мѣстности. Шумъ сраженія и крики. Юлія видитъ, что отрядъ Курціо побѣждаетъ, разбойники бѣгутъ и Езэбіо въ опасности: «я иду къ нему, я остановлю бѣглецовъ и возвращу ихъ въ битву на помощь Езэбіо». И она бросается въ сраженіе. На сцену входятъ Езэбіо и Курціо съ обнаженными шпагами, сражаясь; но оба чувствуютъ, что какая-то невѣдомая сила останавливаетъ ихъ. Въ сердцѣ нѣтъ вражды другъ противъ друга. Езэбіо первый произноситъ слова мира, онъ готовъ упасть къ ногамъ старика, чтобы молить о прощеніи. Курціо хочетъ спрятать своего врага и спасти отъ нападающихъ. Но поздно—они требуютъ смерти Езэбіо. Тотъ сражается одинъ противъ всего отряда и отступаетъ, преслѣдуемый врагами.

Послѣдняя сцена драмы происходитъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и первая перваго дня. Входитъ Езэбіо, тяжело раненый, и падаетъ на землю. Онъ видитъ Крестъ и, чувствуя приближеніе смерти, обращается къ нему съ послѣд-

ней молитвой: «я—бѣдный грѣшникъ, требую Твоей защиты, какъ справедливаго, потому что Господь для того и умеръ на святомъ деревѣ Креста, чтобы спасти грѣшниковъ. Я—одинъ изъ нихъ, и Ты долженъ меня защитить! О, Святой Крестъ, которому я всю жизнь поклонялся съ такимъ благоговѣніемъ, не дай мнѣ, умоляю Тебя, умереть безъ покаянія!.. Я вѣрю—меня должна спасти сила искупленія, заключенная въ Тебѣ»... Входитъ Курціо. Онъ съ нѣжностью наклоняется надъ тѣмъ, кто былъ его врагомъ и кто связанъ съ нимъ теперь таинственной любовью. Онъ хочетъ ошупать его рану и вдругъ замѣчаетъ на груди напечатлѣнный знакъ Креста—такой же, какъ у Юліи. Езебіо открываетъ ему, что не знаетъ, кто былъ его отцомъ, что онъ родился на этомъ самомъ мѣстѣ, у подножія Креста, и отъ рожденія носить на груди это знаменіе. Тогда Курціо узнаетъ, наконецъ, своего сына. «И здѣсь я долженъ былъ испытать счастье, равное моему горю. О, сынъ мой, какое блаженство и какая скорбь тебя видѣть!.. Здѣсь твоя мать родила тебя. *Богъ наказываетъ меня на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я согрѣшилъ.* Езебіо передъ смертью, въ послѣдній разъ призываетъ Альберто и на рукахъ отца умираетъ. Входятъ поселяне и солдаты изъ отряда Курціо. Несмотря на сопротивленіе отца, они лишаютъ Езебіо христіанскаго погребенія и хоронятъ трупъ въ чащѣ лѣса подъ густыми вѣтвями и грудой сухихъ листьевъ. Потомъ всѣ удаляются, оставивъ одного Жилия на-стражѣ. Въ это время входитъ монахъ Альберто, который на возвратномъ пути изъ Рима заблудился ночью въ горахъ. Изъ глубины лѣса, во мракѣ, онъ слышитъ чей-то жалобный голосъ: «Альберто!» Монахъ прислушивается. Голосъ снова повторяетъ: «Альберто!»—«Мнѣ кажется, что я приближаюсь къ нему. О, голосъ повторяющій мое имя такъ упорно,—кто ты?»—«Я—Езебіо. Подойди, Альберто, сюда, поближе, гдѣ я погребенъ и подыми эти вѣтви. Не бойся».—Альберто исполняетъ его просьбу и, на мгновеніе воскресшій, Езебіо рассказываетъ, что сила благодати и прощенія такъ велика, что она побѣдила смерть: онъ воскресъ, чтобы не предстать предъ лицо Бо-

жіе безъ покаянія. Езебіо уходитъ за Альберто для исповѣди въ грѣхахъ, «которые болѣе многочисленны, чѣмъ морской песокъ и атомы солнца». Появляется Юлія во главѣ разбойниковъ и съ другой стороны Курціо: дочь и отецъ готовы вступить въ сраженіе, но Жиль рассказываетъ имъ о чудѣ. Всѣ въ ужасѣ и благоговѣннн смотрятъ, какъ за сценой воскресшій мертвецъ, колѣнопреклоненный, исповѣдуется монаху. Кончивъ исповѣдь, онъ падаетъ снова мертвымъ на землю. Юлія, услыжавъ, что Курціо называетъ Езебіо сыномъ, восклицаетъ: «да поможетъ мнѣ Господь! Что я слышу?.. Я—невѣста Езебіо, я была его сестрой!.. Такъ пусть же узнаетъ отецъ, пусть узнаютъ всѣ, кто меня слушаетъ, пусть весь міръ узнаетъ: смотрите, передъ вами Юлія, преступная Юлія!.. Мой грѣхъ былъ всенароднымъ и покаяніе мое пусть будетъ всенароднымъ; съ глубокимъ смиреніемъ я непрестанно буду молить о прощеніи людей и Господа!»—*Курціо*: «о преступная! Я убью тебя моими собственными руками!»—*Юлія*: «защити меня, Божественный Крестъ!»

Въ то самое мгновеніе, когда Курціо бросается, чтобы ударить шпагой Юлію, она, припавъ къ подножію Креста, вдругъ исчезаетъ. Этимъ кончается драма.

III.

«L'amor che muove il sole e l'altre stelle»—«любовь, движущая солнцемъ и другими звѣздами», послѣдній стихъ «Божественной Комедіи»—выражаетъ основу произведенія Кальдерона. Сущность драмы—великая нравственно-религіозная идея.

У одного древняго учителя христіанской церкви, Ефраима Сирійскаго, есть глубокое психологическое наблюденіе: *«мы всѣ измѣнчивы по своей волѣ, но не по своей природѣ»*. Природа человѣка двойственна: воля его не можетъ остановиться ни на чемъ, не можетъ отдаться всецѣло ни пороку, ни добродѣтели, ни полной свободѣ, ни полному самоотреченію, ни счастьемъ земному, ни счастьемъ небесному. Она жаждетъ успокоенія и вѣчно колеблется, потому что мы—дѣти двухъ міровъ.

Езэбіо, Юлія—близнецы не только по рожденію, но и по характеру. Трагедія ихъ жизни была рѣшена еще въ то мгновеніе, когда отецъ изъ ревности, т.-е. отъ недостатка вѣры и любви, хотѣлъ убить ихъ мать. Они родились между порокомъ и добродѣтелью—между рукою убійцы и символомъ искупленія, Крестомъ. Такова и жизнь ихъ. Они не могутъ отдаться ни плоти, ни духу, ни демону, ни Богу. Ихъ воля мечется между покаяніемъ и возмущеніемъ. Они думаютъ, что сейчасъ коснутся дна бездны, что больше падать некуда, что нѣтъ возврата. Но тотчасъ же овладѣваетъ ими другая стихія и выноситъ изъ глубины на поверхность. Когда еще сердце ихъ не перестало биться отъ возмущенія, грѣха и страсти, они уже плачутъ слезами молитвы и покаянія.

Кромѣ человѣческой воли, дѣйствіемъ драмы управляетъ другая высшая сила. Эта сила—«любовь, которая движетъ солнцемъ и другими звѣздами». Сила любви вызываетъ Езэбіо изъ бездны смерти, чтобы онъ могъ покаяться. Одна мысль о Богѣ спасаетъ преступницу Юлію, которую отецъ хотѣлъ убить собственными руками. Рокъ, идея возмездія и справедливости, управляющей міромъ,—основа древнегреческой трагедіи. Богъ, идея любви, движущей солнцемъ и другими свѣтилами,—основа мистеріи христіанскаго поэта.

Честный нѣмецкій протестантъ и гуманный эстетикъ, Морицъ Каррьеръ, искренно возмущается чувственнымъ католицизмомъ Кальдерона. Вотъ что онъ говоритъ о «Поклоненіи Кресту»: «Это произведеніе оскорбляетъ и нравственное чувство, и мыслящее самосознаніе, мѣшая символъ съ понятіемъ, отрывая религію отъ морали, такъ что первая становится одною привязанностью къ церковнымъ обрядамъ и поклоненіемъ только фигурѣ Креста, то-есть чистымъ фетишизмомъ, откуда выходитъ то отвратительно-гнусное ученіе, что человѣкъ властенъ творить ужаснѣйшія злодѣйства, лишь бы онъ уважалъ разъ освященныя внѣшности. Благоговѣйное поклоненіе Кресту не мѣшаетъ Езэбіо быть убійцею, разбойникомъ и растлителемъ, но онъ

ставить кресты на могилахъ своихъ жертвъ, и вотъ крестообразно сложенное дерево выручаетъ его изъ бѣды при кораблекрушеніи... Конечно, всѣ ужасы изувѣрства,—восклицаетъ умѣренный протестантъ,—французская Варѣоломеевская ночь и костры испанской инквизиціи заключены въ этой пьесѣ... Не высокій образецъ Иисуса, а лишь фигура Креста служить предметомъ тщетнаго поклоненія. Мѣсто вѣры, приносящей плодъ добрыхъ дѣлъ, заступаетъ безумное и бездушное суевѣріе, обильно порождающее плевелы преступленія» («Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры»).

Въ этихъ словахъ заключено нѣсколько общепризнанныхъ истинъ, въ которыхъ странно было бы сомнѣваться. Конечно, Богу надо поклоняться въ духѣ и правдѣ, а не во внѣшнихъ обрядахъ; конечно, обоготвореніе самого дерева креста, какъ орудія спасенія,—грубый фетишизмъ.

Но, если мы полемизируемъ съ монахомъ Кальдерономъ, не слѣдуетъ забывать, что прахъ его давно истлѣлъ въ могилѣ и что—по выраженію Софокла—«мало чести убивать мертваго». Живъ только поэтъ Кальдеронъ, который написалъ мистерію «Жизнь—сонъ». Для Сигизмунда, героя мистеріи, вселенная, равно какъ и для насъ,—только сновидѣніе, только миражъ, за которымъ скрывается тайна.

Душа драмы «Поклоненіе Кресту»—та идея, которая составляетъ одно изъ основаній христіанскаго ученія. Если нѣтъ вѣры въ Бога, если нѣтъ любви къ Нему—нѣтъ добра и зла. Внѣшнія добродѣтели, подвиги не спасутъ того, кто сердцемъ далекъ отъ Бога. «Если я предамъ и тѣло мое на сожженіе, но любви не буду имѣть, я—ничто». Первая верховная заповѣдь, которую Христосъ даетъ людямъ и на которой основано все его ученіе: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею, всѣмъ разумніемъ твоимъ». И уже изъ вѣры, изъ любви къ Богу, вытекаетъ вторая, подчиненная, человѣческая и земная заповѣдь: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя». Добрыя дѣла—только воплощеніе нашей любви къ Богу. Любовь оmyваетъ всѣ грѣхи, примиряетъ всѣ противорѣчія,

любовь оправдываетъ. Вотъ почему сила покаянія—безпредѣльна. Нѣтъ такой глубины паденія, изъ которой вопль грѣшника: «Господи, помилуй меня!» не могъ бы спасти и вознести его къ Богу. Евангельскій разсказъ о разбойникѣ, который покаялся на крестѣ и былъ спасенъ однимъ мгновениемъ вѣры, оправдываетъ Кальдерона. Вдохновеніе его драмы сосредоточено на той сценѣ, гдѣ умирающій разбойникъ Езебіо обращается съ почти требовательной молитвой къ Богу: «*Ты долженъ спасти меня!*»

Моралисты всѣхъ временъ угадывали опасность, заключенную въ ученіи о безпредѣльной силѣ покаянія и любви. Слабые могутъ соблазниться этимъ ученіемъ. Но Кальдеронъ не принадлежалъ къ числу робкихъ и слабыхъ. Онъ проникъ въ глубину христіанской любви, показалъ условность добра и зла, преступленія и подвига, передъ ея силой. Добро и зло для него—только знаменія, только обряды любви. Умѣреннымъ, разсудительнымъ и трезвымъ людямъ, какъ Морицъ Каррьеръ, это кажется дерзостью и возмущеніемъ противъ здоровой морали. Осторожный эстетикъ и благочестивый протестантъ ужасается передъ бездной Божьяго милосердія, куда увлекаетъ его поэтъ, и робкій доктринеръ закрываетъ глаза, стараясь слабыми руками удержаться за чловѣческія помочи, за наши земныя цѣпи, за эти перегородки, отдѣляющія стойло овецъ отъ козлищъ,—за добро и зло.

Съ совершенно другой точки зрѣнія, но не менѣе строго осуждалъ христіанскаго мистика «великій язычникъ»—Гете. «Шекспиръ,—говоритъ Гете,—подноситъ намъ полныя спѣлыя гроздья винограда прямо съ лозы; мы можемъ лакомиться имъ по ягодкѣ, можемъ его выжать въ давилномъ чанѣ, отвѣдывать или пить его въ видѣ винограднаго сока или въ видѣ перебродившаго вина: онъ во всякомъ случаѣ отраднo освѣжитъ насъ. У Кальдерона, напротивъ, зрителю, его выбору и волѣ, не предоставлено уже ровно ничего: ему даютъ выдѣленный, перегнаный винный спиртъ, только приправленный спеціями и подслащенный; надо выпить его какъ онъ есть, какъ вкусное, раздражительное средство, или же совсѣмъ отъ него отказаться».

Въ этомъ отзывѣ Гете всецѣло принадлежитъ XVIII вѣку. Въ немъ чувствуется еще непримиренный, воинствующій гуманизмъ. Для Гете ненавистенъ этотъ средневѣковый монахъ съ его рабскимъ подчиненіемъ католическимъ догматамъ, наивными суевѣріями, съ его огненнымъ и мрачнымъ мистицизмомъ. Предвзятое мнѣніе заставило его принять благородное, старое испанское вино за что-то горькое или кислое, въ родѣ виннаго уксуса. Однажды, во время своего перваго путешествія по Италіи, Гете проѣзжалъ Ассизи, городокъ Умбріи, родину св. Франциска. Онъ долго стоялъ со злезами умиленія на глазахъ передъ колоннами полуразрушеннаго храма Минервы и прошелъ мимо Францисканскаго монастыря въ Ассизи—этой сокровищницы средневѣковаго искусства, не только равнодушно, но съ ненавистью къ памятнику религіозныхъ суевѣрій и человѣческаго рабства. Около ста лѣтъ послѣ Гете, черезъ Ассизи проѣзжалъ человѣкъ современный—Ипполитъ Тэнъ. Воинствующій гуманизмъ не помѣшалъ уже ему зайти въ монастырь св. Франциска и, не отрекаясь отъ свободомыслія, онъ могъ любоваться на древнихъ стѣнахъ обители фресками Джіотто и Чимабуэ. Нашъ гуманизмъ многимъ отличается отъ гуманизма XVIII вѣка. Мы также свободны отъ средневѣковыхъ догматовъ, какъ Вольтеръ и Гете, но все-таки можемъ находить, что Францискъ Ассизскій столь же близокъ божественному началу міра въ своей простотѣ, любви и смиреніи, какъ поэтъ-Олимпіецъ. Мы уже безъ страха, только съ любопытствомъ, изучаемъ нашу старую темницу, потому что вполнѣ увѣрены, что не вернемся въ нее никогда. Средневѣковый католицизмъ для насъ мертвый врагъ, и мы перестали даже ненавидѣть его. Мы смѣло можемъ снять съ него доспѣхи, чтобы любоваться красотой и художественной отдѣлкой страшнаго тысячелѣтняго вооруженія, облитаго кровью столькихъ жертвъ. То, надъ чѣмъ Вольтеръ злобно смѣется, Ренанъ спокойно объясняетъ и, объяснивъ, начинаетъ любить и находить, что подъ омертвѣвшей легендарной оболочкой таится вѣчно живое нравственное содержаніе.

При всѣхъ слабостяхъ, при всемъ недостаткѣ идеализма и творчества, людямъ XIX вѣка принадлежитъ оригинальное свойство, одна великая способность, которая возвышаетъ ихъ въ извѣстномъ отношеніи надъ всѣми вѣками. Сквозь самые чуждые и непонятные догматы, сквозь призму мертвыхъ религіозныхъ формъ, они умѣютъ находить вѣчно живую красоту человѣческаго духа. Съ этой точки зрѣнія—всѣ религіи, вся поэзія, все искусство народовъ является только рядомъ символовъ.

Но пусть самъ Кальдеронъ оправдаетъ себя и предъ трезвой моралью Каррьера, и предъ воинствующимъ гуманизмомъ Гете:

«Богъ—духъ, источникъ жизни и мудрости, создатель всего, властвуетъ надъ природой. Чтѣ въ святыхъ ночи таинственнаго творчества ни вызываетъ она въ своихъ грезахъ къ цвѣтенію и гибели, сама себя не понимая,—все это дѣлаетъ она по волѣ вѣчнаго Его могущества. Открывая себя въ каждой человѣческой совѣсти живымъ закономъ, Богъ есть правосудіе и этой жизни, и будущей... Онъ самъ—вѣстникъ своего величія; всѣмъ громко заявляетъ Онъ бытіе свое, какъ единый Отецъ дѣтямъ. И слово Его—Богъ: тѣ пѣвучіе голоса, что несутся изъ лѣсу и изъ бездны моря,—отдались въ сердцѣ человѣка и внушили ему новый языкъ, какимъ открывается ему самъ Создатель. И что же въ самомъ дѣлѣ говоритъ въ немъ, когда онъ созидаетъ храмы, соединяя одинъ огромный камень съ другимъ; когда онъ измѣряетъ земли, моря, пути свѣтилъ небесныхъ; когда другой человѣческой образъ вѣетъ на него любовью и онъ стремится воплотить то, что всего прекраснѣе,—что жъ иное, какъ не Богъ! Источникъ всей человѣческой мудрости—Онъ одинъ; отъ Него одного рождается красота; Имъ однимъ согрѣваетъ вѣчность въ измѣнчивомъ».

Едва ли поэта, написавшаго эти слова, можно обвинять въ томъ, что онъ поклонялся дереву Креста, а не Любви, которой Крестъ служить для него только символомъ.

Сервантесъ.

I.

Каждому новому критику великихъ писателей прошлыхъ вѣковъ можетъ быть сдѣлано одно возраженіе по существу: доступенъ ли былъ тотъ порядокъ философскихъ идей и нравственныхъ понятій, на основаніи котораго судить современный критикъ, міросозерцанію поэтовъ болѣе или менѣе отдаленныхъ историческихъ эпохъ.

Возьмемъ для примѣра образъ Прометея въ знаменитой трагедіи Эсхила. Для насъ, людей XIX вѣка, образъ этотъ связанъ по неразрывной ассоціаціи съ идеей протеста свободной человѣческой личности противъ подавляющаго религіознаго авторитета. Но, спрашивается, доступна ли была подобная идея античному греку времени марафонской битвы? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, если мы заставимъ себя видѣть въ Прометеѣ только то, что могли видѣть въ немъ древніе греки,—если мы искусственно уменьшимъ этотъ образъ, выраставшій въ продолженіе многихъ столѣтій, то значительная доля прежней красоты и величіе типа исчезнетъ въ нашихъ глазахъ, и, строго соблюдая букву литературно-исторической, объективной вѣроятности, мы, можетъ-быть, принесемъ ей въ жертву внутренній смыслъ, живую душу произведенія. Если понимать доступность идеи, какъ возможность вполне ясно и сознательно формулировать ее въ опредѣленныхъ философскихъ терминахъ, то, конечно, современная идея протеста не могла быть доступна автору Прометея. Въ органическомъ, произволь

номъ процессъ творчества гений, помимо воли, *помимо сознания*, неожиданно для самого себя, приходитъ иногда къ такимъ комбинаціямъ чувствъ, образовъ и идей, глубину и значительность которыхъ дано оцѣнить только отдаленнымъ поколѣніямъ читателей. Въ этомъ смыслѣ поэтъ носитъ въ своей груди не только прошлое, но и неизвѣстное будущее всего человѣчества. Весьма вѣроятно, что черезъ нѣсколько столѣтій другія поколѣнія читателей найдутъ въ Эсхиловомъ Прометееѣ новое, еще недоступное намъ, философское содержаніе, и они будутъ правы съ своей точки зрѣнія. Безсмертные образы міровой поэзіи служатъ для человѣчества какъ бы просвѣтами, громадными окнами въ безконечное звѣздное небо: каждое поколѣніе подходитъ къ нимъ и, вглядываясь въ таинственный сумракъ, открываетъ новые міры, новыя отдаленнѣйшія созвѣздія, незамѣченныя прежде,—зародыши неиспытанныхъ ощущеній, несознанныхъ идей; эти звѣзды и раньше таились въ глубинѣ произведенія, но только теперь онѣ сдѣлались доступными глазамъ людей и засіяли вѣчнымъ свѣтомъ. Какъ бы ни были усовершенствованы способы изслѣдованія—анализъ, критика, вкусъ,—зсей глубины звѣзднаго неба исчерпать невозможно: будущее поколѣніе снова подойдетъ къ просвѣту и откроетъ въ гениальномъ произведеніи новыя міры, новыя созвѣздія.

Итакъ, въ спокойныя, чуждыя творческаго возбужденія минуты авторъ можетъ самъ не подозрѣвать глубины и величія своего произведенія, подобно тому,—если позволить себѣ это сравненіе,—какъ гениальный Колумбъ не подозрѣвалъ громадности открытаго имъ материка. Субъективная критика именно потому, что въ ней есть сочувственное волненіе, потому, что она отражаетъ живыя *впечатльнія* читателя, въ которыхъ всегда до нѣкоторой степени воспроизводится творческій процессъ самого автора, можетъ иногда открыть внутренній смыслъ произведенія лучше и вѣрнѣе, чѣмъ критика исключительно объективная, которая стремится только къ безстрастной исторической достовѣрности.

Какъ относился Сервантесъ къ своему роману? Можно сказать съ увѣренностью, что не сознавалъ его громаднаго значенія. Вотъ что говоритъ объ этомъ замѣчательный знатокъ испанской литературы Луи Виардо въ статьѣ, предпосланной французскому переводу «Донъ-Кихота»: «Стоитъ только обратить вниманіе на странныя небрежности, противорѣчія, ошибки, которыми кишитъ первая часть романа, чтобы найти въ этомъ явное доказательство, что авторъ началъ свое произведеніе въ минуту дурного расположенія духа, бутады, безъ опредѣленнаго плана, отдавая перо въ полную власть капризному воображенію, будучи романистомъ по природѣ, не приписывая никакой серьезной важности своей книгѣ, величія которой онъ, повидимому, не понималъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть поразительныя оплошности, которыя возможны только при самомъ пренебрежительномъ отношеніи къ собственному труду. Вотъ одна изъ нихъ: Сервантесъ подробно рассказываетъ, какъ освобожденный Донъ-Кихотомъ каторжникъ Гинесъ Пассамонъ ночью укралъ осла у Санчо-Панса, какъ послѣдній огорчился по этому поводу и оплакивалъ своего вѣрнаго спутника. Черезъ нѣсколько главъ оселъ снова появился, при чемъ авторъ не даетъ никакихъ объясненій: очевидно, онъ просто забылъ о кражѣ осла, описанной въ предшествующихъ главахъ. Такія небрежности попадаются нерѣдко и во второй части, которая въ общемъ написана болѣе тщательно. Сервантесъ заставляетъ самого Донъ-Кихота вступать въ полемику съ Авелланедой, авторомъ апокрифическаго продолженія «Донъ-Кихота». Въ качествѣ одного изъ доказательствъ, что противникъ его не имѣетъ понятія о содержаніи романа, Сервантесъ замѣчаетъ устами героя: Авелланеда «утверждаетъ, что имя жены оруженосца Санчо-Панса—Марія Гутьеррецъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ее зовутъ Терезой Пенса; тотъ, кто ошибается въ такой существенной подробности, не можетъ отвѣчать за правдивость всего разказа». Но дѣло въ томъ, что въ этой «существенной подробности» ошибается вовсе не Авелланеда, а самъ Мигуэль Сервантесъ: онъ забылъ, что въ первой части ро-

мана и даже въ VII гл. второй онъ назвалъ жену Санчо—Жуаной Гутьеррець. Оплошность мелкая, но чрезвычайно характерная, показывающая, какъ небрежно и невнимательно относился геніальный писатель къ своему лучшему труду. Такихъ наивныхъ несообразностей и непоследовательностей встрѣчается въ романѣ очень много, и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ небрежно, почти эскизно создавались, конечно, не основныя положенія, а второстепенныя детали великаго произведенія.

Въ предисловіи къ роману Сервантесъ называетъ исторію Донъ-Кихота—«легендой сухой, какъ тростникъ, бѣдной по замыслу и языку, лишенной остроумія и эрудиціи, безъ примѣчанія на поляхъ и комментаріевъ въ концѣ книги». Конечно, здѣсь есть нѣкоторое преувеличеніе, нѣкоторое «униженіе паче гордости», но все-таки нельзя не замѣтить по общему тону предисловія, что Сервантесъ, выпуская въ свѣтъ «Донъ-Кихота», гораздо больше опасался за него и меньше рассчитывалъ на успѣхъ, чѣмъ издавая другія сочиненія. Во второй части, въ то время, когда книга доставила уже автору громкую европейскую славу, Сервантесъ даетъ болѣе благопріятный отзывъ о своемъ произведеніи, но все-таки говоритъ такъ умѣренно и скромно, какъ будто удивляется, что его «сухая, бѣдная легенда» могла имѣть серьезный успѣхъ. Между прочимъ, устами одного ученаго гуманиста, Самсона Карраско, онъ не безъ нѣкотораго самодовольства замѣчаетъ, что книга его особенно распространена въ «прихожихъ знатныхъ лицъ», среди лакеевъ и пажей: «нѣтъ ни одной передней вельможи, гдѣ бы вы не нашли экземпляра «Донъ-Кихота»; одинъ оставляетъ, другой тотчасъ же принимается за него; этотъ требуетъ, тотъ уноситъ его съ собой». Сервантесъ съ трогательной наивностью, которая встрѣчается только у очень большихъ, бессознательно-геніальныхъ художниковъ, думаетъ, что онъ оцѣнилъ себя вполне справедливо, когда даетъ слѣдующій отзывъ о «Донъ-Кихотѣ»: «исторія эта—самое пріятное времяпрепровожденіе и наименѣе предосудительное изъ всѣхъ другихъ, такъ какъ во всей книгѣ нельзя найти ни одного

непристойнаго слова, ни одной мысли, которая не была бы вполне католической».

Авторъ до такой степени не понималъ глубины и значительности безсмертнаго романа, что ставилъ гораздо выше свои посредственные стихи (напр., юношескую поэму «Галатея») и еще болѣе посредственныя комедіи. Вотъ, между прочимъ, какъ узко и поверхностно опредѣляетъ онъ содержаніе «Донъ-Кихота», ограничивая его тенденціознымъ протестомъ противъ рыцарскихъ романовъ: «у меня не было иного желанія, какъ предать проклятію людей ложныя и нелѣпыя сказки о рыцаряхъ, которые, будучи поражены насмерть правдивой повѣстью о моемъ Донъ-Кихотѣ, могутъ теперь только кое-какъ, спотыкаясь, продолжать свой путь, а въ будущемъ, безъ всякаго сомнѣнія, падутъ окончательно». Вслѣдствіе подобныхъ признаній автора, распространился взглядъ на «Донъ-Кихота», какъ на остроумную сатиру, направленную противъ смѣшныхъ и вредныхъ сторонъ рыцарской литературы. Но что подобная разсудочная тенденція могла быть только второстепеннымъ, побочнымъ выводомъ, а никакъ не первоначальной, творческой идеей всего произведенія, доказывается слѣдующимъ фактомъ. Въ 1615 году были закончены обѣ части Донъ-Кихота, а ровно черезъ *два года*, въ 1617 году, появилось произведеніе Сервантеса—«Персилесъ и Сигизмунда», написанное въ неестественномъ и напыщенномъ стилѣ, тѣхъ самыхъ рыцарскихъ романовъ, возможность которыхъ была, повидимому, уничтожена «Донъ-Кихотомъ». Здѣсь нѣтъ и помина о какой бы то ни было насмѣшкѣ или пародіи, напротивъ—это искреннее восторженное подражаніе образцамъ нелѣпой литературы, послужившей причиной сумасшествія бѣднаго ламанчскаго гидальго. Сервантесъ почти стыдится геніальнаго «Донъ-Кихота», говоритъ о немъ скромно и робко, какъ о незначительномъ, шутовскомъ произведеніи,—и тотъ же самый Сервантесъ объявляетъ съ самодовольствіемъ и гордостью, какъ объ огромномъ литературномъ событіи, о выходѣ въ свѣтъ «Персилеса и Сигизмунды»—слабѣйшаго изъ его произведеній. Очевидно, что тенденція, которую

общепринятое мнѣніе считаетъ идейнымъ ядромъ «Донъ-Кихота», такъ поверхностна и недорога самому автору, такъ мало связана съ бессознательной глубиной его творческаго вдохновенія, что лѣвой рукой онъ безъ малѣйшаго колебанія возстановляетъ то, что старался разрушить правой. Очевидно, не сатира, не рыцарскіе романы, а нѣчто другое, чего самъ авторъ не сознаетъ и не видитъ, составляетъ источникъ смѣха и трагизма, проникающихъ его книгу

Иногда эта сознательная, внѣшняя тенденція, по своей ограниченности и даже безсердечію, діаметрально противоположна идеѣ, которая теплится внутри, въ тайникахъ произведенія. Не только въ испанской, но и во всемірной исторіи едва ли найдется явленіе, болѣе возмущающее душу, чѣмъ изгнаніе полутора милліона морисковъ—самаго лучшаго, трудолюбиваго населенія Испаніи, совершившееся по одному мановенію короля Филиппа III въ 1610 году. Сервантесъ прославляетъ фанатика-короля за проявленіе неслыханнаго деспотизма и эту грубую, недостойную лесть влагаетъ въ уста одной изъ жертвъ несправедливости, одного изъ изгнанниковъ — морисковъ. Сервантесъ называетъ это злодѣяніе «мудрой, великой политической мѣрой», «героической рѣшимостью короля», «удивительной предусмотрительностью». Авторъ, какъ плохой политикъ, старается оправдать деспотическую мѣру, а между тѣмъ бессознательный органическій процессъ творчества приводитъ его, какъ художника (въ тѣхъ главахъ, гдѣ описывается правленіе Санчо-Панса на островѣ Бараторія), къ сатирѣ на власть.

Есть идеи, образы, великіе для этой эпохи, когда они родились, но мало-по-малу теряющіе свою жизненность, подверженные дряхлости и умиранію; они засыпаются наслоеніями послѣдующихъ цивилизацій и исчезаютъ въ нихъ, какъ развалины древнихъ городовъ въ нѣдрахъ земли. Есть другіе образы, жизнь которыхъ связана съ жизнью всего человѣчества; они поднимаются и растутъ вмѣстѣ съ нимъ—это не мертвыя развалины, а вѣчно живыя деревья,

которыя растут вмѣстѣ съ уровнемъ земли. Прометей, Донъ-Жуанъ, Фаустъ, Гамлетъ — образы эти сдѣлались частью человѣческаго духа, съ нимъ они живутъ и умрутъ только съ нимъ. Донъ-Кихоть принадлежитъ къ такимъ спутникамъ человѣчества. Исчерпать его содержаніе невозможно, потому что онъ еще не законченъ, онъ еще развивается вмѣстѣ съ нами, и уловить его нельзя, какъ собственную тѣнь. Въ этомъ геніальномъ образѣ таится зародышъ единственно-возможнаго на землѣ безсмертія—безсмертія великой идеи.

Прежде чѣмъ перейти къ личности Донъ-Кихота и Санчо-Панса, я скажу нѣсколько словъ о художественныхъ пріемахъ Сервантеса. При изображеніи человѣческаго міра геніальный поэтъ обладаетъ всѣми красками—отъ яркихъ эффектовъ до самыхъ нѣжныхъ полутоновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ васъ поражаетъ въ книгѣ полное отсутствіе природы, картинъ окружающей мѣстности. На протяженіи всего романа найдется не больше трехъ или четырехъ описаній, при чемъ краски самыя умѣренныя, почти скудныя; повидимому, природа мало привлекаетъ автора. За очень рѣдкими исключеніями, онъ указываетъ на мѣсто дѣйствія съ краткостью драматурга, отмѣчающаго перемѣну декорацій двумя, тремя словами: «берегъ Эбро», «монтіелевская равнина», «ущелье въ горномъ хребтѣ Сіерра-Морена»—простое, точное опредѣленіе мѣстности, безъ всякихъ подробностей. Это отсутствіе пейзажа поражаетъ тѣмъ болѣе, что кисть Сервантеса далеко не чужда миниатюрной живописи. Напротивъ, все, что относится къ человѣческому міру—внутренность домовъ, особенно наружность дѣйствующихъ лицъ, костюмъ, пищу, онъ описываетъ съ самыми мелкими подробностями, какъ истинный колористъ, такъ что интимный, домашній бытъ Испаніи XVII вѣка воскресаетъ передъ нами съ изумительной полнотой и точностью. Сервантесъ не забываетъ сообщить намъ, какого цвѣта были занавѣски на окнахъ гостиницы, и какія именно фигуры были на нихъ изображены; онъ описываетъ наружность, покррой платья, качество матеріи, упряжь на конѣ случайнаго спутника,

который попался Донъ-Кихоту на большой дорогѣ. Онъ не пропустить ни одной детали въ той сценѣ, гдѣ Санчо въ обществѣ веселыхъ капуциновъ съ блаженствомъ прикладывается губами къ громадному мѣху съ виномъ, уплетаетъ ломти пшеничнаго хлѣба и козьего сыра, облизывая бумагу, въ которую они были завернуты. Длинная, костлявая фигура Донъ-Кихота, въ комическомъ вооруженіи, на благородномъ Россинантѣ, и Санчо съ толстымъ животомъ и тонкими ногами на добродушномъ ослѣ возникаютъ передъ глазами такъ живо, какъ будто мы читали не романъ, а долго смотрѣли на яркую картину.

При этой силѣ пластической изобразительности еще болѣе поражаетъ отсутствіе пейзажа. Для Сервантеса природа не существуетъ сама по себѣ, какъ нѣчто живое и близкое сердцу, какой она кажется Шекспиру, Байрону, Гете, Шелли—сѣвернымъ художникамъ-пантеистамъ, проникнутымъ мистическимъ поклоненіемъ тайнѣ міра. Это поклоненіе является лишь тогда, когда замкнутыя формы религіознаго чувства, обращеннаго въ Богу, разрушаются скептицизмомъ,—ихъ мистическое содержаніе, какъ влага изъ разбитаго сосуда, проливается на міръ и къ природѣ направляется тотъ молитвенный экстазъ, съ которымъ прежде поэтъ обращался къ Богу-Отцу. Сервантесъ—преданный сынъ римско-католической церкви; благочестіе его заключено въ опредѣленные, ограниченныя формы ортодоксальныхъ догматовъ, и ни одна капля религіознаго чувства не пролилась на природу, не воскресила ее для художника, не показала вѣчной тайны за призрачной декорацией неба, земли, моря и горъ. Вотъ почему геній Сервантеса чуждается всего туманнаго, незаконченнаго, неяснаго. Представитель романскаго духа, онъ озаряетъ мельчайшія подробности человѣческой жизни спокойнымъ, теплымъ, прозрачнымъ свѣтомъ, какъ южное солнце на фонѣ голубого неба вырѣзываетъ тончайшій архитектурный рисунокъ мраморнаго зданія.

Въ «Донъ-Кихотѣ» нѣтъ собственно никакой интриги, узла послѣдовательно-развивающагося дѣйствія: есть одно

основное, почти неизмѣнное съ начала до конца драмы положеніе, необыкновенно сильное по своей идеѣ, и на эту громадную ось романа нанизываются едва уловимыя мелочи жизни. Вотъ почему содержаніе «Донъ - Кихота» рассказать почти невозможно, какъ нельзя рассказать вполне правдиво сѣрыя будни какого-нибудь дѣйствительно жившаго, невыдуманнаго лица. Жизнь наша, главнымъ образомъ, состоитъ вовсе не изъ тѣхъ драматическихъ перипетій, которыя обыкновенные романисты дѣлаютъ канвой своихъ произведеній, а изъ цѣлаго ряда тусклыхъ мелочей. Эти-то мелочи Сервантесъ умѣетъ передавать съ неподражаемымъ реализмомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣлаетъ ихъ значительными, благодаря тому, что въ нихъ просвѣчиваетъ одна и та же идея.

Съ одинаковой любовью описываетъ онъ широкія гомерическія сцены правленія Санчо на островѣ Бараторіа и всѣ подробности его діалога съ хозяиномъ таверны по поводу бараньей ноги, зажаренной къ ужину,—эпизодъ смерти Донъ-Кихота, изумительный по своему трагизму, по евангельской простотѣ разказа, и огорченіе бѣднаго рыцаря по поводу того, что у него оторвались пуговицы отъ чулокъ. Тамъ, гдѣ нужно, рѣзецъ Сервантеса высѣкаетъ изваянія въ цѣльной каменной глыбѣ, но это не мѣшаетъ ему останавливаться на отдѣлкѣ мелкихъ подробностей, изящныхъ, миниатюрныхъ камней.

II.

Ламанчскій гидальго—мелкопомѣстный испанскій дворянинъ. Каждый день супъ съ капустой, чаще баранина, чѣмъ говядина, на жаркое; вечеромъ—винегретъ; по воскресеньямъ голубь, въ видѣ лишняго блюда, поглощали три четверти его скромнаго дохода. Остальное уходило на обувь и платье изъ тонкаго сукна. Охота и чтеніе были единственными занятіями, которыя могли наполнить скучный деревенскій досугъ тогдашняго захолустнаго дворянина. Донъ-Кихотъ увлекается книгами. «Въ минуты праздности, т.-е.

приблизительно въ продолженіе цѣлаго года, онъ предавался чтенію рыцарскихъ книгъ съ такимъ удовольствіемъ и постоянствомъ, что почти окончательно бросилъ охоту и управленіе имуществомъ». Не фактъ, а вымыселъ, не дѣйствительность, а литература, не жизнь, а книга сдѣлались точкой отправления, главной причиной его смѣшного героизма, безумныхъ, никому ненужныхъ подвиговъ и трагической гибели.

Конечно, многое изъ дѣятельности Донъ-Кихота надо отнести прямо на счетъ умственного разстройства. Но мы не имѣемъ права всѣ проявленія его характера сводить къ помѣшательству. Иначе типъ Сервантеса превращается въ грубую и безцѣльную карикатуру, его горькая сатира—въ издѣвательство надъ несчастнымъ, больнымъ человѣкомъ. Чтобы могло сохраниться какое-нибудь эстетическое впечатлѣніе, сумасшествіе должно быть отнюдь не главнымъ и существеннымъ, а только второстепеннымъ факторомъ въ развитіи характера.

Донъ-Кихоть вмѣщаетъ въ себѣ весь энциклопедическій кругъ образованности своего вѣка. Онъ знакомъ съ космографіей Птоломея, съ естественной исторіей Плинія, объясняетъ Санчо, какъ настоящій гуманистъ, филологическія тонкости словопроизводства, цитируетъ юридическіе трактаты и постановленія отцовъ церкви, Цицерона, Виргилія, Горация и другихъ античныхъ писателей, постоянно иллюстрируетъ свою рѣчь ссылками на древнюю и новую исторію, обладаетъ познаніями по военнымъ наукамъ. По количеству и разнообразію знаній ламанчскій рыцарь—вполнѣ типическій представитель современнаго ему общества. Все горе тогдашней образованности заключается въ томъ, что она является системой мертвой, схоластической: въ ней нѣтъ самаго живого и плодотворнаго элемента науки—начала опыта, скептическаго изслѣдованія, критики. Авторитетъ, все равно чей—Библии или Аристотеля, Вселенскихъ соборовъ или Аверроэса, но во всякомъ случаѣ *авторитетъ*, т.-е. чуждая наукѣ, внѣшняя власть, исключаетъ всякую самостоятельность и свободу мысли, требуетъ безконтроль-

наго *подчиненія* и послушанія. Донъ-Кихоть, какъ истинный представитель схоластической образованности, безгранично подчиняется незыблемому и священному для него авторитету рыцарскихъ книгъ. Онъ, прежде всего, дитя своего вѣка—и выше книжной истины для него не существуетъ ничего въ мірѣ: малѣйшее сомнѣніе въ правдивости излюбленныхъ имъ фантастическихъ романовъ онъ считаетъ кощунствомъ, преступленіемъ. Въ этой области всякое проявленіе скептицизма превращаетъ добродушнаго мечтателя въ озлобленнаго, яростнаго фанатика. Ноты инквизиціоннаго судилища звучатъ въ его рѣчи, обращенной къ неосторожному вольнодумцу, который при немъ осмѣлился высказать сомнѣніе въ реальномъ существованіи Амадиса Галльскаго: «человѣкъ, дерзнувшій, какъ ваша милость, кощунственно отзываться о вещи, *всѣми признанной*, заслуживаетъ того самаго наказанія, которому вы желали бы подвергнуть непонравившіяся вамъ книги (*т.-е. сожженія на кострѣ*)». Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что Амадиса, такъ же какъ и другихъ рыцарей, о которыхъ ходитъ столько легендъ, никогда не было,—это все равно, что утверждать, что солнце не грѣетъ, ледъ не ^{охлаждаетъ}, земля не поддерживаетъ». Въ рыцаряхъ онъ видитъ «вполнѣ законченный и совершенный образецъ добродѣтели даже для будущихъ поколѣній». «Амадись былъ полюсомъ, звѣздою и солнцемъ храбрыхъ и влюбленныхъ рыцарей; всѣ, кто только записался въ рекруты подъ знамя любви и рыцарства, *должны подражать ему*». Подобно тому, какъ высшимъ научнымъ принципомъ Донъ-Кихоть считаетъ авторитетъ книгъ, такъ величайшее нравственное правило онъ усматриваетъ въ *подражаніи*. Къ подражанію чужому мертвому образцу—какому-то Амадису Галльскому, жившему за нѣсколько столѣтій, сводится для него вся практическая мораль. Подчиненность ума, подчиненность совѣсти—вотъ что онъ считаетъ необходимымъ условіемъ добродѣтели.

До какого абсурда доходить это рабское подражаніе книжному идеалу, видно, между прочимъ, изъ тѣхъ нелѣ-

постей, которыя Донъ-Кихоть продѣлываетъ въ ущельи Сиерра-Морены. Онъ притворяется передъ самимъ собою умирающимъ отъ любви къ Дульцинеѣ только потому, что среди странствующихъ рыцарей принято умирать отъ любви. Съ добросовѣстнымъ упрямствомъ и педантизмомъ настоящаго схоластика онъ подражаетъ до мельчайшихъ подробностей эксцентричнымъ проявленіямъ безумной страсти и отчаянія, о которыхъ онъ вычиталъ въ рыцарскихъ книгахъ. Когда Донъ-Кихоть, голый, прыгаетъ, кувыркается на острыхъ камняхъ, и, наконецъ, становится вверхъ ногами передъ изумленнымъ Санчо, онъ, какъ истинный теоретикъ и педантъ, заботится только о томъ, какъ бы ни на одну іоту не отступить отъ сумасшедшихъ выходокъ влюбленнаго Амадиса. Любовь тутъ, конечно, не при чемъ.

Донъ-Кихоть, несмотря на то, что авторъ помѣстилъ дѣйствіе романа на рубежѣ новой исторіи, всецѣло принадлежитъ старымъ началамъ. Слепая вѣра, вмѣсто свободнаго изслѣдованія, подражаніе, вмѣсто оригинальности, и подчиненіе внѣшнему авторитету, вмѣсто самостоятельной мысли,—вотъ характерныя черты средневѣковой культуры. Отнюдь не будучи невѣждой или глупцомъ, Донъ-Кихоть не находитъ въ этой схоластической системѣ ничего, что могло бы предохранить его отъ смѣшной, ребяческой вѣры въ рыцарскія сказки.

По умственному развитію Донъ-Кихоть не поднимается выше средняго уровня, но зато по нравственнымъ качествамъ онъ стоитъ неизмѣримо выше окружающихъ. Весь глубокий смыслъ сатиры Сервантеса заключается въ томъ, что нравственное превосходство Донъ-Кихота пропадаетъ безслѣдно, безъ малѣйшей радости для людей, обращается въ проклятіе для него самого только потому, что оно не соотвѣтствуетъ степени умственнаго развитія героя. Онъ достаточно добръ, но мертвая схоластика не можетъ указать пути и цѣли его самоотверженію.

Донъ-Кихоть защищаетъ мальчика отъ побоевъ жестокаго хозяина. Но едва рыцарь успѣлъ повернуть спину, какъ крестьянинъ уже бьетъ несчастнаго работника вдвое

сильнѣе, во-первыкъ, за прежнюю вину, во-вторыхъ, за обиду, которую нанесъ Донъ-Кихотъ ему, хозяину. Этотъ эпизодъ Сервантесъ заключаетъ ироническими словами: «и вотъ какъ мужественный Донъ-Кихотъ возстановилъ поруганную справедливость». Черезъ нѣкоторое время мальчикъ, избитый до полусмерти по милости самоотверженнаго рыцаря, встрѣчается съ Донъ-Кихотомъ и высказываетъ мнимому благодѣтелю слѣдующія горькія истины: «Ради самого Создателя, ваша свѣтлость, если мы съ вами встрѣтимся въ другой разъ, не вздумайте снова за меня заступаться, даже если меня будутъ четвертовать. Сдѣлайте одолженіе, оставьте меня въ покоѣ. Мои несчастія, какъ бы они ни были велики, не могутъ итти въ сравненіи съ тѣми, которыя мнѣ угрожаютъ отъ заступничества вашей свѣтлости. Я прошу Бога, чтобы Онъ наказалъ васъ, а вмѣстѣ съ вами всѣхъ вообще странствующихъ рыцарей, которыхъ я отъ души проклинаяю». Съ такими же упреками обращается къ Донъ-Кихоту бакалавръ, искалѣченный по винѣ героическаго заступника угнетенныхъ. «Мое призваніе,—ораторствуетъ Донъ-Кихотъ,—заключается въ томъ, чтобы странствовать по землѣ, возстановляя правду и мстя за обиды».—«Я не знаю, что вы разумѣете подъ возстановленіемъ правды, такъ какъ изъ прямого, какимъ я до сихъ поръ былъ, вы сдѣлали меня кривымъ и хромымъ. Вы видите—по вашей милости я валяюсь здѣсь со сломанной ногой, и она уже никогда не выпрямится. Мстя за обиду, вы обидѣли меня жестоко и непоправимо; со мной, конечно, не могло случиться худшаго приключенія, чѣмъ то, что я встрѣтилъ васъ, искателя приключеній».

Отсутствіе разумности въ самопожертвованіи Донъ-Кихота вліяетъ не только на практическіе результаты его дѣятельности. Любовь его къ людямъ—смѣсь глубокаго добраго чувства съ мелочнымъ тщеславіемъ и суетностью. Вотъ какъ опредѣляетъ Сервантесъ мотивы, побудившіе Донъ-Кихота сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ: «ему казалось полезнымъ и необходимымъ столь же для блеска собственной славы, какъ и для блага отечества, принять

посвященіе въ странствующие рыцари». Онъ рѣшаетъ отправиться по міру, возстановляя правду, мстя за обиды и «преодолювая опасности, чтобы приобрести безсмертную славу. Бѣдный мечтатель, онъ уже представлялъ себѣ, какъ его сила и отвага будутъ увѣнчаны, по крайней мѣрѣ, короной Трапезондской имперіи». На монтиелевской равнинѣ, привѣтствуя зарю перваго дня своихъ странствованій и оглядывая мысленнымъ взоромъ предстоящую дѣятельность, онъ думаетъ гораздо больше объ ожидающей его славѣ, чѣмъ о несчастныхъ, которымъ намѣревается помочь: «счастливый годъ, счастливый вѣкъ, когда впервые на свѣтъ дневной появятся мои знаменитые подвиги, достойные того, чтобы ихъ вырѣзали на бронзѣ, изваяли въ мраморѣ, изобразили красками, на вѣчную память грядущимъ вѣкамъ». Послѣ одного изъ комическихъ подвиговъ, Донъ-Кихоть, проникнутый безпредѣльнымъ самодовольствомъ, восклицаетъ: «Санчо, заклинаю тебя всѣмъ святымъ, скажи мнѣ, видѣлъ ли ты на всей поверхности земли рыцаря болѣе отважнаго, чѣмъ я?» «Я принадлежу къ числу тѣхъ странствующихъ рыцарей,—восторгается Донъ-Кихоть самимъ собою,—имена которыхъ, несмотря на черную зависть, несмотря на всѣхъ маговъ Персіи, браминовъ Индіи, гимнософистовъ Эѳіопіи, будутъ начертаны въ храмѣ безсмертія, чтобы рыцари будущихъ вѣковъ могли въ нихъ видѣть путь, ведущій къ военной славѣ». Въ другомъ мѣстѣ перечисленіе всевозможныхъ обязанностей странствующихъ рыцарей онъ заканчиваетъ словами: «вотъ, Санчо, средства, чтобы достигнуть славы». Конечно, не одно мелочное честолюбіе было мотивомъ его дѣятельности: у ламанчскаго рыцаря очень много горячей преданности дѣлу, благородства и безкорыстія. Но полная умственная подчиненность, вліяніе мертвой образованности искажаютъ не только результаты всѣхъ его положительныхъ качествъ, но и самую ихъ природу.

Все міросозерцаніе Донъ-Кихота сводится къ наивному средневѣковому идеализму. Счастливый золотой вѣкъ въ прошломъ. Настоящее печально и мрачно, будущее еще

мрачнѣе. Для противодѣйствія возрастающей власти тѣмъ Богъ послалъ на землю странствующихъ рыцарей. Они и только они—больше чѣмъ священники, цари и поэты—сосуды божественной благодати. Отъ нихъ зависитъ спасеніе міра. Если центръ вселенной—священная коллегія странствующихъ рыцарей, то центръ самой этой коллегіи—Донъ-Кихотъ, рыцарь ламанчскій. О немъ заботятся, изъ-за него спорятъ силы неба и ада; добрые волшебники помогаютъ ему, злые стремятся погубить. Судьбы всего человѣчества зависятъ отъ него одного. Онъ долженъ побѣдить, потому что самъ Богъ руководитъ имъ. Вѣря въ свою счастливую звѣзду, Донъ-Кихотъ смотритъ совершенно безнадежно на судьбы исторіи и человѣчества. Здѣсь мы встрѣчаемся съ характерной чертой среднихъ вѣковъ—мрачнымъ взглядомъ на будущее міра

Но у Донъ-Кихота есть одна черта новой культуры: онъ любитъ простую, первобытную жизнь среди природы, идеализируетъ бытъ простыхъ людей, относясь пренебрежительно къ благамъ цивилизаціи, считая ее зломъ. Въ этомъ отношеніи Донъ-Кихотъ—прототипъ и Жанъ-Жака Руссо, и его новѣйшихъ послѣдователей. Въ его нападкахъ на современную культуру, какъ на искаженіе естественнаго счастья, звучатъ уже первыя ноты того протеста, представителемъ котораго впоследствии явится великій философъ XVIII вѣка. Донъ-Кихотъ, вынужденный на продолжительное время отречься отъ сана странствующаго рыцаря, рѣшаетъ сдѣлаться пастухомъ, чтобы вести идиллическую жизнь среди природы: «какъ ты полагаешь, Санчо, не превратиться ли намъ въ пастуховъ, по крайней мѣрѣ на время моего отреченія? Я куплю нѣсколько овецъ и всѣ предметы, необходимые для пастушескаго быта. Я буду называться пастухомъ Кишотицемъ, ты—Панцино, и мы будемъ бродить вмѣстѣ по горамъ, лѣсамъ и долинамъ, то тамъ, то здѣсь, распѣвая пѣсни и элегіи, утоляя жажду въ кристалльныхъ ручьяхъ и въ глубокихъ рѣкахъ. Дубы будутъ щедро предлагать намъ сладкіе и сочные плоды, лѣсныя заросли—ложе и пріютъ. Ивы будутъ давать тѣнь, роза—благоуханіе, широ-

кія равнины—коверь, испещренный тысячами цвѣтовъ, воздухъ—чистое дыханіе, луна и звѣзды—сладостный свѣтъ по ночамъ, пѣсня—наслажденіе, слезы—отраду, Аполлонъ—стихи и любовь—сентиментальныя 'размышленія, которыя, быть-можетъ, доставятъ намъ славу и безсмертіе не только въ настоящее время, но и въ будущихъ вѣкахъ». Возвратившись въ деревню, передъ самой болѣзнью, онъ не отказывается отъ мысли сдѣлаться пастухомъ и наивно приглашаетъ священника и Самсона Карраско къ «добродѣтельной пасторальной профессіи», изъявляя готовность немедленно же купить стадо овецъ, «достаточное, чтобы ихъ назвали пастухами».

Донъ-Кихоты всѣхъ временъ и народовъ бѣгутъ въ наивную пастораль—къ простымъ людямъ и первобытной жизни отъ ненавистой имъ культуры, въ которой усматриваютъ главную причину своихъ неудачъ. Они не могутъ понять коренной своей ошибки. Нельзя сказать, чтобы человечеству не доставало любви, сомоотверженія и вѣры. Мало ли Донъ-Кихотовъ. Они и вѣрятъ и любятъ, они жертвуютъ собою и ведутъ на смѣлые подвиги послушныхъ оруженосцевъ Санчо-Панса. Но будущее принадлежитъ не Донъ-Кихотамъ, а тѣмъ истиннымъ героямъ, которые сумѣютъ соединить чувство съ разумомъ, вѣру—съ наукой, порывъ любви—со спокойнымъ расчетомъ силъ. До сихъ поръ одни много знали, но слишкомъ мало любили, другіе много любили и слишкомъ мало знали, но только тотъ, кто будетъ *много знать и много любить*, можетъ сдѣлать для человечества что-нибудь истинно прекрасное и великое.

III

Санчо — такой же полный и типичный представитель народа, какъ Донъ-Кихотъ—культурнаго общества. Его шутовство, его наивность, граничащая съ глупостью,—только прозрачный покровъ, подъ которымъ таится поэтическое обобщеніе. Характеръ его отнюдь не исчерпывается одной добродушной глупостью, также какъ характеръ Донъ-

Кихота нельзя сводить исключительно къ безумію. Въ первомъ случаѣ, глупость—только сатира на главный недостатокъ народа: на бездѣйствіе, лѣнь и неподвижность ума, подобно тому, какъ сумасшествіе ламанческаго рыцаря—насмѣшка надъ недостаткомъ средневѣковой культуры: надъ склонностью увлекаться слѣпой вѣрой въ авторитетъ до фанатизма, до потери здраваго смысла. Санчо въ философскомъ смыслѣ такая же необходимая антитеза Донъ-Кихоту, какъ Мефистофель Фаусту: это вѣчная противоположность здраваго смысла и увлеченія, дѣйствительности и грезы, реализма и книжной отвлеченности. Вотъ почему смѣшной и простоватый Санчо, никогда не пользовавшійся благосклоннымъ вниманіемъ критики, на самомъ дѣлѣ, какъ типъ, нисколько не менѣе значителенъ и глубокъ, чѣмъ Донъ-Кихотъ. Культурный человѣкъ въ своемъ увлеченіи, доходящемъ до подвижничества, крестьянинъ въ здоровомъ смыслѣ, граничащемъ съ практической мудростью, оба—трагическіе представители двухъ вѣчно раздѣленныхъ и вѣчно тяготящихся другъ къ другу полусферъ человѣческаго духа—идеализма и реализма.

На крестьянинѣ Санчо гораздо яснѣе и рѣзче, чѣмъ на рыцарѣ Донъ-Кихотѣ, отразился характеръ естественныхъ условій его родной страны. Мягкій солнечный пейзажъ ламанчской равнины оставилъ на Санчо неизгладимый отпечатокъ. Онъ уживчивъ, веселъ и добродушенъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда той мрачности и суровости, которая почти всегда чувствуется въ темпераментѣ сѣверныхъ расъ. По средневѣковой теоріи, онъ считаетъ себя вилленомъ—существомъ низшимъ и подчиненнымъ сравнительно съ урожденными гидальго, но это сознаніе подчиненности очень поверхностно—оно его нисколько не принижаетъ. Онъ не ропщетъ, не жалѣетъ о томъ, что не родился дворяниномъ: онъ чувствуетъ себя независимымъ, держать голову высоко, говорить свободно и просто во дворцахъ знаменитыхъ герцоговъ. Во время торжественнаго приѣма онъ обращается къ великолѣпной дуэньѣ и проситъ ее позаботиться объ его любимомъ ослѣ, отвести въ стойло и задать корму. Взбѣшенная

дузня осыпаетъ Санчо ругательствами: «Вы не получите отъ меня ничего, кромѣ фиги, грубый невѣжа!»—«Если этой фигѣ,—возражаетъ крестьянинъ, нисколько не смущаясь,—столько же лѣтъ, какъ вашей милости, то, по крайней мѣрѣ, она довольно перезрѣлая». Санчо авантюристъ по природѣ. Онъ отправляется въ путь за Донъ-Кихотомъ не только изъ выгоды, но также изъ инстинктивной любви къ цыганской жизни. Обладая безпечнымъ южнымъ темпераментомъ, Санчо понимаетъ поэзію бродяжническаго существованія. Полуэпикуреецъ и полунищій, онъ съ восторгомъ отзывается о прелестяхъ этой вольной, лѣнливой, страннической жизни: глотая потихоньку живительную влагу изъ громаднаго походнаго мѣха съ виномъ, «онъ больше не помнилъ объ общаніяхъ, данныхъ ему господиномъ, и смотрѣлъ не какъ на тяжелую обязанность, а какъ на истинное развлеченіе, на эти веселые поиски рыцарскихъ приключеній, какъ бы они ни были опасны». «Нѣтъ для человѣка ничего пріятнѣе въ мѣрѣ, какъ быть честнымъ оруженосцемъ странствующаго рыцаря, искателя приключеній... Какъ весело подвергаться всевозможнымъ случайностямъ, перебираясь черезъ горы, проходя лѣса, влѣзая на скалы, посѣщая замки и останавливаясь на постоялыхъ дворахъ, при чемъ имѣешь право не платить ни единого мараведи по счету, ни гроша даже чорту въ зубы!»

Въ характерѣ Санчо, какъ я сказалъ, нѣтъ печати той суровой жестокости, которая почти всегда налагается на представителей сѣверныхъ націй тяжелымъ трудомъ, борьбой за существованіе: напротивъ, онъ слишкомъ мягокъ и чувствителенъ, всегда бываетъ растроганъ до слезъ чужимъ горемъ и, несмотря на крайнюю бережливость, на любовь къ деньгамъ, готовъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, послѣдней копейкой съ несчастнымъ, просящимъ помощи. Сердце у него, по выраженію Донъ-Кихота, какъ будто «изъ сахарнаго тѣста».

Онъ любитъ мягко спать, сладко ѣсть; обожаетъ музыку. Одна изъ обычныхъ философскихъ сентенцій Санчо гласитъ: «тамъ, гдѣ музыка, не можетъ быть ничего дурнаго». Онъ съ

нѣжностью, съ непритворнымъ милосердіемъ, переходящимъ иногда въ полусмѣшную, полутрогательную сентиментальность, относится не только къ людямъ, но и ко всѣмъ вообще живымъ существамъ, ко всякому страданію. Онъ любитъ животныхъ и жалѣетъ ихъ. Охоту считаетъ жестокой и безнравственной забавой. «Какъ вельможи и короли,—искренно удивляется онъ,—могутъ находить удовольствіе въ томъ, чтобы убивать звѣрей, не причинившихъ имъ никакого зла?» Въ отеческой привязанности Санчо къ ослу, его вѣрному спутнику и другу, несмотря на вѣшній комизмъ, есть много истинно-добраго чувства. Разбойники украли его любимаго Сѣряка, который для бѣдныги «дороже зѣницы ока». Послѣ долгой разлуки они снова встрѣчаются. «Санчо побѣждалъ къ ослу, обнялъ его и сказалъ: «ну, какъ здоровье твое, дѣтище мое любимое, дорогой товарищъ, сердце мое, ненаглядный осликъ?» И съ этими словами онъ цѣловалъ и ласкалъ его, какъ будто тотъ былъ разумнымъ существомъ. Осель молчалъ, не зная, что сказать, и принималъ ласки и поцѣлуи Санчо, не отвѣчая ни слова». Санчо находится въ смертельной опасности: ночью онъ, вмѣстѣ съ осломъ, провалился въ глубокое подземелье, что-то въ родѣ колодца, откуда нѣтъ никакой возможности выбраться. Будучи убѣжденъ, что ему грозитъ голодная смерть, онъ дѣлитъ съ милымъ Сѣрякомъ послѣдній кусокъ хлѣба: «онъ отдалъ его ослу, которому хлѣбъ понравился, и Санчо сказалъ ему, какъ будто животное могло его понять: «когда есть хлѣбъ, легче перенести горе»

У Санчо нѣтъ воинственнаго задора, условныя средне-вѣковыя понятія рыцарской чести мало развиты въ крестьянинѣ. Иногда онъ кажется трусомъ, но въ большинствѣ случаевъ это не трусость, а просто врожденное добродушіе, мягкость характера, которая заставляеть его ненавидѣть идеаль военный славы, превозносимый Донъ-Кихотомъ: «Ваша милость,—обращается къ нему Санчо въ минуту откровенности,—человѣкъ я тихій, кроткій и миролюбивый, умѣю забывать обиды, потому что у меня есть жена, которую надо кормить, и дѣти, которыхъ надо воспитывать. Да бу-

детъ вашей милости извѣстно, что нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ я не обнажу меча ни противъ виллена, ни противъ рыцаря, и что съ этой минуты до дня второго пришествія я заранѣе прощаю всѣ обиды, которыя мнѣ нанесли или нанесутъ, кѣмъ бы онѣ ни были причинены—особой высокаго или низкаго званія, богачомъ или нищимъ,—словомъ, не принимая въ расчетъ ни сана, ни положенія». Но естественная мягкость и миролюбіе Санчо не имѣютъ общаго съ рабской забитостью и безотвѣтнымъ смиреніемъ. Отвага и сознание собственнаго достоинства сразу обнаруживаются въ немъ, какъ только ему приходится защищать свои личныя права, свою жизнь или собственность. Вотъ что онъ говоритъ человѣку, осмѣлившемуся угрожать ему побоями: «Прежде чѣмъ ваша милость возбудить во мнѣ гнѣвъ, я такъ сумѣю ударами доброй дубины усыпить вашу собственную злобу, что если она и проснется, то только въ загробномъ мірѣ. Всѣ знаютъ, что я не такой человѣкъ, чтобы позволить кому бы то ни было коснуться моего лица... Если даже кошка, которую запрутъ и потомъ разсердятъ, превращается во льва, то Богъ знаетъ, во что могу превратиться я, человѣкъ!» Санчо съ такой неожиданной отвагой защищаетъ свою собственность—ослиную сбрую, что самъ Донъ-Кихоть, знатокъ и специалистъ въ дѣлахъ рыцарской чести, приходитъ въ восторгъ: «онъ даже счелъ его за храбраго человѣка и рѣшилъ въ глубинѣ души при первомъ удобномъ случаѣ посвятить въ рыцари, полагая, что рыцарскій санъ долженъ итти къ нему какъ нельзя лучше».—«По природѣ своей,—признается Санчо,—я люблю миръ и терпѣть не могу соваться въ драки, да въ ссоры. Но, по правдѣ сказать, когда дѣло дойдетъ до шкуры, я не посмотрю ни на какія права, ибо всѣ законы, божескіе и человѣческіе, позволяютъ каждому защищать себя отъ обиды». Соединеніе врожденной веселости южанина, любви къ вольной бродячей жизни, мягкости, милосердія къ людямъ и животнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ собственнаго достоинства и отваги даетъ образъ свѣтлый и прекрасный, несмотря на весь внѣшній комизмъ. Въ комизмъ, можетъ-быть, заключается даже не препятствіе, а одна изъ

причинъ той невольной симпатіи, съ которой мы относимся къ Санчо. Чѣмъ больше мы смѣемся надъ нимъ, тѣмъ больше его любимъ.

Впрочемъ, Сервантесъ не думаетъ скрывать отъ насъ темныхъ сторонъ своего типа. Въ Санчо можно уже прослѣдить зародышъ современнаго буржуа; онъ обожаетъ деньги, собственность, до полнаго ослѣпленія, до фанатизма. Если онъ мечтаетъ о положеніи губернатора на островѣ, завоеванномъ Донъ-Кихотомъ, то не столько изъ честолюбія, сколько изъ-за тѣхъ матеріальныхъ выгодъ—*доходовъ*, которые, по представленію крестьянина, связаны съ положеніемъ губернатора. «Что мнѣ въ томъ, если даже всѣ мои вассалы будутъ неграми? Тѣмъ лучше! Я ихъ сейчасъ упакую и отправлю въ Испанію, гдѣ получу за нихъ чистыя денежки, а на эти деньги куплю себѣ какой-нибудь чинъ или должность, которые позволятъ мнѣ провести весь остатокъ жизни безъ заботъ и печалей».—«Столько ты стоишь, сколько у тебя есть, и столько у тебя есть, сколько ты стоишь. Въ мірѣ два рода людей и двѣ партіи,—какъ говаривала одна изъ моихъ прабабушекъ,—это партія *имущихъ* и *неимущихъ*, и она была на сторонѣ имущихъ... Итакъ, я подаю голосъ за Камаша, за богатаго Камаша, въ чьихъ кастрюляхъ накипь состоитъ изъ гусей, куръ, зайцевъ и кроликовъ. Что же касается до бѣднаго Базиля, то у него на столѣ одна жидкая похлебка»,—и Санчо презираетъ Базиля. Несмотря на это обожаніе денегъ, онъ остается честнымъ и свободнымъ, такъ какъ никогда не переходитъ за извѣстную черту: его спасаетъ отъ раболѣпнаго униженія своеобразная гордость—признакъ испанской крови. «Берегитесь, Санчо,—предупреждаетъ его Самсонъ Карраско,—почести измѣняютъ натуру людей: можетъ-быть, сдѣлавшись губернаторомъ, вы забудете родную мать...»—«На это способны только ничтожные людишки, что родились подъ капустнымъ листомъ, а не тѣ, у которыхъ на душѣ пальца съ четыре старокатолическаго жира, какъ у меня», отвѣчаетъ Панса.

Санчо—еще болѣе, чѣмъ Донъ-Кихоть,—преданный сынъ римско-католической церкви. У нихъ заходитъ споръ, какъ

лучше достигнуть славы—благочестіемъ или военными подвигами. «Скажите-ка мнѣ, что лучше: воскресить мертваго или убивать великана?»—Отвѣтъ готовъ: конечно, воскресить мертваго.—«Ага, вотъ я и поймалъ васъ. Итакъ, слава тѣхъ, которые воскрешаютъ мертвыхъ, исцѣляютъ слѣпыхъ, хромыхъ и болящихъ, въ чьихъ гробницахъ горятъ лампы, чьи раки съ мощами переполнены молящимися, слава этихъ людей, говорю я, стоитъ больше для сего вѣка и для будущей жизни, чѣмъ извѣстность, которую когда-либо приобрѣтали или могутъ приобрѣсти всевозможные языческіе императоры и странствующие рыцари, сколько ихъ ни есть въ мірѣ...»—«Какое же заключеніе, Санчо, ты выводишь изъ всего, что сказалъ?»—«А то, что мы поступили бы гораздо лучше, если бы постарались сдѣлаться святыми. Мы скорѣе достигли бы той славы, къ которой стремимся... Двѣ дюжины ударовъ монашеской плетью во время эпитимьи больше значить передъ Господомъ, чѣмъ двѣ тысячи ударовъ копьемъ, направленныхъ противъ всевозможныхъ великановъ, вампировъ и андріаковъ». Санчо обладаетъ слишкомъ беззаботнымъ темпераментомъ, чтобы его религіозность переходила въ фанатизмъ. Въ сущности, она довольно поверхностна—у нея нѣтъ глубокихъ мистическихъ корней, какъ у сосредоточенной религіозности сѣверныхъ расъ.

По своимъ политическимъ симпатіямъ Санчо искренній монархистъ и убѣжденный консерваторъ. Одинъ изъ морисковъ, изгнанныхъ Филиппомъ III, предлагаетъ Санчо встудить съ нимъ въ тайный союзъ для отысканія спрятаннаго сокровища, обѣщая въ награду несомнѣнное обогащеніе. Крестьянинъ, несмотря на всю свою жадность къ деньгамъ, отказывается наотрѣзъ: «такъ какъ мнѣ кажется, что я совершилъ бы измѣну, вступая въ союзъ съ врагами моего короля, то я не пойду за тобою, даже если бы ты не только обѣщалъ мнѣ въ будущемъ двѣсти червонцевъ, но сейчасъ вынулъ изъ кармана и положилъ цѣлыхъ четыреста». На теоретическое положеніе Донъ-Кихота, что онъ, какъ рыцарь, обязанъ заступиться за каторжниковъ, испытывающихъ на себѣ насиліе государственной власти, Санчо возра-

жаетъ: «справедливость, которая есть не что иное, какъ самъ король, не можетъ причинить ни насилія, ни обиды подобнымъ людямъ». «Правда, что я немножко хитеръ, — опредѣляетъ онъ самъ себя, — и что въ моей натурѣ есть-таки маленькое зернышко плутовства. Но все это скрывается и исчезаетъ подъ широчайшимъ покровомъ моей простоты, которая вполне естественна и отнюдь не притворна. Если бы даже у меня не было другой заслуги, какъ то, что я вѣрю искренно и твердо въ Бога и въ святыя догматы римско-католической церкви и отъ всей души ненавижу жидовъ, и тогда историки обязаны отнестись ко мнѣ благосклонно и отзываться обо мнѣ милостиво въ своихъ произведеніяхъ».

Санчо Панса обладаетъ вполне цѣльнымъ, законченнымъ міросозерцаніемъ, которое онъ выражаетъ образными, иногда поразительно глубокими пословицами—въ этихъ афоризмахъ воплощается живой умъ народа. Его мудрость принадлежитъ, конечно, не ему одному—она вѣковое созданіе цѣлой націи, но онъ да такой степени слился съ этой мудростью, что почти невозможно провести разграничительную черту между его личнымъ творчествомъ и міросозерцаніемъ народа. Когда Санчо приводитъ какую-нибудь извѣстную пословицу, это выходитъ у него естественно, произвольно, и кажется, что она принадлежитъ ему, что онъ только что ее выдумалъ. Когда же онъ дѣйствительно выдумываетъ какое-нибудь острое и мѣткое словцо, оно до такой степени живо, что кажется давно знакомой народной пословицей. Донъ-Кихоть тщетно преслѣдуетъ эту непреодолимую любовь Санчо къ поговоркамъ и прибауткамъ. Онѣ раздражаютъ мечтателя своей грубой простотой и силой, онъ сердится и проклинаетъ болтливаго оруженосца, но тотъ отвѣчаетъ невозмутимо: «одна только воля Господня можетъ исцѣлить меня отъ этого недуга. Я знаю больше пословиць, чѣмъ книга, и у меня во рту такое множество ихъ, когда я говорю, что онѣ дерутся другъ съ дружкой, чтобы выйти наружу...» «О, будь ты проклятъ небомъ», «Санчо!—воскликаетъ Донъ-Кихоть,—пусть пятьдесятъ тысячъ

чертей унесутъ тебя съ твоими пословицами... Я знаю— благодаря имъ, ты кончишь жизнь на висѣлицѣ. Онѣ заставятъ твоихъ вассаловъ отнять у тебя губернаторскую власть и произведутъ въ государствѣ междоусобіе и брань. Скажи на милость—гдѣ ты ихъ находишь, неучь? и какъ ты умѣешь ими пользоваться, дуракъ? Чтобы найти хоть одну поговорку и привести ее кстати, я тружусь и потѣю, какъ будто ворочаю камни».—«Ну, право же, ваша милость изволить бранить меня изъ-за пустяковъ. Кой чортъ можетъ мнѣ помѣшать пользоваться моимъ же добромъ. Вѣдь у меня нѣтъ за душою никакого богатства, никакой земли, кромѣ пословицъ».

Иногда этотъ, съ виду не далекій, крестьянинъ обнаруживаетъ въ своихъ поговоркахъ глубину мысли, достойную настоящаго философа: «горести созданы были не для животныхъ, а для людей, а между тѣмъ, когда люди предаются имъ безъ мѣры, они превращаются въ животныхъ».— Санчо-поэтъ импровизируетъ что-то въ родѣ маленькой лирической оды въ честь бога сна, которому онъ такъ усердно поклоняется: «пока я сплю, нѣтъ у меня ни страха, ни надежды, ни горя, ни радости. Да будетъ благословенъ тотъ, кто избрѣлъ сонъ,—покровъ, который скрываетъ всѣ человѣческія мысли, пища, которая насыщаетъ голодныхъ, влага, которая утоляетъ жаждущихъ, огонь, который согреваетъ озябшихъ, прохлада, которая спасаетъ отъ жгучаго зноя,—словомъ, всемірная монета, на которую можно купить все, что угодно, и вѣсы, на которыхъ уравниваются императоръ и пастухъ, мудрецъ и дуракъ». Санчо отлично понимаетъ мимолетность всѣхъ земныхъ благъ и смотритъ на сильныхъ міра сего почти свысока, съ добродушной ироніей: «для пташекъ полевыхъ самъ Господь Богъ кормилецъ и поваръ... Четыре локтя грубаго куэнскаго сукна куда лучше грѣютъ, чѣмъ четыре локтя тонкой сеговійской матеріи... Наслѣдникъ царя послѣ смерти, когда его кладутъ въ могилу, идетъ по такой же узкой дорожкѣ, какъ поденщикъ, а тѣло самого папы не займетъ на кладбищѣ большаго пространства земли, чѣмъ тѣло понамаря... Для того,

чтобы войти въ гробъ, мы всѣ дѣлаемся маленькими, сжимаемся и ежимся, или, лучше сказать, насъ дѣлають маленькими, сжимають и ежатъ, не справляясь о томъ, нравится ли это намъ, и потомъ—до свиданія, доброй ночи!..» Вотъ почему, если Донъ-Кихоть вздумаетъ отнять у него, какъ у дурака, обѣщанный островъ, Санчо приметъ это рѣшеніе, какъ мудрецъ, и нимало не огорчится—тѣмъ болѣе, что онъ сильно сомнѣвается, «не лучше ли быть земледѣльцемъ, чѣмъ царемъ». Когда онъ говоритъ о смерти, его рѣчь достигаетъ истинной поэзіи и вдохновенія, а черты трагической карикатуры, зловѣщаго комизма, «*danse macabre*», придаютъ его словамъ особенную силу. «У этой дамы (т.-е. у Смерти), видите ли, больше могущества, чѣмъ вѣжливости. Она никогда не дѣлаетъ брезгливой гримаски: пожираетъ все, пользуется всѣмъ и наполняетъ свой мѣшокъ людьми всевозможныхъ возрастовъ, чиновъ и профессій. Это—жница, не знающая отдыха, которая рѣжетъ и коситъ въ каждый часъ дня и ночи траву зеленую и сухую. Кажется, что она не пережевываетъ куски, а глстаетъ цѣликомъ все, что видитъ передъ собою; у нея волчій голодъ, который ничѣмъ и никогда не можетъ насытиться. И хотя у нея нѣтъ живота, она страдаетъ водянкой и, чтобы утолить жажду, готова выпить сразу жизнь всѣхъ существъ, какъ выпиваютъ горшокъ холодной воды!»

Здравый умъ Санчо ясно обнаруживается въ сценахъ его кратковременнаго правленія на островѣ Бараторіа. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ кажется наивнымъ, простоватымъ до глупости, то это происходитъ вовсе не отъ врожденнаго недостатка ума, а отъ лѣни и неподвижности, отъ той же привычки подчиняться внѣшнему авторитету, которая губитъ и самого Донъ-Кихота. Санчо просто не привыкъ думать на свой собственный страхъ—онъ прячется за спину рыцаря, которому вѣрить такъ же безгранично и слѣпо, какъ тотъ вѣритъ своимъ нелѣпымъ романамъ. Но въ роли губернатора ему поневолѣ приходится отказаться отъ обычной лѣни и умственной подчиненности и дѣйствовать самостоятельно. И какъ только въ немъ пробуждается энер-

гія, его умъ и дарованія обнаруживаютъ недюжинную силу.

Когда Санчо входитъ во дворець, мажордомъ, какъ будто случайно, а на самомъ дѣлѣ чтобы 'польстить ему, называетъ его «дономъ Санчо Панса», но крестьянинъ возражаетъ придворному: «кого здѣсь называютъ дономъ Санчо Панса?»— «Вашу свѣтлость, конечно, такъ какъ никакой другой Панса не садился на это кресло».— «Ну, такъ знайте, другъ мой, что я не обладаю титуломъ дона и никто изъ моей фамиліи не носилъ его. Меня зовутъ попросту Санчо Панса. Санчо—назывался мой отецъ и Санчо было имя моего дѣда, и всѣ были Панса, безъ всякихъ доновъ или какихъ-либо другихъ приставокъ. Полагаю, что на этомъ островѣ должно быть больше доновъ, чѣмъ камней. Но пока довольно. Богъ дастъ, поживемъ, увидимъ,—и, если только правительство будетъ у меня въ рукахъ дня четыре, можетъ-быть, я, какъ плевелы, искореню всѣхъ этихъ доновъ, которыхъ такъ много развелось, что они больше надоѣдаютъ, чѣмъ комары и москиты». Освободившись отъ опеки, Санчо обнаруживаетъ столько милосердія и мудрости, здраваго смысла и остроумія въ дѣлахъ правленія, что подданные не могутъ притти въ себя отъ изумленія. Противъ Санчо цѣлый заговоръ, чтобы его осмѣять и поставить въ глупое положеніе, но, благодаря спокойному чувству собственнаго достоинства и такту, онъ выходитъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы. «Подданные считали своего правителя новымъ Соломономъ». «Государственныя мѣры Санчо,—замѣчаетъ Сервантесъ,—были такъ хороши, что законы его до сихъ поръ дѣйствуютъ въ той странѣ, гдѣ ихъ называютъ «постановленіями великаго правителя Санчо Панса». Та сцена, гдѣ съ простотой и равнодушіемъ истиннаго мудреца онъ покидаетъ опротивѣвшую ему власть,—не что иное, какъ настоящій апоѳеозъ народнаго духа и народной правды. Санчо окончательно рѣшилъ уйти изъ дворца, гдѣ ему душно отъ лицемѣрія и лжи. «Онъ пошелъ въ конюшню, куда за нимъ отправились всѣ присутствующіе. Приблизившись къ Сѣряку, онъ обнялъ его, тихонько поцѣловалъ въ лобъ и проговорилъ со слезами на

глазахъ: «Здравствуй, мой милый товарищъ, вѣрный другъ, который дѣлилъ всѣ мои печали и бѣды. Когда я жилъ вмѣстѣ съ тобою, счастливы были мои часы, мои дни и годы. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и я пошелъ по дорогѣ тщеславія и суетности, душу мнѣ терзають тысячи страданій, тысячи несчастій и четыре тысячи заботъ». Санчо взнуздаль Сѣряка, сѣлъ на него и произнесъ, среди глубокаго молчанія придворныхъ и толпы гражданъ: «Разступитесь и дайте мнѣ вернуться къ моей прежней свободѣ! Я хочу снова начать мою старую жизнь, чтобы воскреснуть отъ этой смерти... Мнѣ слаще утолять голодь луковой похлебкой, чѣмъ слушать негодяя лейбъ-медика, который хочетъ извести меня голодомъ. Мнѣ отраднѣй лѣтомъ спать подъ тѣнью дуба, зимой покрываться овчиной, но сохранить зато полную свободу, чѣмъ, съ вѣчной заботой о государствѣ, ложиться на простынѣ изъ голландскаго полотна и одѣваться въ горностаи. Итакъ, доброй ночи, господа! Я прошу васъ доложить герцогу, моему повелителю, что я нагъ родился и нагъ умру; я ничего не выигралъ, ничего не потерялъ. Ни копейки у меня не было за душой, когда я принималъ это государство, и вотъ теперь, когда я оставляю его, у меня нѣтъ ни гроша. Разступитесь же и дайте мнѣ дорогу!» Придворные просятъ его остаться. «Поздно,—отвѣчаетъ Санчо,—я принадлежу къ фамиліи Панса, которые упрямы, какъ черти. Если разъ они сказали «нѣтъ», то ужъ поставятъ на своемъ, несмотря ни на что въ мірѣ». Его спрашиваютъ, не надо ли чего-нибудь для путешествія. Санчо проситъ дать ему немного овса для Сѣряка и полсыра съ хлѣбомъ для себя: дорога небольшая—ему ничего больше не надо. «Всѣ обнимали его, и онъ обнималъ всѣхъ со слезами, и граждане удивлялись его мудрой и непоколебимой рѣшимости». Полхлѣба и полсыра—вотъ вся выгода, которую Санчо сумѣлъ извлечь изъ своего гебернаторскаго сана. На возвратномъ пути онъ отдаетъ эту единственную свою награду странствующимъ монахамъ, которые попросили у него милостыни, и, прекрасный въ своей дѣтской простотѣ, извиняется, «что больше у него нѣтъ ничего съ собою».

IV.

Между Санчо Панса и Донъ-Кихотомъ существуетъ глубокая связь. Они сошлись тѣсно и дружески въ силу общаго закона, по которому въ нравственномъ мірѣ противоположности тяготѣютъ другъ къ другу. Санчо, хотя и смѣется надъ своимъ бариномъ, но втайнѣ любитъ увлеченія Донъ-Кихота, его способность отдаваться мечтамъ и поэзіи—порывы, которые такъ противоположны и потому такъ интересны Санчо. Неисправимый романтикъ, Донъ-Кихоть относится свысока къ оруженосцу, но, на самомъ дѣлѣ, любить и цѣнить его дерзкій юморъ, неизсякаемое остроуміе, положительный, практическій умъ—тѣ именно свойства, которыхъ недостаетъ рыцарю. Вотъ почему эти люди неразлучны, не могутъ жить другъ безъ друга и оба остаются вѣрными взаимной привязанности до самой смерти. «Казалось, они вылиты въ одной формѣ,—говоритъ Сервантесъ,—такъ что безумныя выходки господина безъ глупостей слуги не стоили бы ни гроша».

Конечно, мотивы, побуждающіе Санчо слѣдовать за полоумнымъ рыцаремъ, не чужды корыстолюбія. «Дьяволь,—признается онъ,—постоянно тычетъ мнѣ въ глаза то здѣсь, то тамъ, то съ лѣвой, то съ правой стороны, толстый мѣшокъ съ дублонами, такъ что я не могу сдѣлать шага, чтобы мнѣ не казалось, что вотъ я трогаю ихъ пальцами, беру въ руки, уношу домой, покупаю имущество, получаю доходы и живу, какъ царь. Въ тѣ минуты, видите ли, когда я объ этомъ думаю, мнѣ кажутся ничтожными всѣ бѣды, которыя приходится терпѣть съ моимъ полоумнымъ бариномъ, больше похожимъ, какъ я твердо въ этомъ убѣжденъ, на сумасшедшаго, чѣмъ на рыцаря».

Но корыстолюбіе только одинъ изъ второстепенныхъ и, въ сущности, неглубокихъ мотивовъ его вѣрной службы. У Санчо очень много безкорыстной преданности и любви къ Донъ-Кихоту. Какъ-то однажды оруженосцу случилось попросить у рыцаря опредѣленнаго жалованья за службу.

Донъ-Кихоть отказываетъ въ виду того, что древній обычай запрещаетъ странствующимъ рыцарямъ назначать жалованье оруженосцамъ. Санчо огорченъ. Его господинъ оскорбленъ недовѣріемъ слуги: «ну, что жъ, такъ какъ Санчо не удовлетворяетъ слѣдовать за мною, мнѣ приходится воспользоваться первымъ попавшимся оруженосцемъ». — «Нѣтъ, нѣтъ, я устаиваю, — воскликнулъ Санчо, тронутый, со слезами на глазахъ, — слава Богу, я не принадлежу къ племени неблагодарныхъ. Извѣстно всему міру, въ особенности моимъ односельчанамъ, каковы были тѣ Панса, отъ которыхъ я происхожу». Онъ признается, что злополучную мысль о жалованьи ему внушила его упрямая баба, которая «ужь если забереть себѣ что-нибудь въ голову, хватаетъ человѣка за горло такъ крѣпко, какъ клещи, которыми укрѣпляютъ обручи на бочкахъ». «Въ концѣ-концовъ, — заключаетъ Сервантесъ, — Донъ-Кихоть и Санчо обнялись и остались попрежнему добрыми друзьями». Когда оруженосецъ отправляется на свой губернаторскій постъ и пріятелямъ приходится расстаться, они искренно горюють. «Господинъ благословилъ слугу со слезами на глазахъ, и Санчо принялъ это благословеніе съ подавленными вздохами, какъ плачущій ребенокъ». Только что онъ уѣхалъ, Донъ-Кихоть «почувствовалъ такую грусть по поводу его отъѣзда и своего одиночества, что, если бы онъ могъ возвратить назадъ оруженосца и отнять у него губернаторское назначеніе, онъ навѣрное сдѣлалъ бы это». Вотъ какъ, въ другомъ мѣстѣ, Санчо опредѣляетъ свои отношенія къ Донъ-Кихоту: «Въ томъ-то и заключается мое горе и мои несчастья: я долженъ слѣдовать за нимъ, противъ этого нельзя ничего возразить — мы земляки, я дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ, я его очень люблю, онъ благодаренъ, онъ подарилъ мнѣ своихъ ослятъ, и, кромѣ того, я по природѣ своей вѣрный чловѣкъ. И такъ невозможно, чтобы насъ разлучило что бы то ни было, развѣ только заступъ да лопата, когда они приготовятъ намъ постель въ сырой землѣ».

Противоположные по характерамъ, они превосходно понимаютъ другъ друга. «У него голубиное сердце, — гово-

рить Санчо про Донъ-Кихота,—онъ не умѣетъ причинить зла никому, но всѣмъ дѣлаетъ доброе, и нѣтъ у него ни малѣйшаго лукавства. Ребенокъ могъ бы его увѣрить, что въ двѣнадцать часовъ дня—глухая полночь. Вотъ за это-то простодушіе я и люблю его, какъ зѣницу ока, и не могу рѣшиться покинуть, какія бы глупости онъ ни дѣлалъ».

Несмотря на то, что Донъ-Кихоть искусственно старается сохранить передъ мужикомъ-оруженосцемъ престижъ гidalго и рыцаря, несмотря на то, что Санчо цѣлуетъ его руку и даже край его одежды,—между ними все-таки существуетъ полная равноправность. Донъ-Кихоть пытается иногда казаться официальнымъ и сухимъ, но это ему не удается, и онъ сейчасъ же, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ интимный тонъ дружеской бесѣды. «Санчо Панса,—характеризуетъ Донъ-Кихоть своего слугу,—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ оруженосцевъ, какіе когда-либо были въ услуженіи у странствующихъ рыцарей. Въ его бесѣдѣ встрѣчаются такія прелестныя наивности, что чувствуешь и удовольствіе, и недоумѣніе, что онъ, собственно, такое—простакъ или остроумнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. У него бывають злыя шутки, которыя заставляютъ думать, что онъ хитеръ и тонокъ, бывають у него и глупѣйшія выходки, на которыя способенъ только деревенскій неучъ. Сомнѣвается онъ во всемъ и, однако, вѣритъ всему; когда я думаю, что вотъ-вотъ онъ погрузится въ самую бездну нелѣпостей, онъ отпускаетъ такія словечки, которыя поднимають его выше небесъ. Словомъ, я не промѣнялъ бы Санчо на другого оруженосца, если бы даже мнѣ за него предложили цѣлый городъ». Рыцарь очень вспыльчивъ: ему какъ-то разъ случилось даже побить Санчо за одну изъ его слишкомъ дерзкихъ остротъ. Но когда мгновенная вспышка гнѣва прошла, онъ искренно проситъ прощенія у слуги: «Прости, Санчо. Ты человѣкъ разумный и поймешь, какъ трудно иногда удержать первыя движенія гнѣва».

До какой степени Санчо относился свободно къ своему господину, какъ мало въ немъ рабскаго, лучше всего показываетъ та сцена, гдѣ онъ весьма энергично защищается

отъ нападенія Донъ-Кихота. Рыцаря увѣрили, что его возлюбленная Дульцинея будетъ только тогда освобождена отъ чаръ злыхъ волшебниковъ, когда Санчо получитъ три тысячи триста ударовъ розгами. Такъ какъ оруженосецъ ни мало не расположенъ добровольно подвергнуться этому наказанію, Донъ-Кихоть, однажды, въ глухую полночь, въ то время какъ Санчо мирно спалъ, сдѣлалъ на него неожиданное нападеніе и уже приготовлялся дать ему, по крайней мѣрѣ, тысячи двѣ розогъ, но тотъ, къ счастью, во-время проснулся. «Онъ выпрямился, прыгнулъ на своего барина, обнялъ его руками и далъ ему такую подножку, что Донъ-Кихоть во весь ростъ растянулся на землѣ. Потомъ придавилъ его грудь правымъ колѣномъ и, придерживая его руки своими руками, не давалъ ни двинуться, ни вздохнуть. Донъ-Кихоть кричалъ ему задыхающимся голосомъ: «Какъ, предатель, ты смѣешь бунтовать противъ твоего законнаго господина и повелителя! Ты нападаешь на того, кто даетъ тебѣ хлѣбъ!»—«Я и не думаю бунтовать,—отвѣчаетъ Санчо,— я только защищаю свою особу, надъ которой я самъ полный господинъ. Пусть ваша милость обѣщаетъ мнѣ не трогать меня и пусть она откажется отъ намѣренія меня высѣчь; только въ такомъ случаѣ я отпущу васъ и позволю встать». Зато какой порывъ безконечной преданности и любви чувствуется въ простыхъ словахъ Санчо, которыми онъ старается утѣшить умирающаго Донъ-Кихота. Припавъ къ изголовью своего бѣднаго барина, онъ плачетъ какъ ребенокъ отъ состраданія и нѣжности: «увы, увы! не умирайте, мой добрый господинъ, но послѣдуйте моему совѣту и живите еще много, много лѣтъ, такъ какъ это величайшее безуміе въ мірѣ, если человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, умираетъ, когда никто не думаетъ его убивать, безъ всякаго настоящаго повода, отъ одной только скорби. Ну, не будьте же лѣнливымъ, вставайте-ка съ постели и пойдемъ въ поля, переодѣты въ пастуховъ, какъ это мы задумали. Можетъ-быть, за какимъ-нибудь кустикомъ вы найдете госпожу Дульцинею, освобожденную отъ чаръ волшебниковъ, къ нашему величайшему удовольствію. Если же ваша милость умираетъ отъ горя по

поводу испытаннаго пораженія, свалите всю вину на меня— скажите, что васъ сбросили на землю только потому, что я плохо осѣдлалъ Россинанта». Наивное утѣшеніе бѣднаго Санчо ласково и глубоко. Въ словахъ его, несмотря на ихъ крайнюю простоту, почти дѣтскость, чувствуется материнское пониманіе слабостей любимаго человѣка. Сколько тонкой душевной прелести въ этомъ порывѣ: «свалите всю вину на меня».

Въ своей комической Одиссеѣ эти два друга, въ сущности, пресчастливые люди. Чего имъ недостаетъ? Они живутъ, какъ птицы, «даромъ Божьей пищи». Оба—настоящіе дѣти по душевной чистотѣ и безпечности. Они такъ мало похожи на остальныхъ людей. Вся ихъ жизнь—уморительная шутка или трогательная поэма. Въ минуту смертельной опасности, которая, какъ всѣ ихъ приключенія, впоследствии оказалась сущимъ вздоромъ, они забавляются сказкой о влюбленной пастушкѣ Торральвѣ, напоминающей нашу сказку о бѣломъ бычкѣ. Оба убѣждены, что, быть-можетъ, черезъ нѣсколько часовъ имъ грозитъ смерть; Санчо еще за минуту передъ тѣмъ готовъ былъ умереть отъ страха; самъ неустрашимый Донъ-Кихоть испытывалъ чувство, весьма похожее на робость. И все это не мѣшаетъ имъ забавляться ребяческой шуткой; они серьезно погружены въ эту игру, горячатся, увлекаются спортомъ по поводу сказки, выдуманной для трехлѣтнихъ дѣтей. Опасность, возможная смерть, весь міръ забыты для интереснаго вопроса о томъ, сколько именно овецъ удалось перевезти Торральвѣ черезъ рѣку. Разумные люди смѣются надъ ними, но отчего же имъ такъ нравится общество этихъ полоумныхъ чудаковъ? Въ этой, повидимому, нелѣпой жизни есть легкость, свобода, поэзія—все, чего такъ недостаетъ людямъ въ ихъ сѣрыхъ, рабочихъ будняхъ. Беззаботные искатели приключеній, любопытные странники, жадные ко всякой новизнѣ, Донъ-Кихоть и Санчо Панса вырвались изъ условныхъ рамокъ жизни. Рыцарь превращаетъ все, что видитъ передъ собою, въ мечту; оруженосецъ — въ шутку, въ забаву. Санчо требуетъ только, чтобы жизнь была смѣшной, Донъ-Кихоть—

чтобы она была фантастической, но оба относятся къ ней *безкорыстно*, т.-е. болѣе поэтически, чѣмъ всѣ остальные лица романа. И вотъ почему серьезные люди, утомленные борьбой изъ-за насущныхъ интересовъ, такъ смѣются и такъ любятъ то несерьезное, что заключено въ мечтаніяхъ этихъ взрослыхъ дѣтей. Герцогъ и пастухи, монахи и кабатчики, гуманисты и крестьяне, меценаты и разбойники съ большой дороги—люди самыхъ разнообразныхъ темпераментовъ, убѣжденій, слоевъ общества,—озлобленные, скучающіе,—сходятся въ инстинктивной симпатіи къ этой счастливой парочкѣ беззаботныхъ мечтателей: тамъ, гдѣ они,—смѣхъ и веселье. Всѣ смотрятъ свысока на чудаковъ, шутятъ надъ ними,—и стараются быть поближе къ нимъ, чтобы хоть на минуту согрѣться около этого смѣшного, милаго счастья.

Тѣмъ не менѣе, подъ свѣтлой оболочкой романа таится печальная иронія. Донъ-Кихоть и Санчо Панса—чудаки, безумцы, бесполезные мечтатели,—но разумнѣе ли ихъ тѣ, кто смѣется надъ ними? Сервантесъ обнаруживаетъ передъ нами все ничтожество, безсердечность, лицемеріе и вѣчную глупость людей. Чѣмъ занимаются просвѣщенный герцогъ и его супруга? Для потѣхи они сравили своего лакея, здоровеннаго парня, который однимъ пальцемъ можетъ раздавить Донъ-Кихота, съ полоумнымъ, несчастнымъ гидальго, какъ стравливаютъ звѣрей. И вельможи тратятъ деньги, устраиваютъ великолѣпный амфитеатръ, сзываютъ гостей, чтобы смотрѣть на это зрѣлище. Скука доводитъ ихъ до звѣрскаго бездушія. Кровавая потѣха случайно не удалась: бойцы разошлись, не искалѣчивъ другъ друга. Всѣ негодуютъ. Публика потеряла даромъ время. Массы крестьянъ оторвались отъ работъ, прибѣжали изъ далекихъ деревень. «Большинство,—замѣчаетъ Сервантесъ,—разошлось разочарованно и съ поникшей головой, видя, что бойцы, послѣ такого долгаго ожиданія, не разорвали другъ друга на части, подобно тому, какъ маленькіе мальчики удаляются печально съ площади, когда приговоренный къ казни уходитъ съ эшафота, получивъ прощеніе отъ истца или судей».

Въ сценѣ смерти Донъ-Кихота Сервантесъ, непосредственно отъ высочайшаго паюса, переходитъ къ самой беспощадной ироніи. Донъ-Кихоть еще не умеръ, онъ лежитъ въ послѣдней агоніи. Весь домъ въ страшномъ безпорядкѣ, «но тѣмъ не менѣе у племянницы былъ превосходный аппетитъ за обѣдомъ, экономка предлагала тосты, и Санчо тоже отлично проводилъ время, такъ какъ людямъ довольно получить какое-нибудь наслѣдство, чтобы въ сердцѣ ихъ смягчилось чувство скорби, которую должна бы причинять утрата близкаго человѣка».

Крестьяне двухъ сосѣднихъ деревень изъ-за какого-то вздора, который не стоитъ выѣденнаго яйца, изъ-за ребяческой шутки, идутъ другъ на друга войной. Донъ-Кихоть становится между двумя готовыми къ битвѣ войсками. Онъ негодуетъ и не въ состояніи понять, какъ люди изъ-за подобныхъ пустяковъ могутъ желать другъ другу смерти. Онъ, котораго считают сумасшедшимъ, въ правѣ, въ свою очередь, считать сумасшедшими этихъ людей. «Ваши милости,—пучаетъ онъ,—обязаны, по законамъ божескимъ и человѣческимъ, сложить оружіе».

Въ гостиницѣ лакеи, вельможи, служанки, благородныя дамы, чиновники, солдаты, агенты инквизиціоннаго суда спорять, кричать, готовы перерѣзать другъ друга изъ-за какого-то несчастнаго ослинаго сѣдла. «Вся гостиница была сплошнымъ плачемъ, стономъ, крикомъ, съ ужасами, безпорядкомъ, несчастіемъ, съ ударами копій и палокъ, съ затрещинами и подножками, съ ранами и кровопролитіемъ». Донъ-Кихоть поднимается, громовымъ голосомъ заглушаетъ крики, останавливаетъ и успокаиваетъ всѣхъ. У этого безумца оказалось больше здраваго смысла, чѣмъ у разумныхъ людей. «Клянусь именемъ Бога всемогущаго, это позорно и чудовищно, что столько благородныхъ гидальго, сколько ихъ здѣсь собралось, готовятся перебить другъ друга изъ-за такого ничтожнаго повода».

Сервантесъ, рассказывая различныя шутки, продѣланныя надъ бѣднымъ гидальго при дворѣ одного вельможи, замѣчаетъ ядовито и скорбно: «Кто знаетъ, можетъ-быть,

насмѣшники были такъ же безумны, какъ тѣ, надъ которыми они смѣялись, и герцогъ съ герцогиней были меньше, чѣмъ на волосъ отъ явной глупости, такъ какъ они тратили столько усилій, чтобы вышутить двухъ глупцовъ».

Санчо Панса, изумляющій насъ мудростью въ роли правителя, развѣ это не насмѣшка надъ претензіями серьезныхъ государственныхъ мужей? «Каждый день видишь въ мірѣ новыя удивительныя вещи,—замѣчаетъ Сервантесъ съ иронической улыбкой,—шутки превращаются въ серьезныя дѣла и насмѣшки оказываются осмѣянными».

Всѣ эти здравомыслящіе люди, которые смѣются надъ Донъ-Кихотомъ и его оруженосцемъ, злы, безчеловѣчны, самолюбивы и къ тому же *несчастливы*. Въ этомъ отношеніи они могутъ позавидовать осмѣяннымъ ими чудакамъ. Счастье досталось мечтателю, иллюзіи котораго граничатъ съ безуміемъ, и невѣжѣ, умственная апатія и лѣнь котораго граничатъ съ глупостью. Остальныхъ дѣйствующихъ лицъ романа преслѣдуетъ или скука, или несчастье. Горечь и ужасъ таится подъ легкой, сіяющей оболочкой этого гениальнаго произведенія: оно похоже на воды глубокихъ озеръ—на поверхности веселая зыбь, блескъ, отраженіе смѣющихся долинъ, солнца и неба, а тамъ, подъ волнами,—мракъ и бездонный омутъ.

Г ё т е.

Онъ вошелъ въ пріемную, холодную, свѣтлую комнату, съ холодною парадною мебелью, съ холодными бѣлыми гипсами, снимками съ древнихъ мраморовъ. И отъ него самого вѣяло холодомъ; великій человѣкъ и господинъ тайный совѣтникъ маленькаго нѣмецкаго дворика, напыщеннаго и напудреннаго во вкусъ Людовика XV.

— Ваше превосходительство, высказываете великія мысли, и я счастливъ, что слышу ихъ,—говоритъ ему собесѣдникъ, докторъ Эккерманъ, изгибаясь почитательно, не то какъ лакей своего барина, не то какъ жрецъ своего бога.

Богъ—въ длиннополомъ сѣромъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, съ красной орденской ленточкой въ петлицѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, старикъ лѣтъ 80-ти. Высокъ и строенъ; такъ величавъ, что похожъ на собственный памятникъ. Рѣдкіе сѣдые волосы надъ оголеннымъ черепомъ; смуглое, свѣжее лицо все въ глубокихъ складкахъ-морщинахъ, и каждая складка полна мысли и мужества. Углы старчески-тонкаго, сжатаго и слегка вваливашагося рта опущены не то съ олимпійской усмѣшкою, не то съ безгливою горечью. Старъ? Да, очень старъ. Но вотъ эти глаза, черные, ясные, зоркіе,—глаза человѣка, который видитъ «на аршинъ подъ землю». «Орлиныя очи». Невѣроятно, до странности, до жуткости молодые,—въ старомъ-старомъ, древнемъ лицѣ,—глаза 18-лѣтняго юноши. «Я ощущалъ передъ ними страхъ», признается Тэккерей, посѣтившій его въ Веймарѣ въ 1831 г. Они напомнили ему глаза *Мельмота-Путешественника*, которымъ когда-то пугали дѣтей; Мель-

мать, подобно Фаусту, заключилъ договоръ съ «нѣкоторымъ лицомъ», и до глубокой старости глаза его сохраняли властительный блескъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ нестарѣющихъ глазахъ—что-то «демоническое», какъ любилъ выражаться ихъ обладатель: демоническое—для язычниковъ значить божеское (отъ древне-греческаго слова *daimon*—богъ), а для христіанъ—бѣсовское, но, во всякомъ случаѣ, сверхчеловѣческое.

Да, сверхчеловѣческое—въ этой вѣчной юности. «Ему скоро будетъ восемьдесятъ,—записываетъ Эккерманъ въ 1825 г., но ни въ чемъ онъ не чувствуетъ себя готовымъ и законченнымъ; онъ стремится все впередъ и впередъ; онъ кажется человѣкомъ вѣчной, неразрушимой юности».

Однажды, весеннимъ утромъ, въ саду забавлялся стрѣльбой изъ лука. «Я подаль ему лукъ. Онъ приладилъ стрѣлу, прицѣлился вверхъ и спустилъ тетиву. Онъ былъ точно Аполлонъ, состарившійся тѣломъ, но одушевленный бессмертной юностью. Не умѣю сказать, до чего мнѣ было весело, глядя на него. Мнѣ вспомнились стихи»

Иль старость меня покидаетъ?
Или дѣтство вернулось опять?

На 72-мъ году отроду, лѣтомъ, на Маріенбадскихъ водахъ влюбился въ 19-лѣтнюю дѣвушку и страдалъ, вздыхалъ, бѣгалъ за нею, какъ мальчикъ. Красавица не пожелала быть Гретхень, и, разставшись съ нею, онъ заболѣлъ отъ горя. Тогда написалъ свою безумно-страстную «Маріенбадскую элегію». Переписалъ ее тщательно латинскимъ шрифтомъ на веленовой бумагѣ и прикрѣпилъ шелковымъ шнуркомъ къ красному сафьянному переплету съ истинно-нѣмецкой аккуратностью. Намъ смѣшно, но ему не до смѣха.

— «Ахъ, я научился страдать и терпѣть!—вздыхаетъ онъ не хуже юнаго Вертера, сидя ноябрьской ночью въ своей крошечной веймарской спаленкѣ, больной, въ бѣломъ фланелевомъ шлафрокѣ, съ ногами, закутанными въ шерстяное одѣяло.—Я не лягу въ постель, просижу всю ночь въ креслѣ: все равно, настоящаго сна не будетъ»...

Но вотъ разговоръ съ Гумбольдтомъ или другимъ ученымъ о спиральномъ ростѣ растений, о законахъ атмосферическаго давленія, о ново-открытыхъ веществахъ—іодѣ и хлорѣ; велить принести іоду и превращаетъ его въ пары на пламени свѣчки; при этомъ, восхищаясь фіолетовымъ цвѣтомъ паровъ, видитъ въ немъ «пріятное подтвержденіе одного изъ законовъ своего ученія о цвѣтахъ»; смотритъ на волшебное пламя такими же влюбленными глазами, какъ въ ея глаза: и тамъ, и здѣсь—одна душа—*Душа Мира*; тамъ измѣнила, здѣсь не измѣнить,—и вотъ уже опять здоровъ, опять юнъ

Знаетъ, что въ семьдесятъ лѣтъ влюбляться глупо. «Но надо часто дѣлать глупости, чтобы только продлить жизнь». Думаетъ, что люди живутъ, пока смѣютъ жить; живутъ и умираютъ по собственной волѣ. У него самого воля къ жизни, смѣлость жизни безконечная.

Какъ будто выпилъ, подобно Фаусту, элексира вѣчной юности. Не умственное, не нравственное убѣжденіе, а *физическое* чувство безсмертія.

И другимъ, глядя на него, а можетъ-быть, и ему самому, приходитъ въ голову странная мысль: полно, умретъ ли онъ когда-нибудь? Ну, какъ такому умирать?

Когда же все-таки умереть,—Эккерманъ вошелъ въ комнату его. «Обнаженное тѣло было обернуто бѣлой простыней. Фридрихъ (старый слуга) отвернулъ простыню, и я подивился на божественное великолѣпіе этихъ членовъ. Грудь была необычайно сильная, широкая и выпуклая; руки и ноги—полныя и нѣжныя; слѣдки ногъ изящны и правильны. Передо мною лежалъ совершенный человѣкъ въ совершенной красотѣ, и восторгъ, который я почувствовалъ, заставилъ меня позабыть на мигъ, что безсмертный духъ уже оставилъ эту оболочку».

Какъ будто и въ смерти безсмертенъ.

«Обновляется, подобно орлу, юность твоя». Эту вѣчную юность онъ черпаетъ изъ ея первоисточника—изъ природы всеобновляющей. Припалъ къ ней, какъ ребенокъ къ груди матери. Вотъ для кого мать сыра земля въ самомъ дѣлѣ—Мать.

«Я сравниваю землю,—говорить онъ, по поводу своихъ барометрическихъ наблюдений надъ земной атмосферой,— съ огромнымъ живымъ существомъ, которое постоянно вдыхаетъ и выдыхаетъ». Съ нею дышитъ и онъ, дитя ея, однимъ дыханіемъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ.

Это не сравненіе, а дѣйствительность. Опять-таки не умственно, не нравственно, а плотски, кровно, физически онъ связанъ съ природой—съ Душою Мира.

«Онъ сегодня совѣмъ бодръ,—записываетъ Эккерманъ послѣ той болѣзни отъ маріенбадской несчастной любви.— Сегодня самый короткій день въ году, и надежда на то, что теперь съ каждой недѣлей дни станутъ быстро удлиняться, повидимому, благотворно на него дѣйствуетъ.

«— Сегодня мы празднуемъ рожденіе новаго солнца!— воскликнулъ онъ радостно, когда я вошелъ.

«Я узналъ, что всякій годъ онъ чувствуетъ слабость и уныніе за нѣсколько недѣль передъ самымъ короткимъ днемъ».

Дитя земли, подобно ей, унываетъ, умираетъ, когда солнце отъ нея уходитъ, и опять оживаетъ, когда оно приближается. Рождество Христово—только въ умѣ его; но рожденіе солнца—въ тѣлѣ, въ крови. Вотъ откуда вѣчная юность: земля для него все такъ же молода, какъ въ первый день творенія, и онъ смотритъ на нее, какъ первый человѣкъ въ раю.

Въ этомъ онъ—единственный, по крайней мѣрѣ, на нашей старой землѣ, въ нашей старой Европѣ. Впрочемъ, былъ еще другой подобный, но не въ созерцаніи, а въ дѣйствиіи.

Въ 1808 году въ Эрфуртѣ произошло свиданіе Гёте съ Наполеономъ.

«Меня позвали въ кабинетъ императора. Онъ сидѣлъ за круглымъ столомъ и завтракалъ; направо, нѣсколько поодаль стола, стоялъ Талейранъ; налѣво, ближе къ нему,—Дарю, съ которымъ онъ говорилъ о военныхъ контрибуціяхъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ, чтобы я подошелъ. Я сталъ передъ нимъ въ должномъ разстояніи. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

«— Господинъ Гёте, вы—человѣкъ. (Monsieur Goethe, vous êtes un homme).

«Онъ спросилъ:

«— Сколько вамъ лѣтъ?

«— Шестьдесятъ.

«— Вы прекрасно сохранились... Вы писали трагедіи?..»

И далѣе—о трагедіяхъ, о Вертерѣ, которымъ Наполеонъ зачитывался въ юности,—общія мѣста, величавыя глупости, которыя показываютъ, что и людямъ божественно-умнымъ не слѣдуетъ совать носа туда, куда ихъ не спрашиваютъ.

Но вѣщее слово сказано: *се человекъ*.

И Гёте говорить о Наполеонѣ почти то же самое: «Наполеонъ былъ молодецъ (ein Kerl); онъ находился въ состояніи непрерывнаго просвѣтлѣнія».—«Онъ—сокращеніе міра».—«Онъ—существо демоническое» (опять въ особенномъ, гётевскомъ, древнемъ смыслѣ, отъ daimon—богъ),—демоническое въ такой высокой степени, что съ нимъ нельзя сравнить никого».

Узнали другъ-друга, увидѣли: рыбакъ рыбака видитъ издалека. Встрѣча ихъ не случайна; они должны были встрѣтиться,—великое созерцаніе съ великимъ дѣйствіемъ. Близнецы неразлучные, дѣти одной земли-матери: она породила ихъ вмѣстѣ однимъ усиліемъ родовъ, великимъ землетрясеніемъ—Великой Револуціей

Но для насъ, маленькихъ,—не слишкомъ ли велики? «На такихъ людяхъ не тѣло, а бронза», говоритъ Раскольниковъ. Бронзовымъ или каменнымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ. Когда такой человѣкъ входитъ въ нашъ домъ, ступени лѣстницъ трещатъ, половицы скрипятъ и шатаются подъ ступней нечеловѣческой, какъ будто вошелъ Каменный Гость.

О, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Намъ страшно съ нимъ, какъ Фаусту съ Духомъ Земли:

Weh! Ich ertrag'dich nicht!

Gore! Я не могу тебя вынести!

Вынести нельзя того, какъ этотъ нестрадающій относится къ страданіямъ, этотъ безсмертный—къ смерти.

«Сегодня, по дорогѣ къ Гёте, я узналъ о смерти великой герцогини-матери,—сообщаетъ Эккерманъ.—Первою моею мыслью было, какъ это подѣйствуетъ на Гёте въ его преклонныхъ годахъ. Онъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ былъ близокъ къ герцогинѣ, пользовался ея особой милостью: смерть ея должна глубоко взволновать его. Съ такими мыслями я вошелъ къ нему въ комнату; я былъ немало изумленъ, увидавъ, что онъ вполне бодръ и здоровъ; сидитъ за столомъ съ невесткой и внуками и ѣстъ супъ, какъ будто ничего не случилось. Мы беззаботно разговаривали о разныхъ постороннихъ вещахъ. Вдругъ начался перезвонъ колоколовъ; г-жа фонъ Гёте взглянула на меня, и мы заговорили громче, боясь, что зауспокойный звонъ встревожитъ и потрясетъ его; мы думали, что онъ чувствуетъ такъ же, какъ мы. Но онъ чувствовалъ не такъ, какъ мы. Онъ сидѣлъ передъ нами, какъ высшее существо, которому недоступны земныя страданія».

Что это, побѣда надъ чувствомъ или просто безчувственность? Божественный мраморъ или обыкновенный камень? — Прежде, чѣмъ рѣшать, взглядимся, вслушаемся.

Wer nie sein Brot mit Tränen ass...

«Кто никогда не ѣлъ своего хлѣба со слезами, кто не просиживалъ скорбныхъ ночей, плача на своей постелѣ,— тотъ васъ не знаетъ, Силы Небесныя!»

Эта пѣсенка стараго арфиста—неужели пѣсенка самого Гёте?

Когда онъ писалъ о самоубійствѣ Вертера, то никогда не ложился спать, не подложивъ рядомъ кинжала: рѣшилъ покончить съ собой и только выжидалъ минуты.

«Нѣмецкій писатель—нѣмецкій мученикъ», говорилъ онъ въ глубокой старости, оглядываясь назадъ, на прожитую жизнь. Гёте—мученикъ, Гёте—несчастный,—какъ это странно звучитъ. Но странный звукъ вѣренъ. «Меня всегда считали за особеннаго счастливца; я не стану жаловаться и

бранить мою жизнь. Но, въ сущности, она была только трудъ и работа; за свои 75 лѣтъ врядь ли я провелъ четыре недѣли въ свое удовольствіе. Моя жизнь была вѣчнымъ скатываніемъ камня, который надо было снова подымать». Въ этой-то Сизифовой работѣ надъ камнемъ жизни онъ самъ окаменѣлъ, окаменилъ себя, чтобы вынести невыносимое.

Weh! Ich ertrag' dich nicht!
Горе! Я не могу тебя вынести!

— не говорилъ ли себѣ самому, какъ страшному Духу Земли?

Когда узналъ о внезапной смерти сына, глаза его наполнились слезами, но не заплакалъ, а только произнесъ:

— Non ignoravi me mortalem genuisse. (Я зналъ, что рожденъ смертнымъ).

«Онъ былъ вполне спокоенъ и ясенъ духомъ,—записываетъ Эккерманъ черезъ мѣсяць.—Мы говорили о многомъ; о сынѣ онъ не вспомнилъ ни словомъ».

А черезъ три дня послѣ этой записи Гёте вдругъ заболѣлъ кровотеченіемъ, «потерялъ шесть фунтовъ крови, что при его 80-лѣтнемъ возрастѣ, весьма серьезно».

Боялись, что не выживетъ, но «его удивительное сложеніе и на этотъ разъ одержало побѣду». Началъ быстро поправляться и, лежа въ постели, уже работалъ надъ второю частью «Фауста».

«Моя единственная забота—поддержать физическое равновѣсіе; остальное пойдётъ само собою... Тому, кто твердо начерталъ путь для воли, нечего много беспокоиться. Впередь... впередь по могиламъ!».

Если эта безчувственность, то такая, какъ у солдата, который въ пылу сраженія не чувствуетъ раны.

Подъ мертвымъ камнемъ живое сердце страдаетъ, истекаетъ кровью такъ же, какъ наше, только умѣетъ не по нашему терпѣть и молчать.

Въ его писаніяхъ живое сердце каменѣетъ, мертвѣетъ къ старости: въ его бесѣдахъ—обратный путь, къ живому отъ мертваго. Вотъ почему для познанія Гёте разговоры съ Эк-

керманомъ—книга единственная. Въ нихъ то, чего нѣтъ въ его писаніяхъ: слова, которыя могутъ быть сказаны, но не написаны.

Эккерманъ—человѣкъ маленькій. Разсказъ его о жизни и творествѣ Гёте—разсказъ божьей коровки объ орлиномъ полетѣ. Разговоръ великаго съ маленькимъ; но въ томъ-то и величіе солнца, что оно отражается и въ малѣйшей каплѣ воды.

Если бы человѣкъ невѣрующій спросилъ меня, какую книгу прочесть, чтобы найти смыслъ жизни,—я указалъ бы ему на разговоры Гёте. Это самая здоровая и самая цѣлѣбная изъ книгъ. Лучшее лѣкарство для самоубійць: можетъ-быть, многіе отложили бы пулю и ядъ, если бы прочли эту книгу, какъ слѣдуетъ.

«Истину удобно сравнить съ алмазомъ, отъ котораго лучи расходятся не въ одну, а во многія стороны», говоритъ Гёте. Ни у кого лучи истины не расходились, не множились такъ, какъ у него. Отсюда—неизслѣдимость его, непознаваемость, какъ самой природы. Когда мы думаемъ знать о немъ что-нибудь, мы ничего не знаемъ; когда думаемъ сказать о немъ что-нибудь, мы ничего не говоримъ. «О Шекспирѣ нельзя говорить: все будетъ мало», замѣтилъ онъ однажды. Кажется иногда, что по той же причинѣ нельзя говорить и о самомъ Гёте.

Критическіе лоты, сколько бы ни опускались въ это море, не доходятъ до дна. Что, если нѣтъ вовсе дна? Ни низа, ни верха, ни глубины, ни высоты. Бездонность, безбрежность, какъ въ томъ страшномъ царствѣ *Матерей*, куда Мефистофель приглашаетъ Фауста:

Versinke denn! Ich könnt auch sagen: steige!

's ist einerlei.

Опустись же! Я могъ бы сказать: подымись!

Это все равно.

По природѣ своей онъ человѣкъ дѣйственный. Но для дѣйствія нужна точка опоры,—а какая же опора въ безбрежности, бездонности? Чтобы сдѣлать что-нибудь, надо хо-

тѣтъ чего-нибудь. Чего же онъ хочетъ? Всего. Не слишкомъ ли это много для силъ человѣческихъ? Созерцаніе должно ограничиться, сузиться, заостриться въ острее воли, чтобы перейти въ дѣйствіе. «Величайшее искусство,—говоритъ Гёте,—сумѣть ограничить и уединить себя». Этого-то искусства у него самого не было. «Я много потерялъ времени на вещи, которыя не относятся къ моему прямому дѣлу».— «Я все больше понимаю, что значитъ быть дѣйствительно великимъ въ *одномъ* дѣлѣ».

Бывали минуты, когда ему казалось ничтожнымъ все, что онъ сдѣлалъ. Вся его жизнь—не дѣйствіе, а только стремленіе, подготовленіе къ дѣйствию. Начинать и не кончать; дѣлать, но не сдѣлать. Въ этомъ главная мука его, неимоверная усталость, вѣчное вскатываніе Сизифова камня.

Въ безбрежности, бездонности—одна только мель, гдѣ опущенный лотъ почти сразу касается дна. Эта мель—общественность.

Онъ вышелъ изъ революціи, такъ же, какъ Наполеонъ; она породила обоихъ, и оба отъ нея отрекаются. Тутъ вѣчный споръ «отцовъ и дѣтей». На небѣ Кроносъ пожираетъ дѣтей своихъ; на землѣ дѣти пожираютъ отцовъ своихъ.

«Люди будутъ непрестанно колебаться то въ ту, то въ другую сторону, и потому одна часть будетъ страдать, а другая—благоденствовать, и не будетъ конца борьбѣ... Самое разумное—держаться того дѣла, для котораго рожденъ... Либералы могутъ говорить... Но роялистамъ, у которыхъ власть въ рукахъ, рѣчь не къ лицу. Имъ слѣдуетъ двигать войска, рубить головы и вѣшать... Я всегда былъ роялистомъ».

Гёте, благоволящій смертную казнь,—такое плачевное зрѣлище, что хочется пройти мимо, закрывъ глаза.

«Къ чему намъ излишекъ свободы, когда мы не можемъ имъ воспользоваться?—недоумѣваетъ онъ.—Мѣщанинъ столь же свободенъ, какъ и дворянинъ пока держится въ извѣстныхъ, предназначенныхъ ему Богомъ предѣлахъ».

Ну, на этомъ насъ не поймашь: освященіе рабства именемъ Божьимъ—самое древнее и гнусное изъ всѣхъ кощунствъ.

Благословляетъ и смертную казнь слова. «Необходимость возбуждаетъ умъ; вотъ почему мнѣ нравится ограниченіе—свободы печати». Цензура возбуждаетъ умъ, какъ розга кровообращеніе. На это можно только отвѣтить: пусть тотъ, кто думаетъ такъ, самъ ляжетъ подъ розгу.

Да, все это мелко, и если бы рѣчь шла не о Гёте, то надо бы сказать: пошло. Тутъ въ его ясновидѣннїи какая-то слѣпая точка. Кажется, онъ это и самъ чувствуетъ.

«Говорятъ, что я государевъ холопъ... что я не другъ народа. Конечно, я не другъ революціонной черни, которая выходитъ на разбой, убійства и поджоги... Я ненавижу всякій насильственный переворотъ... Все насильственное, всякіе скачки мнѣ противны, потому что они противны природѣ».

Нѣтъ, не противны,—мы уже теперь это знаемъ. Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить законъ эволюціи; нужно допустить и другой, смежный законъ—*прерывности, внезапности, катастрофичности*, — то «непредвидимое» (*imprévisible* Бергсона), что въ стихїи общественной называется революціей.

Въ революціи Гёте не узналъ «демоническаго», что было ему такъ понятно и родственно въ другихъ областяхъ; не узналъ Духа Земли во времени, котораго такъ хорошо зналъ въ вѣчности.

Но обнажать это слабое мѣсто его слишкомъ легко.

«Шекспиръ подаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ, а неумѣлые критики валяютъ въ нихъ картофель». Утверждать, какъ это дѣлаютъ неумѣлые критики самого Гёте, что послѣдняя сущность его—реакція, не значить ли въ серебряныя чаши, вмѣсто золотыхъ яблокъ, валить картофель?

«Извѣстія о начавшейся іюльской революціи дошли сегодня до Веймара и взволновали всѣхъ,—записываетъ Эккерманъ.—Я зашелъ къ Гёте.

«— Ну,—встрѣтилъ онъ меня,—что вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Вулканъ началъ изверженіе; все въ пламени, и это уже не бесѣда при закрытыхъ дверяхъ!»

«— Ужасное событіе!—отвѣчалъ я.—Но чего же было и ожидать при такомъ министерствѣ, какъ не того, что все кончится изгнаніемъ королевской семьи?..

«— Мы, любезнѣйшій, кажется, не понимаемъ другъ друга,—возразилъ Гёте.—Я вовсе не о нихъ говорю; меня занимаетъ совсѣмъ другое, я говорю о публичномъ обсужденіи въ академіи столь важнаго для науки спора между Кювье и Жоффруа де-Сенъ-Илеромъ...»

Можетъ-быть, онъ правъ: знаменитый споръ о происхожденіи видовъ—большее событіе, бѣльшая революція, чѣмъ та, на парижскихъ площадяхъ и улицахъ. Онъ видитъ одну и не видитъ другой; но одна съ другой связана; одна безъ другой невозможна. Июльскій переворотъ—слѣдствіе Великой Революціи, а безъ этой не было бы воздуха, въ которомъ только и могло зажечься пламя спора въ стѣнахъ академіи. «Все въ пламени», радуется Гёте. Но пламя это зажглось на площадяхъ и улицахъ.

Ученіе о міровой эволюціи онъ угадалъ одинъ изъ первыхъ, и торжество его считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни.

«Растеніе развивается отъ узла къ узлу, заканчиваясь цвѣткомъ и сѣменемъ. Не иное и въ мірѣ животномъ: гусеница, солитеръ растутъ отъ узла къ узлу и, наконецъ, образуютъ голову; у высшихъ животныхъ и человѣка позвонки все прибавляются, прибавляются и заканчиваются головою». Развитие организмовъ соотвѣтствуетъ развитію обществъ. Пчелиный улей производитъ матку—голову свою; общество людей—героя.

Въ этомъ очеркѣ міра, можетъ-быть, больше величія, чѣмъ во всемъ художественномъ творествѣ Гёте. Но чтобы такъ увидѣть міръ, надо быть такимъ художникомъ. Тутъ истина и красота—одно.

«Отнынѣ, при испытаніи природы, будутъ взирать на великіе законы творенія, въ таинственную мастерскую Бога... и чувствовать дыханіе Божіе, которое указываетъ движеніе каждой частицы матеріи», опредѣляетъ онъ смыслъ ученія объ эволюціи.

Познавать природу—значить «чувствовать въ ней дыханіе Божіе»; всякое научное открытіе есть и откровеніе религіозное—вотъ сущность Гёте. Разладъ, который проходитъ незаживающей раной по самому сердцу современнаго человѣчества,—разладъ вѣры и знанія,—онъ преодолѣлъ, онъ—первый и единственный.

Кто вѣрить, тотъ еще не знаетъ; кто знаетъ, тотъ уже не вѣрить. «Наукой доказано, что вѣрить нельзя»,—вотъ общее мѣсто научной пошлости, того полужнанія, которое хуже всякаго невѣжества. Гёте есть воплощенное отрицаніе этой пошлости. Онъ знаетъ и вѣрить; чѣмъ больше знаетъ, тѣмъ больше вѣрить. «Малое знаніе удаляетъ насъ отъ Бога, великое приближаетъ къ Нему»,—эти слова Ньютона Гёте оправдалъ на себѣ, какъ никто. «Знаніе и вѣра существуютъ не для того, чтобы уничтожать другъ друга, а чтобы восполнять», сказалъ онъ, и не только сказалъ, но и сдѣлалъ. Его соединяющее,—какъ онъ любилъ выражаться: «синтетическое» знаніе есть новое, небывалое въ религіозномъ опытѣ человѣчества приближеніе къ Богу.

Новѣйшая философія «творческой эволюціи (évolution créatrice Бергсона) слѣдуетъ вплотную за Гёте, когда утверждаетъ, что исключительно механическое, разсудочное толкованіе міра недостаточно. Оно нерелигіозно, потому что ненаучно.

«Разсудокъ не достигаетъ природы,—говоритъ Гёте,—человѣкъ долженъ возвыситься до высочайшаго разума, чтобы прикоснуться къ божеству, которое открывается въ живомъ, а не въ мертвомъ».—«Существуютъ явленія первичныя (Urhäpomenen), божественную простоту которыхъ разрушать не слѣдуетъ».—«Я всегда былъ увѣренъ, что *міръ не могъ бы существовать, если бы не былъ такъ простъ*». Это одна изъ глубочайшихъ мыслей Гётевой религіи. Простота міра и есть его чудесность, таинственность, божественность. «Всѣ мы бродимъ ощупью среди тайнъ и чудесъ». Явленія природы суть богоявленія. «Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ въ познаніи, есть чувство *изумленія* (Erstaunen)».

Никто не обладалъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, этимъ даромъ изумленія. Оно-то и соединяетъ для него науку съ религіей.

— «Богъ жалѣетъ вопіющихъ къ нему воронять!—воскликаетъ онъ по поводу выкармливанія чужихъ птенцовъ маткою. — Кто слышитъ это и не вѣруетъ въ Бога, тому не помогутъ ни Моисей, ни пророки. Вотъ что я зову вездѣсущіемъ Божиимъ».

Естественная исторія — продолженіе священной, книга природы—продолженіе Библии, и подлинность обѣихъ одинакова.

Матка-малиновка кормитъ дѣтенышей въ клѣткѣ, когда ее выпускаютъ въ окно,—возвращается къ нимъ. Эккерманъ, наблюдающій за нею, тронуть этимъ до глубины сердца. Онъ разсказалъ объ этомъ Гёте.

— «Глупый вы человѣкъ,—возразилъ тотъ, улыбаясь многозначительно:—если бы вы вѣрили въ Бога, то не удивлялись бы. Онъ приводитъ въ движеніе міръ; природа въ Немъ, и Онъ въ природѣ... Если бы Богъ не одушевлялъ птицы этимъ всемогущимъ влеченіемъ къ ея дѣтенышамъ, если бы подобное стремленіе не проникало всего живого, то и міръ не могъ бы существовать. Всюду распространена божественная сила, и всюду дѣйствуетъ вѣчная любовь».

Въ проповѣди св. Франциска «сестрамъ-птицамъ» брезжитъ то, что здѣсь, у Гёте, сіяетъ полнымъ свѣтомъ: *«Богъ не почилъ отъ дѣлъ Своихъ»*. Ученіе объ эволюціи есть созерцаніе этого не почившаго, дѣлающаго, творящаго Бога. Тутъ, повторяю, новое, небывалое въ религіозномъ опытѣ человѣчества: чтобы такъ вѣрить, надо такъ знать.

Познаніе души человѣческой приводитъ его къ тому же, къ чему познаніе природы. Можетъ-быть, нигдѣ религіозное чувство его не достигаетъ такой убѣдительной, *осязательной* подлинности, какъ въ чувствѣ личнаго безсмертія.

Идея безсмертія связана для него все съ тою же идеей творческой эволюціи. «Для меня убѣжденіе въ вѣчной жизни истекаетъ изъ понятія о вѣчной дѣятельности: если я работаю безъ отдыха до конца, то природа *обязана* даровать мнѣ

иную форму бытія, когда настоящая уже не въ силахъ будетъ удержать мой духъ».

Это только догадка; но если всё его догадки о природѣ оказались вѣрными, то почему бы и не эта? Уничтоженіе такого человѣка, какъ онъ, не бѣлая ли безсмыслица, чѣмъ та, о которой сказано: *credo quia absurdum*.

Однажды, во время прогулки въ окрестностяхъ Веймара, глядя на заходящее солнце, задумался онъ и сказалъ словами древняго поэта:

И, заходя, остаешься все тѣмъ же свѣтиломъ!

«При мысли о смерти,—добавилъ онъ,—я совершенно спокоенъ, потому что твердо убѣжденъ, что нашъ духъ есть существо, природа котораго остается неразрушимую и непрерывно дѣйствуетъ изъ вѣчности къ вѣчности; онъ подобенъ солнцу, которое заходитъ только для нашего земного ока, а на самомъ дѣлѣ никогда не заходитъ»

Въ эту минуту онъ самъ подобенъ заходящему солнцу: знаетъ, такъ же какъ оно, что опять взойдетъ.

Въ разговорѣ съ Фалькомъ въ день похоронъ Виланда онъ выразилъ это чувство безсмертія еще съ большею силою.

— «Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ въ природѣ не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи такихъ высокыхъ душевныхъ силъ; природа никогда не расточаетъ такъ своихъ сокровищъ»...

Изложивъ свое ученіе о душахъ-монадахъ, сходное съ ученіемъ Лейбница, онъ продолжаетъ:

— «Минута смерти есть именно та минута, когда властвующая монада освобождаетъ своихъ дотолѣ подданныхъ монадъ. Какъ на зарожденіе, такъ и на это преставленіе, я смотрю, какъ на самостоятельныя дѣйствія этой главной монады, собственная сущность которой намъ вполне неизвѣстна... Объ уничтоженіи нечего и думать; но стоитъ поразмыслить о грозящей намъ опасности быть захваченными и подчиненными монадой, хотя и низшею, но сильною»...

«Въ это время на улицѣ пролаяла собака. Гёте чувствуетъ отъ природы нелюбовь къ собакамъ». (Не даромъ Мефистофель вышелъ изъ чернаго пуделя).

Тогда произошло что-то странное, почти жуткое. Гёте вдругъ остановился, поспѣшно подошелъ къ окну и закричалъ:

— «Ухищрайся, какъ хочешь, ларва, а меня ты не захватишь въ плѣнъ!» (larva значитъ по-латински привидѣніе, призракъ, пустая оболочка души).

«Никогда, ни раньше, ни позже, я не видалъ его въ такомъ состояніи», замѣчаетъ Фалькъ.

— «Эта низкая сволочь, — заговорилъ Гёте снова, послѣ молчанія, болѣе спокойнымъ голосомъ,—важничаютъ выше мѣры. Въ нашемъ планетномъ закоулкѣ мы принуждены жить съ настоящими подонками монады, и если на другихъ планетахъ узнаютъ о томъ, то такое общество не принесетъ намъ чести»...

И закончилъ торжественно:

— «Монады принимаютъ участіе въ радостяхъ боговъ какъ блаженныя, сотворческія силы. Имъ вѣрено становленіе творенія. Свободныя, идутъ онѣ по всѣмъ путямъ, со всѣхъ вершинъ, изъ всѣхъ глубинъ, отъ всѣхъ созвѣздій,— и кто ихъ удержитъ? Я увѣренъ, что я—тотъ самый, кто передъ вами уже тысячи разъ жилъ и еще буду жить тысячи разъ»...

Образъ Гете-олимпійца, кричащаго псу съ какой-то нездѣшной яростью: «Ларва, низкая сволочь!»,—останется навѣки однимъ изъ богоподобныхъ человѣческихъ образовъ. Тутъ, какъ будто въ темнотѣ, не видя предмета, мы его нащупываемъ: уже не вѣримъ въ безсмертіе, а знаемъ, осязаемъ, чувствуемъ: вотъ оно.

Какъ относится религія Гёте къ христіанству?

«Для меня Христось, — признается онъ въ минуту откровенности, — навсегда останется существомъ въ высшей степени значительнымъ, но загадочнымъ». (Mir bleibt Christus immer ein hochst bedeutendes, aber problematisches Wesen).

Я за тобой не пойду...
Folgen mag ich dir nicht...

— обращается онъ ко Христу въ одной изъ своихъ венеціанскихъ эпиграммъ и кощунствуетъ о Воскресеніи съ возмутительной легкостью.

А въ разговорѣ съ Эккерманномъ утверждаетъ: «Сколько бы ни возвышался духъ человѣческій, высота христіанства не будетъ превзойдена».—«Величіе Христа настолько божественно, насколько вообще божественное можетъ проявиться на землѣ».

Но, поклоняясь Христу, онъ проходитъ мимо Него, и, въ концѣ-концовъ, Гретхенъ, кажется, все-таки права, когда говоритъ Фаусту-Гёте:

Steht aber doch immer schief darum,
Denn du hast kein Christentum.
А все же что-то тутъ неладно
Затѣмъ, что ты не христьянинъ.

Тутъ, впрочемъ, неладно не только у Гёте, но и у всего современнаго человѣчества. Что это, отступленіе? Можетъ-быть. Но чье, — наше отъ Христа, или Христа отъ насъ? «Отступи отъ меня, чтобы я могъ подкрѣпиться прежде, нежели отойду и не будетъ меня». Кажется, эта молитва исполняется. Онъ отступилъ отъ насъ, чтобы мы могли подкрѣпиться: такъ мать отступаетъ отъ ребенка, котораго учить ходить; ребенокъ пугается, но не успѣетъ упасть, какъ она обниметъ его и поддержитъ опять.

Ясно одно: что религія Гёте не совпадаетъ съ христіанствомъ. Въ христіанствѣ не понимаетъ онъ чего-то главнаго, — не того ли прерывнаго, катастрофичнаго, внезапнаго, непредвидимаго, что въ религіи называется Апокалипсисомъ, а въ общественности—революціей?

Но если одна часть его религіознаго опыта меньше, то другая—больше, чѣмъ историческое христіанство. Послѣднее соединеніе вѣры и знанія, откровеніе Духа, «дыханія Божьяго» въ природѣ, которое предчувствуетъ онъ, выходитъ за предѣлы христіанства.

А если это не оно, то что же?

Объ этомъ говорить трудно; для этого у насъ еще нѣтъ языка, нѣтъ имени. Но если говорить на языкѣ христіанской догматики, тутъ, кажется, условномъ и недостаточномъ, то можно бы сказать, что это религія не Отца и не Сына, а Духа.

Духъ названъ *Утѣшителемъ*, какъ будто Сынъ огорчаетъ, а Духъ утѣшаетъ. Мы не знаемъ, — мы только предчувствуемъ, что, въ противоположность христіанству огорчающему, религія Духа будетъ утѣшительной. Кажется, Гёте это предчувствовалъ больше, чѣмъ кто-либо.

Какъ бы, впрочемъ, ни относилась его религія къ христіанству, она уже сама по себѣ есть пророчество, — пророчество о томъ, что въ современномъ человѣчествѣ убыль религіознаго духа временна, и что прибыль его неминуема.

И, заходя, остаешься все тѣмъ же свѣтиломъ

— могли бы мы сказать заходящему солнцу религіи. Что оно взойдетъ, — онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо.

Для насъ, русскихъ, явленіе Гёте особенно значительно.

Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ; какъ ни сближайся Россія съ Европою, — все тяготѣетъ къ Азіи. На словахъ — тяготѣніе къ Западу, на дѣлѣ — къ Востоку. Православіе — христіанство восточное.

Du hast kein Christentum.

Ты не христіанинъ.

— говоритъ, какъ Гретхенъ Фаусту, святая Русь грѣшному Западу. *«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»*, — это мы тоже говоримъ, — говоримъ, но не дѣлаемъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и усомнимся въ самой сути просвѣщенія вселенскаго, т.-е. европейскаго, ибо иного взять негдѣ, — усомнимся, добро оно или зло, отъ Бога или отъ дьявола; нѣтъ-нѣтъ, да и подумаемъ: не опроститься ли, не отправить ли всю европейскую цивилизацію къ чорту и не начать ли сызнова, «по-мужицки, по-дурацки», по-

Божьему? Что это не только нелѣпая, но и нечестивая мысль, — мы все еще не поняли, какъ слѣдуетъ.

Вотъ отъ этого-то русскаго яда лучшее противоядіе Гёте. Лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ онъ, что просвѣщеніе — отъ Бога; хотя и «язычникъ», съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ иные христіане, могъ бы сказать: свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ; лучше, чѣмъ кто-либо, могъ бы напомнить намъ, что и Европа—Святая Земля.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя,

— исходилъ не только нашу, но и ту родную, святую землю—Европу.

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.
Кто вѣчно трудится, стремясь,
Того спасти мы можемъ,

— поютъ ангелы, «вознося въ горнія безсмертную часть Фауста».

«Въ этихъ словахъ,—говоритъ Гёте,—ключъ къ спасенію Фауста». Можетъ-быть, и къ спасенію всего европейскаго Запада: онъ вѣдь тоже «вѣчно трудится, стремясь».

А мы, не трудящіеся, не стремящіеся, чѣмъ спасемся? Праздностью, косностью, сидѣньемъ сложа руки, созерцаніемъ, недѣланіемъ, обломовщиной? Не будемъ себя обманывать: лѣнтяи, бездѣльники не войдутъ въ Царствіе Божіе. Бездѣльники—безбожники, сколько бы ни говорили о Богѣ. Вотъ страшный и спасительный урокъ, который даетъ намъ Гёте.

Л. Толстой и Гёте—два сторожевыхъ изваянія въ преддверіи двухъ вѣковъ, двухъ міровъ. Кому изъ нихъ отдастъ человѣчество сердце свое? За кѣмъ пойдетъ? Во всякомъ случаѣ, для насъ, русскихъ, во Л. Толстомъ—соблазны безконечные, и не побѣдитъ ихъ никто, кромѣ Гёте.

МОНТАНЬ.

Книга Монтаня менѣе всего напоминаетъ то, что принято называть философскою системою. Это скорѣе обширный сборникъ случайныхъ, разрозненныхъ замѣтокъ; громадный дневникъ, обнимающій цѣлую человѣческую жизнь; безпорядочная, пестрая смѣсь мыслей, записокъ, цитатъ, шутокъ, стихотвореній въ прозѣ разсказовъ, хроникъ, воспоминаній. Онъ показываетъ намъ не только святая святыхъ своего сердца, на что способенъ каждый искренній писатель, но и свой кабинетъ, столовую, дѣтскую, спальню жены, мелкія прозаическія подробности повседневной жизни, на что безъ крайней необходимости и чувства опасенія не рѣшается самый чистый, непорочный человѣкъ. Онъ—безстрашнѣе, чѣмъ Ж.-Ж. Руссо въ своей *Исповѣди*,—показываетъ намъ все свое существо; не прячетъ ни одного недостатка не только изъ крупныхъ, но и изъ самыхъ мелкихъ, т.-е. самыхъ некрасивыхъ, которые умные люди скрываютъ такъ тщательно и ревниво. Онъ очень мало заботится, дурнымъ или хорошимъ, красивымъ или безобразнымъ покажется,—только бы его увидѣли и поняли. И все же, въ концѣ-концовъ, онъ, какъ истинный художникъ, неудовлетворенъ, сознавая, что глубокая, темная часть его существа осталась невысказанной и необнаженной.

Въ этомъ детальномъ психологическомъ *самоанализѣ*—вся философія Монтаня. Правда, у него есть элементы для стройной, если не метафизической, то, по крайней мѣрѣ, общественной и этической системы: это вполнѣ законченный и чудесно обработанный матеріалъ для великолѣпной по-

стройки. Но Монтанъ питаетъ отвращеніе къ излишней симметріи: онъ слишкомъ любитъ естественное, случайное и безъискусственное. Онъ предпочитаетъ оставить матеріаль своей философской мысли въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ его изъ рукъ природы и жизни. *Опыты* Монтаня можно сравнить съ дико-разросшимся, густымъ и живописнымъ лѣсомъ, гдѣ легко заблудиться. Линіи, краски, игра тѣней и свѣта, формы цвѣтовъ и растеній, пѣніе птицъ,—все здѣсь естественно, неправильно и беспорядочно. При видѣ громадныхъ деревьевъ, мѣшающихъ другъ другу, обыкновенному философу-строителю, навѣрное, пришло бы въ голову практичное соображеніе: хорошо срубить всѣ деревья, распилить на доски, стропила, бревна и построить по всѣмъ правиламъ архитектурнаго искусства симметричное зданіе метафизической системы, гдѣ все ясно и понятно, гдѣ нѣтъ возможности заблудиться. Но Монтанъ предпочелъ дремучій лѣсъ, безъ дорогъ и просѣкъ. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что за внѣшнею неправильностью и беспорядкомъ скрывается иная, высшая стройность и единство. Онъ понималъ, что движеніе капли сока въ стебляхъ травы, развѣтвленіе корней, ростъ листа,—словомъ, всѣ безсознательные, естественные процессы *органическаго* развитія иногда совершеннѣе, чѣмъ работа тонкихъ и сложныхъ человѣческихъ инструментовъ. Невозможно привести въ систему взгляды Монтаня, не причинивъ имъ вреда, не испортивъ ихъ цементомъ и искусственными спайками, неизбежными при всякой постройкѣ. Можно только *назвать* главные составные элементы его философіи, опредѣлить главные породы безчисленныхъ цвѣтовъ и растеній, встрѣчающихся въ его лѣсу. Но слѣдуетъ заранѣе предупредить, что эстетическое впечатлѣніе лѣса непередаваемое.

Сомнѣніе для Монтаня—не средство и не цѣль. Оно не возводится въ верховный, всепроникающій принципъ, какъ у Пиррона, съ которымъ, впрочемъ, Монтанъ имѣетъ много общаго,—скептицизмъ его не болѣе, какъ простая

привычка ума, излюбленное настроеніе. Онъ сомнѣвается во всемъ, но съ чисто-теоретической точки зрѣнія: не во имя какого-либо незыблемаго положительнаго принципа, но во имя отрицанія всякихъ принциповъ, всякой доктрины. Онъ родился, а не сдѣлался скептикомъ. По натурѣ это—человѣкъ спокойнаго, уравновѣшеннаго темперамента; по соціальному положенію—сеньоръ, баринъ; по вкусамъ—дилетантъ. Ему чрезвычайно удобно быть безпристрастнымъ, чуждымъ всякихъ увлеченій и крайностей, потому что судьба избавила его отъ необходимости участвовать въ реальной жизненной борьбѣ, гдѣ опасность, чувство самосохраненія, сила ненависти и любви вдохновляютъ человѣка вѣрой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаютъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограниченнымъ, нетерпимымъ и узкимъ. Вѣчный зритель, съ громаднымъ запасомъ чисто-французской веселости и общечеловѣческаго здраваго смысла, онъ такъ хорошо изучилъ комическую сторону всѣхъ крайностей и увлеченій, что самъ уже не способенъ попасться на удочку. Если у него нѣтъ твердыхъ убѣжденій, то нѣтъ и предразсудковъ; если онъ чуждъ истинной вѣры, то чуждъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всякихъ суевѣрій. Послѣдняя цѣль его скептицизма въ томъ, чтобы объяснить читателю, почему лично онъ, Монтанъ, не способенъ примкнуть ни къ какой партіи, сектѣ или школѣ.

Впрочемъ, мимоходомъ и по своему обыкновенію безъ всякой системы указываетъ онъ и на нѣкоторые объективные источники сомнѣнія. Первый—сознаніе огромности міра, безконечнаго разнообразія міровыхъ явленій и полнаго ничтожества человѣка. «Сомнѣніе—наша естественная, прирожденная болѣзнь. Человѣкъ—самое несчастное и хрупкое изъ всѣхъ созданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое надменное: чувствуя себя помѣщеннымъ въ грязи и нечистотѣ, прикованнымъ къ худшей, безжизненной и гнилой части мірозданія, къ подвальному этажу вселенной, наиболѣе удаленному отъ неба, въ сосѣдствѣ съ животными и гадами, онъ въ гордынѣ своей превозноситъ себя выше звѣздъ, ногами попираетъ небо». Кто далъ ему на это право? Онъ видитъ

ничтожный клочокъ міра и по этой безконечно малой части осмѣливается судить о цѣломъ.

И такъ, вотъ первый источникъ скептицизма—ничтожество круга явленій, доступныхъ нашему изслѣдованію, и ограниченность самой познавательной способности.

Второй источникъ—полнѣйшая и неизбѣжная зависимость мысли отъ эмоціи, изслѣдованія—отъ постоянно мѣняющагося, субъективнаго настроенія изслѣдователя. «Мы думаемъ,—говоритъ Монтанъ,—только то, что хотимъ думать, и только въ то время, пока хотимъ. Подобно кожѣ хамелеона, наше существо мѣняется подъ вліяніемъ окружающей обстановки... Человѣкъ—воплощенное колебаніе и непостоянство:

Ducimur, ut nervis alenis mobile lignum

(т.-е. «мы движемся, какъ автоматы»). Мы не сами идемъ, а даемъ себя увлечь, подобно предметамъ, уносимымъ теченіемъ, то медленно, то быстро, смотря по тому, спокойно или бурно течетъ вода... Мы вѣчно колеблемся между различными мнѣніями: мы не желаемъ ничего свободно, ничего абсолютно, ничего постоянно». «Ноги мои такъ нетверды, опираются на такую зыбкую почву, что она грозитъ ежеминутно проваломъ; зрѣніе мое такъ ненадежно, что натошакъ я чувствую себя совсѣмъ иначе, чѣмъ послѣ ѣды; если я здоровъ и погода ясная, я любезенъ и привѣтливъ; если меня беспокоятъ мозоли, я дѣлаюсь угрюмымъ, злымъ и несообщительнымъ».

Кромѣ безчисленныхъ, неизбѣжныхъ и неуловимыхъ физическихъ вліяній, множество нравственныхъ, какъ, на примѣръ, самолюбіе, корысть, личная выгода, вражда, любовь, видоизмѣняютъ по своему произволу наше сужденіе, увлекаютъ въ самыя противоположныя крайности, нарушаютъ его правильность и безпристрастіе. «Вы, на примѣръ, излагаете какое-нибудь дѣло адвокату, онъ отвѣчаетъ вамъ неувѣренно и неопредѣленно; вы чувствуете, что онъ равнодушенъ къ дѣлу, что ему все равно поддерживать ту или другую сторону; но попробуйте хорошенько заплатить

ему, и онъ сразу принимаетъ живое участіе въ дѣлѣ, начинаетъ горячиться, дремавшая воля напрягается, употребляетъ въ дѣло весь свой разумъ, все свое знаніе, и вотъ ему уже кажется, что онъ видитъ несомнѣнную истину, онъ до извѣстной степени искренне вѣритъ, заставляя и васъ повѣритъ, въ правоту вашего дѣла». Итакъ, умъ человѣческій, непостоянный, зыбкій, измѣнчивый, ни на чемъ не можетъ остановиться, колеблется и блуждаетъ.

Velut minuta magno
Deprensa navis in mari vesaniante vento.

(«Какъ ничтожная ладья, гонимая въ открытомъ морѣ простнымъ вѣтромъ»).

Люди не могли сговориться даже по поводу того, что разумѣть благомъ: одинъ древній писатель, Варронъ, насчитываетъ нѣсколько сотенъ сектъ, расходящихся по вопросу о высшемъ благѣ. Философія представляетъ безчисленное множество направленій, школъ, толковъ, непримиримыхъ и разногласныхъ, которые возводятъ на степень абсолютной истины самыя нелѣпыя фантазіи. Въ нихъ находится все, что только можетъ создать человѣческое воображеніе. *Nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum* (т.-е. «нѣтъ такой нелѣпости, которая не была бы сказана какимъ-нибудь философомъ»). Но если человѣкъ не знаетъ своего блага, потому что каждый понимаетъ его исключительно и субъективно, не знаетъ своего разума, потому что разумъ представляетъ непостоянную, безконечно-измѣнчивую величину, не знаетъ своей воли, потому что она является лишь слагаемымъ безчисленныхъ и произвольныхъ внѣшнихъ вліяній, — словомъ, если человѣкъ не знаетъ даже самого себя, то что же доступно его познанію въ остальномъ мірѣ? Не смѣялся ли надъ нами философъ Протагоръ, принимавшій человѣка за мѣру вещей, — человѣка, который и своей-то мѣры не знаетъ; не хотѣлъ ли мудрецъ лишь показать, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакого руководящаго начала, никакой путеводной нити въ хаосъ несвязныхъ впечатлѣній?

Сомнѣніе Монтаня отличается одною характерной чертой, которая дѣлаетъ скептицизмъ его оригинальнымъ, не похожимъ ни на какое другое философское настроеніе, — *сомнѣніе его*, прежде всего, *веселое жизнерадостное*. Онъ только въ теоріи, играючи и мимоходомъ, разрушаетъ вѣковѣчные предрассудки и вѣрованія. Въ ту историческую эпоху, когда писалъ Монтань, у скептицизма едва-едва прорѣзывались зубы; это былъ Геркулесъ, не сознающій своей силы. Сомнѣніе не успѣло еще приобрести ядовитаго жала. Несмотря на смѣлость своихъ теоретическихъ взглядовъ, Монтань—искреннѣйшій человекъ въ мірѣ—вполнѣ добросовѣстно и наивно считалъ себя вѣрнымъ сыномъ католической церкви и подданнымъ французскаго короля: всю жизнь онъ, ничего не подозревая, игралъ огнемъ надъ пороховымъ погребомъ.

Мы уже видѣли отчасти логическое основаніе его скептицизма. Онъ отлично понималъ чисто-словесное значеніе физическихъ споровъ. «Наши вопросы,—говоритъ Монтань,—состоятъ изъ пустыхъ словъ, и отвѣты на нихъ такіе же. Положимъ, вы утверждаете, что камень—тѣло; но тотъ, кто сталъ бы продолжать вопросы: «а тѣло что такое?»—«Субстанція».—«А что такое субстанція?»—довель бы васъ, наконецъ, до невозможности отвѣчать. Одно слово мѣняется на другое, притомъ часто на еще болѣе непонятное: я лучше знаю, что такое человекъ, чѣмъ что такое животное, смертный или разумный. Желая уничтожить одно сомнѣніе, производятъ три новыхъ—это напоминаетъ голову лернейской гидры». «Нѣтъ ничего постояннаго, твердаго,—воскликаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ни въ природѣ, ни въ насъ; и мы сами, и всѣ наши сужденія, и всѣ конечные предметы текутъ, катятся безостановочно; не можетъ быть никакого неизмѣннаго, устойчиваго отношенія между нашею мыслью и внѣшнимъ міромъ, такъ какъ и наблюдатель, и наблюдаемое находятся въ непрерывномъ измѣненіи и колебаніи». *Que sais-je?* — вопросъ, бывший девизомъ Монтаня, въ двухъ словахъ отлично формулируетъ его скептическое настроеніе.

«Въ настоящее время,—говорить Монтань,—мы гораздо больше заняты объясненіями объясненій, чѣмъ объясненіями самихъ вещей, и существуетъ больше книгъ, трактующихъ о книгахъ, чѣмъ о какомъ-либо другомъ предметѣ: мы умѣемъ только писать примѣчанія другъ на друга. Повсюду кишатъ комментаріи, самостоятельныхъ авторовъ мало. Понимать ученыхъ—вотъ главнѣйшая и высшая наука нашего времени, вотъ общая и послѣдняя цѣль нашихъ усилій». Первое изъ мнѣній служитъ стеблемъ для второго, второе—для третьяго, такимъ образомъ мы идемъ по ступенькамъ лѣстницы, воображая, что достигли высоты; между тѣмъ, тотъ, кто стоитъ на вершинѣ, едва-едва на волосокъ выше стоящихъ у первой ступеньки. Мы наполняемъ только память; разумъ и совѣсть остаются пустыми.

Подобно тому, какъ птицы, держа зерна въ клювѣ, не проглатывая ихъ, бережно несутъ, чтобы переложить въ клювъ птенцовъ, такъ наши педанты, поклевавъ кое-какого знанія въ книжкахъ, помѣщаютъ пищу на самомъ краю губъ единственно съ тою цѣлью, чтобы выбросить ее изо рта въ неприкосновенномъ видѣ». Но и питомцы ихъ также не умѣютъ проглотить пищи и передаютъ ее слѣдующему поколѣнію: такимъ образомъ она переходитъ отъ однихъ къ другимъ, бесполезная и употребляемая только для забавы или для удовлетворенія тщеславія. Наукой занимаются люди самые заурядные, руководимые грубымъ матеріальнымъ расчетомъ. Она утратила свое высокое назначеніе раскрывать смыслъ жизни, указывать человѣчеству путь къ нравственному совершенству. «Заботы и издержки нашихъ отцовъ направлены исключительно къ тому, чтобы, такъ сказать, мебелировать наши головы различными свѣдѣніями: объ умѣ и добродѣтели никто не заботится».

Монтань примѣняетъ свой скептицизмъ не только къ теоретической области человѣческой дѣятельности, но и къ практической.

Онъ сильно сомнѣвается въ законности *соціальныхъ неравенствъ*. «Охотничья собака цѣнится по быстротѣ, а не

по ошейнику; соколъ — по крыльямъ, а не по сбруѣ и позвонкамъ: почему же не цѣнимъ мы человѣка по тому, что составляетъ часть его самого? У него роскошное убранство, великолѣпный дворецъ, большой кредитъ, большіе доходы, но все это вокругъ него, а не въ немъ самомъ». Философъ безстрашно, хотя въ практическомъ отношеніи и не особенно опасно, нападаетъ на королевскую власть. «На короля, ослѣпляющаго васъ величіемъ и блескомъ, посмотрите, когда упадетъ занавѣсъ: онъ самый обыкновенный человѣкъ, нерѣдко хуже послѣдняго изъ подданныхъ... Трусость, нерѣшительность, честолюбіе, злоба, зависть волнуютъ его такъ же, какъ и всякаго другого:

Non enim gazae, neque consularis
Summovet lictor miseros tumultus
Mentis, et curas laquæta circum
Tecta volantes.

(«Ни сокровища, ни консульскій ликторъ не прогоняютъ черныхъ думъ и заботъ, витающихъ подъ золотыми потолками»).

«И тревога, и опасеніе держатъ царя за горло среди его громаднаго войска. Заботы не боятся шума и блеска оружія. Развѣ лихорадка, головная боль, подагра пощадятъ короля скорѣе, чѣмъ насъ, простыхъ смертныхъ? Развѣ въ то время, когда старость будетъ у него за плечами, стражи, поставленные у дверей, защитятъ его? Когда обниметъ его ужасъ смерти,—развѣ придворные помогутъ ему? Когда онъ будетъ не въ духѣ или ревновать,—развѣ наши поклонны возвратятъ ему душевное спокойствіе. Эти завѣсы надъ постелью, вышитыя золотомъ и жемчугомъ, не обладаютъ ни малѣйшею способностью утолять страданія во время болѣзни». Поэтъ Гернадоръ сочинилъ стихи въ честь Антигоны, въ которыхъ называлъ его сыномъ солнца. На это царь возразилъ ему: «тотъ, кто выливаетъ изъ моего горшка, засвидѣтельствуетъ, что ты ошибся». Лъстецы старались увѣрить Александра въ его божественномъ происхожденіи, но однажды, будучи раненъ, онъ указалъ имъ на кровь, вытекающую изъ раны, и произнесъ: «Смотрите,

будете ли вы еще спорить? Развѣ это не настоящая человѣческая кровь? Развѣ она похожа на ту, что, по словамъ Гомера, струилась изъ ранъ боговъ?»

Монтанъ сомнѣвается въ самой сущности *законовъ* и *государства*. Законы по необходимости представляютъ неподвижныя и постоянныя нормы, тогда какъ человѣческія дѣйствія безконечно-измѣнчивы и разнообразны; очевидно, что при наложеніи ни одна юридическая норма не можетъ вполне совпасть и покрыть собой ни одного человѣческаго дѣйствія, въ которомъ всегда останется нѣкоторый элементъ, несоизмѣримый съ существующими законами. Этотъ-то элементъ и подаетъ поводъ къ произволу судей. «Самые рѣдкіе и общіе законы—наиболѣе желательныя. И все-таки, мнѣ кажется, что лучше было бы вовсе не имѣть ихъ, чѣмъ имѣть въ такомъ количествѣ, въ какомъ они существуютъ у насъ. Естественныя законы, всегда справедливыя тѣхъ, которые устанавливаемъ мы: объ этомъ свидѣтельствуетъ изображеніе золотого вѣка у поэтовъ и счастливое состояніе вновь открытыхъ племенъ, у которыхъ нѣтъ никакого государственнаго устройства». Законы, по мнѣнію Монтаня, пользуются уваженіемъ не потому, что они справедливы, а только потому, что они—законы. «Въ этомъ и ни въ чемъ другомъ заключается мистическое основаніе ихъ авторитета. Они нерѣдко сочиняются дураками, чаще такими людьми, которые, ненавидя равенство, не понимаютъ справедливости, но всегда *людьми*, т. е. суетными и невѣжественными созданіями. Не существуетъ болѣе тяжелой и глубокой несправедливости, чѣмъ та, которая заключается въ законахъ». «Подумайте о дѣйствіи законовъ, которые нами управляютъ,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — вотъ, поистинѣ, свидѣтельство людской глупости: такъ много въ немъ противорѣчій и ошибокъ. То, что мы привыкли называть милосердіемъ и строгостью законовъ, составляетъ болѣзненное, разлагающее начало, несправедливыя отклоненія въ самомъ сердцѣ, въ самой сущности справедливости». Что можетъ быть чудовищнѣе того, что цѣлый народъ обязанъ слушаться законовъ, про которые ему никто никогда не говорилъ? Во всѣхъ

своихъ домашнихъ дѣлахъ — свадьбахъ, передачѣ имущества, правѣ наслѣдства, куплѣ и продажѣ, онъ связанъ правилами, которыхъ не имѣетъ возможности знать, потому что они не обнаружены на'его родномъ языкѣ».

Монтанъ смѣется надъ важностью такъ называемыхъ государственныхъ дѣлъ. Съ большою церемоніей и пышностью собираютъ умнѣйшихъ людей королевства для торжественныхъ засѣданій, для разсужденія о великихъ вопросахъ, между тѣмъ какъ рѣшеніе ихъ всецѣло принадлежитъ капризу какой-нибудь хорошенькой женщины или сплетнямъ дамскихъ будуаровъ. И возникшія, такимъ образомъ, постановленія нерѣдко тяготѣютъ надъ цѣлыми народами

Сомнѣніе Монтаня касается и *религіи*. Впрочемъ, онъ добросовѣстно старается выгородить католическую религію изъ общаго скептическаго отрицанія, что, однако, не всегда ему удается. Такъ, напримѣръ, у него есть цѣлая глава, посвященная остроумной и увлекательной апологіи самоубійства, которое съ точки зрѣнія католической нравственности является величайшимъ грѣхомъ.

Разсуждая теоретически, онъ смотритъ на смерть, какъ на освобожденіе отъ всѣхъ мученій, что также вовсе не согласно съ христіанскимъ міросозерцаніемъ, по которому грѣшники осуждаются послѣ смети на муки ада. «Подобно тому, какъ наше рожденіе есть для насъ рожденіе всего міра, такъ смерть всего міра будетъ нашею смертью. Вотъ почему такъ же безумно плакать о томъ, что насъ не будетъ черезъ сто лѣтъ, какъ и о томъ, что сто лѣтъ тому назадъ насъ не было». Только при весьма туманномъ и неопредѣленномъ представленіи о будущей жизни можно строить такіе успокоительные силлогизмы, отъ которыхъ вѣетъ чисто-языческимъ, дохристіанскимъ материализмомъ.

Вотъ какъ Монтанъ опредѣляетъ самого себя. «Я очень праздненъ и лѣнивъ по природѣ и по убѣжденію; для меня все равно, пролить ли за что-нибудь кровь или посвятить чему-нибудь заботы. У меня душа свободная и никому не

подчиненная, привыкшая слѣдовать лишь собственной волѣ; до сихъ поръ, не будучи никѣмъ управляемымъ, не зная надъ собой никакой власти, никакой внѣшней силы, я шель, куда вздумается, жилъ, какъ мнѣ нравится. Это *изнѣжило меня и, лишая возможности приносить пользу другимъ, заставило жить только для самого себя*. Въ сумму необходимыхъ затратъ по хозяйству онъ включаетъ и то, что будетъ, по его предположенію, украдено слугами. «Я не интересуюсь знать, сколько у меня денегъ въ каждую данную минуту для того, чтобы меньше чувствовать понесенныя потери. Я прошу домашнихъ моихъ въ случаѣ, если они не могутъ относиться ко мнѣ честно и добросовѣстно, обманывать меня, по крайней мѣрѣ, и утѣшать благопристойною наружностью». Онъ чувствуетъ себя положительно неспособнымъ заниматься никакими житейскими дѣлами, никакою продолжительною работою, требующею систематичности и напряженнаго вниманія. Въ подробностяхъ будничной жизни онъ неопытенъ и беспомощенъ, какъ ребенокъ, какъ Обломовъ. Онъ не умѣетъ считать на счетахъ, не знакомъ съ цѣнностью большинства монетъ, не знаетъ отличія одного зерна отъ другого, названія самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій, фруктовъ, говядины, овощей, цѣнности обыкновенныхъ товаровъ. Немного конфузясь, но не безъ нѣкотораго кокетства, онъ признается: «только недавно узналъ я, что значить замѣсить хлѣбы и дать перебродить вину». «Если я долго проживу,—смѣется онъ надъ собой,—я, кажется, забуду собственное имя». Какъ истинный баринъ, онъ не скрываетъ своего глубокаго отвращенія къ денежнымъ дѣламъ. «О, презрѣнное занятіе!—вослицаетъ онъ,—слѣдить за доходами, считать и пересчитывать деньги, взвѣшивать ихъ, любоваться ими! Такимъ именно путемъ скупость вкрадывается въ наше сердце». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ненавидитъ бѣдность, боится ея не меньше, чѣмъ болѣзни и страданія. Ему хотѣлось бы быть окруженнымъ всевозможными удобствами и комфортомъ, но такъ, чтобы нисколько ни заботиться объ обстановкѣ, чтобы все дѣлалось само собой. У него въ ничтож-

ныхъ мелочахъ вкусы и прихоти барина. Онъ требуетъ, чтобы его стаканъ былъ сдѣланъ изъ прозрачнаго стекла, а отнюдь не изъ металла, чтобы онъ имѣлъ извѣстную форму и былъ поднесенъ не все равно какимъ, а его собственнымъ лакеемъ. Онъ доходитъ до такого сибаритства, что велитъ слугамъ будить себя нѣсколько разъ въ продолженіе ночи съ тою цѣлью, чтобы сонъ былъ пріятнѣе.

Монтанъ провелъ большую часть жизни въ родовомъ имѣніи, въ наслѣдственномъ замкѣ. Не только самъ онъ, но и нѣсколько поколѣній его предковъ не нуждались никогда ни въ какой работѣ, ни въ какомъ напряженіи воли. Представьте себѣ это мирное существованіе, невозмутимое, какъ поверхность прозрачнаго, горнаго озера. Тихо и сладко протекаетъ жизнь въ родовомъ замкѣ, гдѣ изъ оконъ обширнаго кабинета виднѣются зеленые холмы Перигора, навѣвающие лѣнь и задумчивость. Время пріятно дѣлится между прогулкой, бесѣдой съ друзьями и библіотекой.

Природа, семейная жизнь и философія соединяются, чтобы превратить существованіе въ свѣтлый, легкій сонъ. Трудно представить себѣ стеченіе болѣе благопріятныхъ условій для образованія типа изнѣженнаго эпикурейца, безъ воли, безъ привычки къ труду, безъ способности страстно отдаваться чему бы то ни было. Изъ комбинаціи наслѣдственнаго темперамента, умѣреннаго и неподвижнаго, съ огромною внутреннею подвижностью мысли и таланта, возникаетъ то свойство монтаневскій философіи, которое можно назвать *дилетантизмомъ*.

Легко прослѣдить корни дилетантизма въ низшихъ способностяхъ его ума, на примѣръ, въ манерѣ запоминать: «если желаютъ мнѣ возразить что-нибудь, надо, чтобы возраженіе было представлено мнѣ по частицамъ (a parcelles), такъ какъ я не въ состояніи отвѣчать на связаную рѣчь нѣсколькими отдѣльными тезисами; я не могъ бы, не записывая, удержать въ памяти то, что мнѣ нужно отвѣтить». Память его, какъ и остальные способности, тяготеетъ всякимъ продолжительнымъ усиленіемъ.

Вотъ какъ онъ занимается и читаетъ: «Я переписываю то одну книгу, то другую, безъ всякаго опредѣленнаго порядка и намѣренія; просматриваю ихъ, какъ придется. Отъ книгъ перехожу иногда къ мечтаніямъ: потомъ диктую, что придетъ въ голову». «Книги забавны,—замѣчаетъ онъ,—но если занятія ими отнимаютъ у насъ здоровье и веселость—драгоцѣннѣйшія блага, то лучше бросить книги».

Съ такимъ же делетантизмомъ относится онъ и къ людямъ: «Я ищу умныхъ, честныхъ людей... О чемъ бы мы ни бесѣдовали, намъ будетъ, въ сущности, все равно: мы не будемъ стремиться къ значительности и глубинѣ сюжетовъ: грація и пристойность украсить наши бесѣды; въ нихъ все будетъ проникнуто зрѣлымъ и спокойнымъ сужденіемъ, добротой, откровенностью, веселіемъ и дружбою». Искрѣдка къ ихъ разговорамъ могутъ примѣшаться и философскіе споры, но они не должны производить слишкомъ глубокаго, удручающаго впечатлѣнія: главное ихъ назначеніе—то же пріятное препровожденіе времени — *«nous n'y cherchons qu'a passer le temps»*.

И къ смерти онъ относится жизнерадостно и шутивно: почти превращаетъ ее, какъ все, въ забаву, въ удовольствіе. Здѣсь чувствуется протестъ противъ средневѣковаго аскетизма; отъ этихъ небрежныхъ, легкомысленныхъ разсужденій вѣетъ духомъ Возрожденія. Есть нѣкоторое величіе въ безпечной и презрительной улыбкѣ, съ которой Донъ-Жуанъ протягиваетъ руку Каменному Гостю.

Монтанъ хочетъ обставить смерть самымъ утонченнымъ комфортомъ: «Я желаю,—говоритъ онъ,—находиться въ спокойномъ помѣщеніи, безъ шума, опрятномъ, не душномъ, но съ чистымъ воздухомъ, чтобы смягчить смерть этими подробностями внѣшней обстановки... Я желаю, чтобы кончина моя была окружена такимъ же удобствомъ и довольствомъ, какъ моя жизнь; смерть—великая и важная часть нашего существованія; надѣюсь, что она не будетъ противорѣчить остальной моей жизни. Есть различные роды смерти, изъ которыхъ одни болѣе пріятны, чѣмъ другіе, и каждый можетъ выбрать смерть по своему вкусу».

Какъ истинный любитель, онъ тщательно осматриваетъ, взвѣшиваетъ и примѣряетъ множество смертей, какъ будто дѣло идетъ о выборѣ вкуснаго вина или художественной картины. Ему кажется пріятнѣе всего умереть по обычаю римлянъ императорской эпохи: «они какъ бы усыпляли смерть всевозможною нѣгою и роскошью; она протекала и скользила для нихъ среди молодыхъ дѣвушекъ и веселыхъ товарищей; ни одного мнимо-утѣшительнаго слова, ни одного намека на завѣщаніе, никакихъ лицемѣрныхъ выраженій сочувствія, никакихъ разговоровъ о загробной жизни: они встрѣчали смерть среди пировъ, игръ, шутокъ, простыхъ обычныхъ бесѣдъ, музыки и любовныхъ стиховъ».

Монтанъ не только не чувствовалъ ни разу въ жизни ни малѣйшаго угрызения совѣсти по поводу своего дилетантизма, но возводилъ его даже въ верховный принципъ всей своей дѣятельности. Подобно тому, какъ въ теоретической области онъ изобразилъ себѣ девизомъ знаменитое «Que sais-je?» — такъ въ практической онъ удовольствовался формулой: «je ne cherche qu'à passer». Оба эти девиза соединены, конечно, внутреннею связью и составляютъ только двѣ стороны одного міросозерцанія.

«Умъ мой устроенъ такъ, что ему гораздо мучительнѣе толчки и сотрясенія, производимые нерѣшительностью и колебаніемъ, чѣмъ необходимость примириться и успокоиться на какомъ бы то ни было рѣшеніи... Немногія страсти тревожили мой сонъ, но изъ работъ самая ничтожная не даетъ мнѣ уснуть. Въ дорогѣ я избѣгаю скользкихъ и обрывистыхъ склоновъ и предпочитаю спуститься въ пробитую колею, хотя бы вязкую и грязную, но такую, въ которой уже невозможно упасть ниже,—на ней я чувствую себя, по крайней мѣрѣ, въ полной безопасности. Самый низкій путь—самый надежный и наиболѣе постоянный. Слѣдуя по этому пути, я надѣюсь и опираюсь исключительно на самого себя».

Можно сказать заранѣе, что подобное состояніе воли должно отразиться глубокимъ консерватизмомъ въ обще-

ственныхъ и политическихъ взглядахъ. Какъ мы видѣли, Монтанъ сильно сомнѣвается въ справедливости существующаго общественнаго строя, но изъ этого сомнѣнія не только не дѣлаетъ революціоннаго вывода, а, напротивъ, требуетъ безусловной, даже *неразумной* покорности государственному порядку на томъ основаніи, что «всякое измѣненіе можетъ повлечь за собою еще большее зло». «Однѣ только *мысли* (т.-е. свобода съ теоретическимъ скептицизмомъ относиться ко всему) не принадлежать государству, во всемъ же остальномъ, какъ въ дѣятельности, имуществѣ, трудѣ, жизни, слѣдуетъ повиноваться государству и общепринятымъ мнѣніямъ».

«По моему мнѣнію, въ общественныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного такого дурнаго учрежденія, которое, если только оно имѣетъ за собою историческое прошлое, не было бы гораздо желательнѣе перемѣнъ и нововведеній».

Монтанъ — консерваторъ не изъ страха передъ властью, не изъ личной выгоды, не изъ мелкаго расчета, не изъ партійной, самолюбивой ненависти къ людямъ противоположнаго направленія: онъ—консерваторъ потому, что вполне искренно сомнѣвается въ возможности коренныхъ социальныхъ реформъ для тогдашней Франціи. Воспитаніе, темпераментъ, привычка къ покою и неподвижности, всѣ внѣшнія и внутреннія вліянія соединились, чтобы придать его душевному настроенію особенный складъ, который заставляеть его «спускаться въ пробитую колею».

Консерватизмъ Монтаня объясняется также историческими условіями эпохи. «Посмотрите,—говоритъ авторъ,— въ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Бретани, на жизнь, на отношеніе къ подданнымъ и слугамъ, на занятія, свиту и церемоніаль какого-нибудь синьора, обитающаго въ уединеніи среди домашнихъ и челяди. Посмотрите также на полетъ его воображенія—нѣтъ ничего болѣе царственнаго: о своемъ королѣ онъ слышитъ разъ въ годъ, какъ о персидскомъ шахѣ, и признаеть его только вслѣдствіе какого-нибудь древняго родства, память о которомъ сохраняется его секретаремъ. *Въ сущности, наши*

законы достаточно свободны, и французскій дворянинъ чувствуетъ на себѣ тяжесть самодержавнаго правленія не болѣе двухъ разъ въ жизни. На дѣйствительное и фактическое рабство осуждены только тѣ, кто сами его выбираютъ и надѣются такимъ путемъ достигнуть почестей и богатствъ, но всякій, кто пожелаетъ вести домашнюю жизнь и будетъ управлять хозяйствомъ безъ ссоръ и процессовъ, такъ же независимъ, какъ дожъ венеціанскій. «Paucos servitus plures servitutem tenent». «Если бы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—законы, которымъ я подчиняюсь, самымъ ничтожнымъ образомъ стѣсняли меня, я тотчасъ же отправился бы въ другую страну искать другихъ законовъ». Итакъ, существующій порядокъ вещей, несправедливость котораго онъ, впрочемъ, хорошо сознаетъ, не нарушаетъ нисколько его личной свободы.

Всякая реформа и нововведеніе были связаны для Монтаня съ представленіемъ о междоусобныхъ войнахъ, грабежахъ, насиліяхъ, водвореніи полной анархіи кулачнаго права. Королевская власть и государственная централизація казались ему все-таки желательными по сравненію съ безправіемъ и гнетомъ средневѣковаго варварства, ужасы котораго онъ имѣлъ случай испытать на себѣ: «въ томъ общемъ хаосѣ, въ которомъ мы живемъ вотъ уже 30 лѣтъ, каждый французъ ежеминутно долженъ ожидать гибели». Два раза во время путешествія онъ попадался въ руки бандитовъ, спасаясь только какимъ-то чудомъ. Среди бѣлаго дня онъ подвергается нападенію своего сосѣда, такого же дворянина-помѣщика, какъ онъ самъ. Авторъ приводитъ это нападеніе, какъ повседневный, вполне обыкновенный случай. Разбойничьи шайки въ то время безпрепятственно бродили по дорогамъ. Междоусобныя войны длились цѣлыя годы, не приводя ни къ малѣйшему улучшенію, ни къ какому результату, и разбойники пользовались знаменемъ политическихъ и религіозныхъ партій, чтобы покрывать свои злодѣянія. Извѣстные типы того времени—Екатерины Медичи, Гизы, Карлъ IX и Генрихъ III. Деморализація не только при дворѣ, но и въ глуши провинціи до-

стигла крайней степени. Кровавые ужасы Варёоломеевской ночи болѣе или менѣе отразились по всѣмъ городамъ Франціи. Жизнь Монтаня совпадаетъ съ самымъ тяжелымъ временемъ для его родины: на протяженіи второй половины XVI столѣтія произошло восемь кровопролитныхъ религіозныхъ войнъ. Борьба Медичи и Гизовъ, Валуа и Бурбоновъ, протестантовъ и католиковъ, развратнаго духовенства и не менѣе деморализованнаго правительства грозила уничтожить послѣднія социальныя и нравственныя основы общества и довести Францію до первобытнаго варварства.

Въ подобныя эпохи искреннимъ и честнымъ людямъ остается только два исхода. Или, очертя голову, забывъ всѣ личныя интересы, кинуться въ политическую борьбу и пожертвовать жизнью, подобно тому, какъ это сдѣлалъ доблестный предводитель гугенотовъ адмираль Каспаръ Колиньи, погибшій жалкою смертью отъ руки убійцы, не осуществивъ своихъ великодушныхъ плановъ. Или же, почувствовавъ отвращеніе къ междоусобной, годами тянущейся и ничѣмъ не кончающейся войнѣ, отчаявшись въ возможности существенныхъ политическихъ реформъ, притти къ отрицанію всякой борьбы, всякихъ переворотовъ и нововведеній, потребовать отъ общества одного покоя,—покоя во что бы то ни стало, хотя бы купленнаго цѣною повиновенія плохимъ, но неизблемымъ, определеннымъ законамъ. Монтань, по своему характеру и воспитанію не былъ способенъ выбрать первый изъ этихъ двухъ исходовъ — пойти на мученичество, сдѣлаться подвижникомъ и героемъ. И вотъ, по необходимости, онъ избираетъ второй исходъ — требованіе порядка, защиту старинныхъ государственныхъ основъ, консерватизмъ. Королевская власть не стѣсняла лично свободы тогдашняго дворянства; она не успѣла еще сдѣлаться синонимомъ деспотизма и угнетенія. Вотъ почему Монтань избралъ роялизмъ и тѣсно связанную съ нимъ приверженность къ римско-католической церкви, какъ знамя общественнаго порядка среди всеобщаго хаоса и мира, среди безконечной междо-

усобицы. Но въ консерватизмѣ Монтаня нѣтъ ничего фанатическаго и нетерпимаго. Это не болѣе, какъ отрицательное отношеніе къ партійной борьбѣ, историческая невозможность создать великій и примиряющій соціальный идеаль и слишкомъ нетерпѣливая, страстная жажда утомленнаго человѣка—жажда отдыха.

«Тотъ, кто чувствуетъ собственное человѣческое достоинство,—говоритъ Монтань,—пойметъ свои обязанности къ другимъ людямъ и обществу, пойметъ свое призваніе содѣйствовать общественной пользѣ, исполняя долгъ гражданина. *Тотъ, кто не живетъ для другихъ, не живетъ для самого себя: qui sibi amicus est, scito hunc amicum omnibus esse.* Каждому своя обязанность—таково наше главное призванія и для него мы живемъ въ этомъ мірѣ».

У скептицизма, который привелъ Монтаня въ политической области къ глубокому консерватизму, есть другая сторона — *терпимость*. Въ ней одна изъ безсмертныхъ заслугъ философа. Въ разгаръ фанатической вражды никакая законченная система и доктрина не могла быть такъ полезна и благодѣтельна, какъ проповѣдь терпимости и скептическое отрицаніе всякой односторонней, узкой системы и доктрины. Способность не вѣрять въ этотъ вѣкъ грубаго фанатизма была такъ же дорога и благотворна, какъ способность вѣрять въ наше скептическое время. Подвигъ Монтаня заключается именно въ томъ, что онъ остался въ сторонѣ отъ кровавой рѣзни, остался холоднымъ къ теологическимъ спорамъ и препирательствамъ, къ узкой политической ненависти и партійной борьбѣ, сохранилъ независимость ума, показалъ своею жизнью образецъ благородства и справедливости безъ религіозныхъ увлеченій, провозгласилъ, насколько это было возможно въ то время, принципъ терпимости и разумной кротости.

«Всѣ людскія бѣдствія,—говоритъ Монтань,—происходятъ отъ того, что насъ заставляютъ стыдиться обнаруживать наше невѣжество, и мы обязаны принимать на вѣру все, что не въ состояніи опровергать: мы обо всемъ привыкли

говорить догматами и заповѣдями... Но мнѣ внушаютъ ненависть къ вещамъ вѣроятнымъ, когда ихъ выдаютъ за несомнѣнныя. Я люблю эти слова, которыя смягчаютъ рѣзкость нашихъ сужденій: «быть-можетъ», «пожалуй», «нѣкоторой», «говорять», «я полагаю»... *Философія начинается съ удивленія, развивается черезъ изслѣдованіе и достигаетъ незнанія*. Это убѣжденіе въ собственномъ невѣжествѣ есть не что иное, какъ терпимость. Тотъ, кто убѣжденъ въ своемъ незнаніи, никого не осмѣлится преслѣдовать ни за какія убѣжденія. Въ этихъ немногихъ словахъ выражена въ сжатой формулѣ основная мысль Монтаня — то, что у другихъ философовъ, — болѣе, чѣмъ онъ, доктринеровъ, можно бы назвать системой: философія начинается съ удивленія, слѣдовательно, *рабства мысли*; переходитъ къ изслѣдованію, т.-е. къ отрицанію и скептицизму; достигаетъ признанія собственного невѣжества, т.-е. терпимости, и, слѣдовательно, *свободы мысли*.

У великаго скептика хватило мужества и независимости сказать въ глаза своему жестокому вѣку: «надо слишкомъ высоко ставить свои предположенія, чтобы изъ-за нихъ предавать сожженію живыхъ людей». «Упорство и страстность мнѣнія,—говоритъ онъ съ горечью,—есть вѣрнѣйшій признакъ глупости: что можетъ быть болѣе увѣренно, убѣжденно, презрительно, задумчиво, важно, серьезно, чѣмъ осель?» Онъ одинъ изъ первыхъ употребилъ противъ суевѣрія самое опасное оружіе—насмѣшку. Но и къ людямъ, наиболѣе ненавистнымъ для него, къ нетерпимымъ доктринерамъ и фанатикамъ, онъ старается отнестись великодушно. «Глупость — нехорошее свойство: но относиться къ ней нетерпимо, приходитъ по поводу ея въ бѣшенство — это другой родъ болѣзни, не менѣе непріятный, чѣмъ глупость... Я вступаю съ кѣмъ угодно въ разсужденіе и спорю съ большою легкостью и свободой, тѣмъ болѣе, что доводы находятъ во мнѣ такую почву, въ которую имъ очень трудно проникнуть и пустить глубокіе корни; никакія предположенія не удивляютъ меня, никакая вѣра не оскорбляетъ, какъ бы она ни была противоположна моимъ взглядамъ;

нѣтъ такой эксцентричной и сумасшедшей фантазіи, которая не казалась бы мнѣ вполне естественнымъ продуктомъ человѣческаго ума. Мы, люди, не признающіе за своимъ умомъ права постановлять окончательные приговоры, мягко и снисходительно смотримъ на различныя мнѣнія. Итакъ, противорѣчія моему сужденію я не считаю для себя чѣмъ-то враждебнымъ и оскорбительнымъ — напротивъ, они возбуждаютъ меня и заставляютъ думать. Мы избѣгаемъ возраженій, а между тѣмъ слѣдовало бы, наоборотъ, искать ихъ и принимать съ радостью, особенно когда они только предлагаются, а не насильно навязываются, какъ непогрѣшимые догматы. Когда кто-нибудь не соглашается съ нами, мы заботимся не о томъ, правъ ли онъ, а лишь о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ его возраженій, хотя бы цѣною правды; вмѣсто того, чтобы принять ихъ съ распростертыми объятіями, мы съ озлобленіемъ боремся противъ нихъ. Мнѣ очень нравилось бы, если бъ друзья рѣзко осуждали меня: «ты глупъ, ты бредишь». Я люблю, чтобы честные люди выражали свои мнѣнія смѣло и откровенно, чтобы слова слѣдовали за мыслью: надо укрѣплять нашъ изнѣженный слухъ, закалять его въ ненависти къ приторной лести... Когда мнѣ противорѣчатъ, то возбуждаютъ мое вниманіе, но не гнѣвъ: я самъ иду навстрѣчу тому, кто мнѣ противорѣчитъ, кто меня учитъ; интересъ истины долженъ быть общимъ интересомъ для той и другой стороны... Что можетъ онъ отвѣчать? Раздраженіе отняло у него способность здраво судить, волненіе побѣдило силу разсудка... Въ какихъ бы рукахъ я ни встрѣтилъ истину, я привѣтствую ее съ лаской и веселіемъ, сдаюсь радостно и протягиваю побѣжденное оружіе, только что завизжу ее издалека; и если это дѣлаютъ не съ важнымъ доктринерскимъ видомъ, я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы со мною не соглашались, и часто соглашаюсь съ противниками болѣе изъ чувства благодарности за возраженіе, чѣмъ изъ сознанія ихъ правоты, — только чтобы показать, какъ мнѣ пріятна полнѣйшая свобода спора и противорѣчія».

Феодальный и церковный строй средних вѣковъ какъ будто нарочно былъ созданъ для того, чтобы подавлять личность, убивать въ зародышѣ всѣ попытки ея развитія. «Люди,—говорить Монтань,—отдаютъ себя въ наемъ; ихъ способности служатъ не имъ самимъ, а тѣмъ, кому они себя порабощаютъ... Это всеобщее настроеніе мнѣ противно. Надо беречь свободу души... Никто не раздастъ понапрасну денегъ, а между тѣмъ каждый отдаетъ другимъ и время, и жизнь: на нихъ мы болѣе щедры, чѣмъ на что-либо другое, тогда какъ въ этомъ единственномъ отношеніи слѣдуетъ быть скупыми». «Посмотрите на солдата: вѣ себя отъ ярости, осыпавый вражьими пулями, карабкается онъ по разрушенной стѣнѣ въ осаждаемый городъ; посмотрите на другого, который, окровавленный, истощенный и блѣдный отъ голода, твердо рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ открыть ворота врагу; вы думаете, что они работаютъ для себя? Нѣтъ, они служатъ человѣку, котораго, вѣроятно, никогда не видали, который никогда не узнаетъ объ ихъ подвигахъ; между тѣмъ, какъ они страдаютъ за него, онъ погруженъ въ праздность и наслажденіе». Монтань приглашаетъ человѣка вернуться къ себѣ освободиться отъ стаднаго инстинкта, оспариваетъ право государства жертвовать благосостояніемъ и жизнью гражданъ.

Онъ совѣтуетъ бѣжать отъ безцѣльной житейской суеты, отъ всеобщей погони за славой, деньгами и наслажденіями, отъ государственнаго деспотизма. Но надо стремиться и къ внутреннему освобожденію. Въ полномъ уединеніи человѣкъ можетъ оставаться рабомъ своихъ предрасудковъ и страстей: «они нерѣдко слѣдуютъ за нами въ монастыри и философскія школы; ни пустыни, ни пещеры, ни вериги, ни посты не спасаютъ насъ отъ нихъ... Надо возвратить себѣ власть надъ самимъ собою... Слѣдуетъ сохранить въ душѣ убѣжище неприкосновенное, свободное, въ которомъ мы всегда могли бы найти пріютъ и уединеніе. Въ этомъ убѣжищѣ надо бесѣдовать съ самимъ собой безмолвно и скрытно — такъ, чтобы никто не могъ насъ подслу-

шать; тамъ слѣдуетъ разсуждать и смѣяться, не будучи стѣсненнымъ ничѣмъ, какъ будто у насъ нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни имущества, ни земель, ни слугъ,—чтобы, въ случаѣ, если мы лишимся ихъ, потеря эта не показалась намъ неожиданной. Мы обладаемъ душой, способной сосредоточиться въ самомъ себѣ, служить обществомъ для самой себя; она найдетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чѣмъ нападать и чѣмъ защищаться, что принимать и что давать... Въ этомъ уединеніи намъ нечего бояться ни скуки, ни праздности:

In solis sis tibi turba locis

(т.-е. «въ уединеніи будь толпою для самого себя»).

«Избавимся отъ этихъ страстныхъ увлеченій, которыя поработаютъ насъ и удаляютъ отъ работы надъ собою. Надо порвать эти крѣпкія связи. Пожалуй, можно на время привязываться къ внѣшнимъ предметамъ, но всецѣло отдаваться слѣдуетъ только *высшему благу своей личности*... Величайшая вещь въ мірѣ — умѣть принадлежать только самому себѣ. Намъ слѣдуетъ удалиться отъ общества, если мы не чувствуемъ себя въ состояніи принести ему пользу: пусть не занимается тотъ, кто не можетъ отдать. Если силы намъ измѣняются, соберемъ ихъ и сосредоточимъ на самихъ себѣ».

Это вовсе не эгоизмъ, не безразличное отношеніе къ людямъ. Философъ любитъ людей и цѣнитъ ихъ общество, и если бѣжитъ въ уединеніе, то не изъ враждебнаго чувства, а изъ любви къ свободѣ, изъ сознанія, что при существующемъ общественномъ строѣ свобода среди людей невозможна. «По природѣ своей, — говоритъ онъ, — я очень общителенъ и откровененъ; я люблю высказываться, не способенъ ничего скрывать, я рожденъ для общества и дружбы. Уединеніе, которое я проповѣдую, заключается въ томъ, чтобы возвращать къ истиннымъ интересамъ своей личности разсѣянные мысли симпатіи, чтобы ограничить и, по возможности, сузить не кругозоръ, а похоти и заботы, чтобы сбросить съ себя все чуждое и бесполезное, бояться,

какъ смерти, рабства и принужденія, избѣгать скорѣ хлопотъ, чѣмъ людей. Уединеніе, въ сущности, еще больше расширяетъ мой кругозоръ, дѣлаетъ меня еще болѣе общительнымъ. Когда я одинъ, я легче увлекаюсь общественными интересами и міровыми событіями».

Несмотря на любовь къ уединенію, онъ обладаетъ избыткомъ нѣжной, чисто-женской чувствительности къ чужимъ страданіямъ. «Больше всѣхъ остальныхъ пороковъ,— говоритъ онъ,— я ненавижу жестокость, и по врожденному чувству, и по убѣжденію». Страданія животныхъ дѣйствуютъ на него не менѣе сильно, чѣмъ страданія людей. «Я очень чувствителенъ къ чужому горю и готовъ плакать, когда вижу слезы не только въ дѣйствительности, но и на картинѣ, и на сценѣ. Я не могу равнодушно смотрѣть на смертную казнь, какъ бы она ни была справедлива».

Солдату, котораго государство посылаетъ на-смерть; схоластику, сгубившему свой вѣкъ, чтобы «найти истинную орѳографію латинскаго слова»; монаху, угнетенному строгимъ уставомъ, Монтанъ проповѣдуетъ великій принципъ: *«каждый обязанъ любить себя, — не тою порочною и ложною любовью, которая заставляетъ насъ привязываться къ славѣ, схоластической мудрости, богатствамъ, и чрезмерно дорожить всѣмъ этимъ, какъ частью нашего собственнаго существа, — также и не тѣмъ суетнымъ, себялюбивымъ чувствомъ, которое, подобно плющу, разрушаетъ и губить то, къ чему привязывается, — но любовью истинною и благодатною, приносящею одинаково и пользу, и счастье. Кто знаетъ обязанности этой любви къ самому себѣ и выполняетъ ихъ, тотъ воистину служителъ музъ, тотъ достигаетъ вершины человѣческой мудрости и доступнаго намъ блаженства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ, кто чувствуетъ человѣческое достоинство, пойметъ свои обязанности къ другимъ людямъ».*

Монтанъ смотритъ на міръ и на людей свободно и до вѣрчиво, онъ одинъ изъ первыхъ въ новой исторіи пробудился отъ средневѣковаго кошмара. Съ какимъ восторгомъ привѣтствуетъ онъ новую мысль, освобожденную отъ оковъ

схоластики: «Напрасно представляют философію недоступной дѣтямъ, съ грознымъ, отталкивающимъ, нахмуреннымъ лицомъ: кто надѣлъ на нее эту маску, блѣдную и отвратительную? Нѣтъ ничего болѣе веселаго, радостнаго, свѣтлаго, и я почти готовъ сказать—игриваго, чѣмъ истинная мудрость; она проповѣдуетъ наслажденіе и праздники: если вы видите боязливыхъ, угрюмыхъ лица, будьте увѣрены, что она не живетъ среди этихъ людей».

«Душа животворящая философію, должна своимъ здоровьемъ придавать тѣлу бодрость и силы: ея внутренній міръ и счастье должны просвѣчивать въ самой наружности, въ которой благородная гордость сливается съ дѣятельною, веселою подвижностью, съ благоволеніемъ и довольствомъ. Самый главный признакъ мудрости—это постоянно хорошее расположеніе духа, состояніе такое же ясное и безмятежное, какъ тихое звѣздное небо. Ея назначеніе — успокаивать бури души не ложными софизмами, а простыми и осязательными доводами; цѣль ея — добродѣтель, которая обитаетъ не на отвѣсной горѣ, обрывистой и недоступной, какъ увѣряютъ схоластики. Нѣтъ—тѣ, кому удавалось приблизиться къ ней, рассказываютъ, что она живетъ въ прелестной долинѣ, плодородной и цвѣтущей, съ которой она созерцаетъ простерты у ногъ ея міръ; можно достигнуть ея жилища тѣнистыми тропинками съ душистыми цвѣтами и нѣжною муравой, по склону мягкому и чуть замѣтному, какъ сводъ небесъ. Они никогда не посѣщали этой добродѣтели — высшей, прекраснѣйшей, торжествующей, любящей, сладостной и мощной; они никогда не видѣли этой непримиримой противницы страданій, скуки, боязни и насилій, для которой вождь—сама природа, для которой подруги — счастье и наслажденіе,— и вотъ почему они въ ограниченности своей создали этотъ образъ, угрюмый, злобный, сварливый и угрожающій, и помѣстили его на недоступной скалѣ, среди колючихъ терній, — пугало, созданное, чтобы устрашать людей».

Эта страница проникнута духомъ Возрожденія. Воскресъ великій Панъ, воскресло античное чувство природы

и радости жизни. «Добродѣтель,—воскликаетъ Монтань,— кормилица всѣхъ человѣческихъ радостей; она дѣлаетъ ихъ справедливыми, а потому надежными и чистыми; умѣряя, она сохраняетъ ихъ юную свѣжесть и силу; лишая насъ однихъ, она обостряетъ наслажденіе всѣми другими и съ материнскою нѣжностью позволяетъ намъ до полного удовлетворенія, если не до усталости, наслаждаться радостями, которыя допускаетъ природа. Она любитъ жизнь, любитъ красоту, и славу, и здоровье».

Монтань—оптимистъ; какъ большинство его философскихъ воззрѣній, оптимизмъ не вылился у него въ законченную систему; онъ является лишь преобладающимъ настроеніемъ, солнечнымъ фономъ его міросозерцанія. Говоря о печали, Монтань замѣчаетъ: «Я болѣе, чѣмъ кто-либо, чуждъ этой *страсти*; я не люблю и не уважаю ея, хотя обыкновенно принято оказывать печали всевозможныя почести: печалью украшаютъ мудрость, добродѣтель, совесть,—глупое и гадкое украшеніе!»

Онъ считаетъ, какъ истинный эллинъ, свѣтлымъ и прекраснымъ все человѣческое существо—не только душу, но и тѣло. «Въ этомъ дарѣ (т.-е. въ нашемъ тѣлѣ), полученномъ отъ Бога, нѣтъ ни одной части, недостойной нашей заботливости; мы обязаны дать въ немъ отчетъ Создателю до послѣдняго волоска». «Я не могу выразить, до какой степени я обоготворяю красоту, эту могучую и благодатную силу. Сократъ называлъ ее «мимолетною тираніей», Платонъ—«привилегіей природы». Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другой привилегіи, болѣе популярной среди людей: ей принадлежитъ первое мѣсто въ общежитіи, она идетъ, впереди всѣхъ другихъ качествъ, чаруетъ и увлекаетъ нашъ разумъ...» «Не только въ людяхъ, которые мнѣ прислуживаютъ, но и въ животныхъ я цѣню ее очень немногимъ меньше доброты».

Еще большее сходство съ античнымъ міросозерцаніемъ придаетъ его оптимизму легкая грусть, которая отбѣняетъ радость жизни и возникаетъ изъ сознанія, что всѣ наслажденія временны и мимолетны. Изъ этого сознанія онъ дѣ-

ласть эпикурейскій выводъ: «всѣми силами—и зубами, и ногтями, слѣдуетъ удерживать наслажденія, которыя одно за другимъ вырываются изъ нашихъ рукъ годами

Carpamus dulcia; nostrum est,
Quod vivis: cinis, manes, et fabula fies.

(«Ловите наслажденія, — вашихъ будетъ столько, сколько успѣете пожить: скоро ты превратишься въ пепель, тѣнь, звукъ пустой»).

«Другіе люди чувствуютъ сладость счастья и благосостоянія, я чувствую ее такъ же, какъ они, но не мимолетно и не мимоходомъ, я считаю нужнымъ выжимать изъ жизни сокъ до послѣдней капли, упиваться ею и, такъ сказать, пережевывать, пока только возможно, чтобы достойно прославить Того, Кто даетъ намъ счастье». Даже въ его отношеніи къ смерти, какъ мы отчасти видѣли, нѣтъ и слѣда христіанскаго мистицизма: она не внушаетъ ему ничего, кромѣ граціозной и немного легкомысленной меланхолии, такой же свѣтлой, какъ задумчивость осеннихъ, ясныхъ вечеровъ. И здѣсь чувствуется древній грекъ.

«Размышленіе о смерти, — говоритъ Монтанъ, — есть размышленіе о свободѣ; кто научился умирать, тотъ научился быть рабомъ; нѣтъ въ жизни зла для того, кто понималъ, что лишеніе жизни не есть зло. Мысль о смерти и спокойное отношеніе къ ней избавляютъ насъ отъ всякаго подчиненія. Что касается меня, я по природѣ своей не меланхоличенъ, но задумчивъ; чаще, чѣмъ о какомъ-либо другомъ предметѣ, я размышлялъ о смерти даже въ самое радостное, цвѣтущее время жизни. Среди молодыхъ женщинъ и веселья я сижу, бывало, сосредоточенный и молчаливый; товарищи думаютъ, что я влюбленъ или мечтаю, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мнѣ приходитъ въ голову мысль о смерти одного изъ моихъ знакомыхъ, который нѣсколько дней тому назадъ внезапно заболѣлъ горячкой на подобномъ же праздникѣ, веселый, мечтающій о любви, какъ и я въ эту минуту, — и кто-то твердитъ мнѣ на ухо:

Jam fuerit, nec post unquam revocare licebit.
(Мигъ улетитъ, и никто не вернетъ его снова).

«Но отъ этихъ мыслей лицо мое нисколько не дѣлается печальнѣе». Мы рождены для дѣятельности:

Quum moriar, medium solvar et inter opus.
(Я хочу умереть за работой).

«Мы должны до послѣдней минуты дѣйствовать и исполнять все, чего требуетъ отъ насъ жизнь: я хочу чтобы смерть застала меня на огородѣ въ то время, какъ я сажаю капусту, и притомъ такъ, чтобы я очень мало заботился о кончинѣ и еще меньше о дѣлѣ, которое мнѣ приходится покинуть».

До самой старости, несмотря на болѣзни, страданія и приближеніе смерти, Монтанъ сохранилъ этотъ взглядъ на жизнь. Вотъ что онъ говоритъ въ заключеніе своихъ *Опытовъ*:

Ты настолько Богъ, насколько
Признаешь себя человѣкомъ.
(D'autant es tu Dieu, comme
Tu te recognois homme).

«Въ этомъ высшее и почти божественное совершенство—*умѣть законно пользоваться своимъ существомъ*. Мнѣ кажется, что самая лучшая жизнь—та, которая соотвѣтствуетъ правильному и обыкновенному человѣческому образцу, не выдаваясь никакими крайностями и чудесами. Что же касается насъ, стариковъ, мы заслуживаемъ, чтобы съ нами обращались съ нѣкоторою мягкостью. Поручимъ нашу старость этому богу, покровителю здоровья и мудрости веселому и общительному. Аполлонъ, умоляю тебя! дай мнѣ въ полной силѣ и здоровомъ умѣ насладиться тѣмъ, что есть у меня, и встрѣтить старость не горькую и не лишнюю сладостныхъ пѣсень».

Жажда простоты, естественности, возвращенія къ природѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ жизнь цивилизованнаго человѣка становится все болѣе сложною, искусственною и оторванною отъ жизни народныхъ массъ. Принято считать Руссо родоначальникомъ идеализаціи перво-

бытнаго состоянія, но, въ сущности, онъ только подновилъ и переработалъ ученіе, которое мы почти цѣликомъ находимъ у Монтаня.

Скептикъ XVI вѣка исходитъ изъ того положенія, что крайнее развитіе культурной жизни приводитъ всякую страну къ внутреннему разложенію и нравственному упадку: «Примѣры доказываютъ намъ, что въ Спартѣ, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, подобныхъ ей, занятія науками не только не укрѣпляютъ и не увеличиваютъ храбрости гражданъ, но, напротивъ, изнѣживаютъ и лишаютъ ихъ мужества. Я нахожу, что Римъ былъ болѣе могущественнымъ, когда онъ еще не былъ ученымъ». Это происходитъ отъ того, что наука и цивилизація заботятся только о красивой внѣшности, не давая людямъ ни настоящаго счастья, ни настоящаго знанія жизни: «говоря откровенно, люди науки лишены даже простаго здраваго смысла. Крестьянинъ и сапожникъ простодушно и наивно бесѣдуютъ о томъ, что они дѣйствительно знаютъ, тогда какъ ученые, желая показать глубину своихъ познаній, на самомъ дѣлѣ весьма легковѣсныхъ и поверхностныхъ, постоянно путаются и на каждомъ шагу попадаютъ въ непроходимыя дебри».

«Съ настоящими учеными происходитъ то же, что съ колосьями на нивѣ: пока они пусты, они гордо и смѣло поднимаютъ голову къ небу; когда же наполнить ихъ спѣлое, тяжелое зерно, они начинаютъ смиренно склоняться къ землѣ. Такъ и люди: все испытавъ, все проникнувъ и не найдя въ этомъ огромномъ количествѣ знаній и мудрости ничего твердаго, незыблемаго и вѣчнаго,—ничего, кромѣ суеты, они отрѣшаются отъ гордости и признаютъ свою человѣческую слабость».

Въ этомъ отношеніи звѣри пользуются громаднымъ преимуществомъ передъ человѣкомъ. Врожденный и непреодолимый инстинктъ не позволяетъ имъ удаляться отъ счастливаго естественнаго состоянія. Монтанъ идеализируетъ бессознательный животный инстинктъ и ставитъ его выше «суетнаго» человѣческаго разума, нарушающаго совершенные и мудрые законы природы. «Вести правильную

жизнь, вслѣдствіе неизбѣжныхъ и естественныхъ условий своего существа, — развѣ это не почетнѣе, не выше и не болѣе приближаетъ насъ къ божеству, чѣмъ дѣйствовать, подчиняясь лишь собственной дерзкой и произвольной прихоти? Развѣ не лучше всецѣло предоставить природѣ управленіе и власть надъ нами?»

Онъ идеализируетъ и описываетъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ первобытное состояніе американскихъ дикарей, съ которыми Европа только что начала въ то время знакомиться. Открытіе Новаго Свѣта и невольная параллель, которая возникла между нравами молодыхъ некультурныхъ племенъ и цивилизаціей древнихъ европейскихъ народовъ, давали сильный толчокъ стремленію къ простотѣ, къ естественности, къ патриархальной жизни въ природѣ. Впрочемъ, сомнѣніе въ цивилизаціи отчасти проявлялось уже и въ античномъ мірѣ, какъ, на примѣръ, въ ученіи циниковъ, въ пастушескихъ романахъ и буколической поэзіи римскихъ и греческихъ писателей временъ упадка. Монтанъ воспользовался бытомъ недавно открытыхъ краснокожихъ дикарей, чтобы возобновить въ литературѣ это оригинальное движеніе. «Я нахожу,—говоритъ онъ,—что въ дикихъ племенахъ нѣтъ ничего варварскаго: варварствомъ каждый изъ насъ называетъ то, что не соотвѣтствуетъ обычаю его страны. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ другого мѣрила истины и разума, кромѣ общепринятыхъ мнѣній и привычекъ той мѣстности, въ которой мы родились: мы находимъ, что только тамъ—и больше нигдѣ — совершенное правитель-ство, лучшая религія и лучшіе нравы. А, между тѣмъ, племена эти настолько же дики, какъ плоды, которые производитъ природа своими собственными средствами, безъ помощи людей. Дикими плодами намъ слѣдовало бы скорѣе называть тѣ, которые выродились и утратили свой первобытный видъ и вкусъ, вслѣдствіе нашего искусственнаго ухода, тогда какъ въ первыхъ, т.-е. въ настоящихъ дикихъ плодахъ, еще живы и сильны истинныя, болѣе полезныя и естественныя достоинства, которыя мы извратили, потворствуя нашему испорченному вкусу. Фрукты этихъ далекихъ

странъ отличаются такимъ ароматомъ и нѣжностью, которые не встрѣчаются въ нашихъ европейскихъ плодахъ. Нѣтъ, искусство человѣческое никогда не получить пальмы первенства въ состязаніи съ нашею великою и могучею матерью — природой. Мы до такой степени загромоздили красоту и роскошь ея произведеній нашими жалкими выдумками, что, наконецъ, совсѣмъ потеряли ее изъ вида. А, между тѣмъ, только что природѣ удастся гдѣ-нибудь блеснуть въ полной чистотѣ, она тотчасъ пристыжаетъ всѣ ничтожныя и суетныя усилія человѣка... Наше искусство бессильно воспроизвести гнѣздо самой маленькой пташки, его устройство, красоту и цѣлесообразность, или паутину какого-нибудь ничтожнаго паука».

Вотъ какъ рисуетъ Монтанъ блаженное состояніе американскихъ дикарей: «Естественные законы, не извращенные людьми, повелѣваютъ ими въ полной чистотѣ. Мнѣ кажется, что счастье этихъ народовъ значительно превосходить не только всѣ самыя плѣнительныя картины золотого вѣка, созданныя поэзіи, и пылкія мечты ея о человѣческомъ счастьи, но даже высшія требованія и цѣль самой мудрости: никто до сихъ поръ не могъ представить себѣ такую чистую, полную простоту и наивность, которую мы не въ мечтахъ, а въ дѣйствительности встрѣчаемъ среди этихъ народовъ. У нихъ нѣтъ наукъ и искусствъ, нѣтъ чиновниковъ и властей, нѣтъ слугъ, богатствъ и бѣдности, нѣтъ договоровъ, наслѣдствъ, раздѣловъ, нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ праздныхъ.... Самыя слова, которыя обозначаютъ ложь, измѣну, притворство, скупость, зависть, клевету, прощеніе—имъ незнакомы. Насколько идеальная республика Платона далека отъ ихъ совершенства! *Viri a diis recentes* — «это люди, только что вышедшіе изъ рукъ боговъ». Замѣчательно, что Монтаня нисколько не разочаровываетъ, напримѣръ, такая извѣстная ему черта изъ быта дикарей: «Убивъ плѣнника, они его жарятъ и ѣдятъ сообща, посылая куски мяса отсутствующимъ друзьямъ. Они дѣлаютъ это не для того, чтобы насытиться, а чтобы изобразить крайнюю степень ненависти». Его это не возмущаетъ, потому

что въ инквизиціонныхъ ужасахъ и жестокостяхъ современныхъ ему религіозныхъ войнъ онъ видитъ примѣры гораздо большихъ злодѣяній, совершенныхъ во имя Бога. По его мнѣнію, съѣсть убитаго человѣка, не такъ преступно, какъ подвергнуть звѣрскимъ пыткамъ живого. Природа одаряетъ дикарей всѣмъ необходимымъ; мы, цивилизованные люди, отвергли эту естественную и благодѣтельную помощь: «подобно тому, какъ естественный дневной свѣтъ мы замѣняемъ искусственнымъ, такъ собственные наши способности мы замѣняемъ заимствованными». «Примѣры животныхъ уже достаточно показываютъ намъ, что большинство людскихъ болѣзней происходятъ отъ тревожнаго состоянія нашего духа. Долговѣчность дикарей Бразиліи, про которыхъ говорятъ, что они умираютъ только отъ старости, объясняютъ умѣренностью и мягкостью ихъ климата: но я готовъ скорѣе приписать ее умѣренности и мягкости ихъ души, чуждой всякой страсти, мысли или занятія слишкомъ напряженнаго, или непріятнаго, такъ какъ они проводятъ жизнь въ чудной простотѣ и невѣжествѣ, безъ науки, безъ законовъ, безъ правительства, безъ религіи». Послѣднія слова характеризуютъ обычный пріемъ Монтаня въ описаніи счастья дикарей: отрицаніе главныхъ основъ культурной жизни.

Особенно ясно можно прослѣдить эту критику современнаго Монтаню общественнаго строя, скрытую подъ идеализаціей естественнаго состоянія, въ слѣдующемъ разсказѣ о трехъ представителяхъ одного дикаго американскаго племени, находившихся въ Руанѣ, во время пребыванія французскаго короля Карла IX въ этомъ городѣ. «Король долго съ ними разговаривалъ. Имъ показали наши обычаи, нашу роскошь, внѣшность прекраснаго и богатаго города. Послѣ всего этого кто-то спросилъ у нихъ, какого они мнѣнія о видѣнномъ и что показалось имъ болѣе всего удивительнымъ. Они отвѣтили, что больше всего ихъ изумили три вещи, изъ которыхъ одну я, къ сожалѣнію, позабылъ. Вотъ остальные двѣ: во-первыхъ, они признались, что для нихъ чрезвычайно странно и непонятно, какъ могутъ столько высокихъ бородатыхъ, сильныхъ и вооруженныхъ людей *подчиняться*

королю-ребенку, и почему они не выберут какого-нибудь болѣе достойнаго повелителя. Во-вторыхъ, они замѣтили среди насъ людей богатыхъ и пресыщенныхъ всевозможною роскошью, тогда какъ остальная часть народа состояла изъ бѣдняковъ, истощенныхъ голодомъ и нищетою; и они находили въ высшей степени страннымъ, что *бѣдная часть народа добровольно терпитъ подобную несправедливость*, не кидается на богатыхъ, не убиваетъ, не поджигаетъ домовъ». Монтанъ оставляетъ это мѣсто безъ комментаріевъ, но отношеніе автора къ отвѣту дикарей вполнѣ ясно: несмотря на весь практическій консерватизмъ, онъ не можетъ не сочувствовать наивному удивленію тѣхъ, которыхъ самъ называетъ «*virī a diis recentes*».

Идеализація дикарей уже тѣмъ сослужила не малую службу европейскому обществу, что разработала и подготовила почву для внимательнаго и симпатичнаго отношенія къ жизни народныхъ массъ. Въ Монтанѣ симпатія къ простому человѣку прямо вытекаетъ изъ идеализаціи первобытнаго состоянія. Философъ то и дѣло переходитъ отъ немного фантастическихъ картинъ счастья «каннибаловъ» (такъ называетъ онъ американскихъ краснокожихъ) къ наблюденіямъ изъ народной жизни. «Я видѣлъ въ мое время, — говоритъ онъ, — сотни ремесленниковъ и земледѣльцевъ болѣе мудрыхъ и счастливыхъ, чѣмъ ректоры университетовъ, и болѣе достойныхъ подражанія». «Я нахожу, что поступки и рѣчи людей изъ народа болѣе согласны съ предписаніями истинной философіи, чѣмъ слова и дѣйствія нашихъ признанныхъ философовъ: *plus sapit vulgus, quia tantum, quantum opus est, sapit* (народъ болѣе мудръ, потому что онъ мудръ въ такой степени, какъ нужно)». «Среди простыхъ людей, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — нерѣдко можно встрѣтить проявленіе изумительной доброты.

*Extrema per illos
Justitia excendens terris vestigia tecit.*

(«Среди нихъ, удалившись отъ насъ, справедливость нашла свой послѣдній пріютъ»).

Припомнимъ основное положеніе Монтаня, чтобы понять, какимъ образомъ онъ могъ дойти до крайнихъ выводовъ, до восхваленія блаженнаго невѣжества и полнаго отрицанія науки. «Я не сомнѣваюсь, — говоритъ философъ, — въ могущество и богатствѣ природы; я не сомнѣваюсь въ ея благодѣтельномъ значеніи для насъ; я вижу, что жука и ласточка вполне довольны ею. Я сомнѣваюсь въ изобрѣтеніяхъ нашего ума, въ наукѣ и искусствѣ, во имя которыхъ, переступая всякую умѣренность, мы покинули природу, нарушили ея законы». Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ: всякое знаніе вредно. Заключение это утратитъ свою парадоксальность, если мы его нѣсколько сузимъ: то знаніе, образцы котораго имѣлъ передъ глазами Монтанъ, т.-е. мертвая, средневѣковая схоластика, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ хуже полнаго невѣжества. Онъ приводитъ примѣры св. Павла, императоровъ римскихъ Валентиніана и Лицинія, Магомета, отрицавшихъ пользу науки, и вполне соглашается съ ними. «Тотъ, кто будетъ насъ судить по нашимъ поступкамъ и увлеченіямъ, найдетъ большее количество хорошихъ людей среди невѣждъ, чѣмъ среди ученыхъ». Философъ Пирронъ, застигнутый бурей на морѣ, указалъ своимъ ученикамъ, обезумѣвшимъ отъ страха, на спокойствіе поросенка, бывшаго вмѣстѣ съ ними на кораблѣ и смотрѣвшаго на волны безъ малѣйшаго испуга. «Философія, въ концѣ-концовъ, отсылаетъ насъ къ примѣру какого-нибудь атлета или погонщика муловъ, которые обыкновенно гораздо меньше страдаютъ отъ страха смерти, отъ физическихъ болей и другихъ несчастій, чѣмъ люди, стремящіеся достигнуть того же посредствомъ науки, но не одаренные необходимыми врожденными качествами». Монтанъ угадалъ, что у настоящаго ученаго и художника больше общаго съ простымъ человѣкомъ, близкимъ къ примѣру, чѣмъ съ узкимъ, самодовольнымъ доктринеромъ. «Люди простые — честные люди, — говоритъ онъ, — философы, природы глубокія и могучія, обогащенные обширными и полезными познаніями, — также честные люди. Но тѣ, которые находятся въ серединѣ между ними, презрѣвшіе невѣжество и не до-

стигшіе высшей мудрости,—опасны, глупы и смѣшны. Народная поэзія (Монтанъ создалъ первый не только слово это, но и самое понятіе) въ своей естественности обладаетъ наивностью и граціей, которыя позволяютъ ей занять мѣсто рядомъ съ высшими произведеніями самой совершенной поэзіи: стоитъ только обратиться къ любой гасконской пѣснѣ и поэтическимъ произведеніямъ тѣхъ дикихъ племенъ, которыя незнакомы съ наукой, ни даже съ искусствомъ письма. Посредственная поэзія, находящаяся въ серединѣ между народною и тою, которая достигаетъ геніальнаго совершенства, не имѣетъ истиннаго достоинства и цѣны». Эта мысль о сходствѣ генія и простого народа повторяется и въ другомъ мѣстѣ: «бурямъ доступна средняя область; оба крайніе полюса— философы и народъ соперничаютъ въ спокойствіи и счастіи».

Монтаня плѣняетъ сила народнаго духа, которая особенно ясно сказывается въ стоическомъ отношеніи простого человѣка къ смерти. Сколько героизма и терпѣнія обнаружилъ народъ во время религиозныхъ войнъ и междоусобій той эпохи. «Какой примѣръ небывалаго мужества видѣли мы въ простомъ народѣ! Почти всѣ отказались отъ сохраненія жизни; главное богатство страны—виноградъ, висѣлъ неубранный на лозахъ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ каждый готовился къ смерти, которую ожидали сегодня вечеромъ или завтра утромъ, при чемъ лица и разговоры были до такой степени спокойны, какъ будто всѣ давно уже примирились съ этою необходимостью и ждали только исполненія неизбежнаго и общаго приговора. Взгляните на нихъ: несмотря на то, что умираютъ дѣти, юноши, старики, они не удивляются, не плачутъ. Я видѣлъ такихъ, которые боялись пережить товарищей и остаться въ страшномъ одиночествѣ, и я замѣчалъ среди нихъ одну только заботу—о погребеніи». Монтанъ благоговѣетъ передъ этою вѣрой и силой жизни. Въ каждомъ изъ насъ таится та же сила, но мы исказили и ослабили ее разсудочнымъ доктринерствомъ и мнимою образованностью. «Погрузитесь въ себя,—говоритъ онъ,—и вы найдете въ вашемъ сердцѣ истинные и незабвенные доводы противъ смерти—тѣ самые, которые

заставляют умирать простого человека и целые народы так же спокойно, как умирают величайшие философы». «Къ чему вооружаемся мы усилиями тщетнаго знанія? Посмотримъ внизъ, на землю: вотъ бѣдные люди, которые разсѣяны по ней, съ головою, склоненною надъ работою, которые не знаютъ ни Аристотеля, ни Катона, ни образцовъ, ни поученій, а, между тѣмъ, каждый день природа показываетъ намъ среди нихъ болѣе высокіе и удивительные примѣры стойкости и терпѣнія, чѣмъ тѣ, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія. Какъ много вижу я среди нихъ людей, умѣющихъ спокойно переносить бѣдность, ожидать смерти тихо, безъ тревоги и огорченія! Вотъ этотъ рабочій, который копаетъ землю въ моемъ саду, быть-можетъ, еще сегодня утромъ похоронилъ своего отца или сына. У народа самыя имена болѣзней какъ бы смягчаютъ ихъ и дѣлаютъ болѣе легкими; чахотку они называютъ кашлемъ, дисентерію—разстройствомъ желудка, плеврезію—простудой, и соотвѣтственно съ этими успокоительными названіями спокойно переносятъ недугъ; онъ долженъ быть ужъ очень тяжелъ, чтобы заставить ихъ прервать работу, въ постель они ложатся для того, чтобы умереть».

«Мы покинули природу и желаемъ чему-то научить ее—ее, которая вела насъ такимъ счастливымъ, вѣрнымъ путемъ. А, между тѣмъ, мудрость принуждена, то и дѣло заимствовать образцы мужества, невинности и спокойствія въ грубой средѣ простыхъ земледѣльцевъ, которые, благодаря невѣжеству, еще сохранили нѣкоторый отпечатокъ и слѣдъ благодѣтельнаго вліянія природы. Не странно ли, что люди науки, полные глубокихъ познаній, должны подражать этой глупой простотѣ, и притомъ въ самыхъ важныхъ дѣйствіяхъ—въ жизни и въ смерти, въ сохраненіи имущества и въ любви, въ воспитаніи дѣтей и въ правосудіи?»

«Самое мудрое — въ полной простотѣ отдаться природѣ. О, какое сладостное, благодатное и мягкое изголовье для избранныхъ—незнаніе и простота сердца!»

Ф л о б е р ь .

Г.

Бальзакъ въ одномъ изъ своихъ романовъ высказываетъ слѣдующую мысль: «Геніальность — страшная болѣзнь. Каждый писатель носить въ своемъ сердцѣ чудовище, которое пожираетъ всѣ его чувства по мѣрѣ того, какъ они зарождаются. Кто кого побѣдитъ: болѣзнь—человѣка или человѣкъ — болѣзнь? Надо быть великимъ человѣкомъ, чтобы достигнуть равновѣсія между своимъ геніемъ и характеромъ. Если поэтъ не гигантъ, не обладаетъ плечами Геркулеса, онъ долженъ неминуемо остаться либо безъ сердца, либо безъ таланта».

Бальзакъ, къ сожалѣнію, обрываетъ это разсужденіе и не договариваетъ, въ чемъ именно, по его мнѣнію, заключается болѣзнь геніальности: почему развитіе и сила художественной личности во многихъ отношеніяхъ обратно пропорціональны развитію и силѣ нравственнаго типа,—отъ какихъ причинъ зависитъ ихъ коренной антагонизмъ, который такъ часто наблюдается обыкновеннымъ житейскимъ опытомъ. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что талантливые писатели, художники, музыканты, — въ большинствѣ случаевъ люди крайне непрактичные, что ихъ эксцентричность и легкомысліе нерѣдко граничатъ съ полной нравственной распущенностью, что они плохіе отцы семействъ и плохіе супруги, что, будучи очень чувствительными и отзывчивыми въ своихъ произведеніяхъ, они въ дѣйствительности слишкомъ часто оказываются сухими, черствыми

эгоистами. Изслѣдованіе причинъ, обусловливающихъ глубокую противоположность эстетическаго и нравственнаго міросозерцанія, художника и человѣка, генія и характера, составляетъ безспорно одну изъ интереснѣйшихъ страницъ психологіи творчества.

Вспомнимъ трагическую сцену гибели Лаокоона, описанную въ Энеидѣ. Граждане Трои должны, конечно, смотрѣть съ отвращеніемъ и ужасомъ, какъ исполинскія змѣи душатъ Лаокоона и его сыновей. Зрители испытываютъ страхъ, жалость, желаніе спасти несчастныхъ: какъ бы ни были разнообразны ихъ душевныя состоянія, моментъ воли играетъ въ нихъ очень важную роль: въ чувствѣ ли само-сохраненія—у болѣе робкихъ, или въ стремленіи притти на помощь—у болѣе мужественныхъ. Но представьте себѣ въ этой взволнованной и потрясенной толпѣ скульптора, который взглянулъ на страшную, разыгравшуюся передъ его глазами катастрофу, какъ на тему будущаго художественнаго произведенія. Онъ одинъ остается спокойнымъ наблюдателемъ среди общаго смятенія, рыданій, криковъ, молитвъ. Нравственные инстинкты заглушаются въ немъ эстетическимъ любопытствомъ. Слезы помѣшали бы ему смотрѣть, и онъ удерживаетъ ихъ, потому что ему непремѣнно надо видѣть, какую форму, какое очертаніе примутъ мускулы подъ давленіемъ огромныхъ колець змѣи. Каждая подробность картины, вызывающая въ другихъ отвращеніе и ужасъ, пробуждаетъ въ немъ радость, непонятную для остальныхъ. Пока они плачутъ и волнуются, художникъ радъ выраженію муки на лицѣ Лаокоона, радъ тому, что отецъ не можетъ помочь своимъ дѣтямъ, что чудовища съ такой силой сжимаютъ ихъ тѣло. Въ слѣдующее же мгновение человѣкъ, можетъ-быть, побѣдитъ художника. Но дѣло сдѣлано—моментъ жестокаго созерцанія успѣлъ оставить въ сердцѣ неизгладимый слѣдъ.

Рядъ подобныхъ настроеній рано или поздно долженъ образовать въ душѣ художника привычку отвлекаться отъ жизни, смотрѣть на нее со стороны, извиѣ, не въ качествѣ дѣйствующаго лица, а спокойнаго зрителя, искать во всемъ,

что происходит передъ глазами, матеріала для художественнаго воспроизведенія. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сила воображенія и созерцанія, уменьшается страстность и напряженіе волевой способности, необходимой для нравственной дѣятельности. Если природа не одарила волю художника непоколебимой стойкостью, не дала сердцу его неисчерпаемаго источника любви, то эстетическая отвлеченность можетъ мало-по-малу заглушить нравственные инстинкты: гений—по выраженію Бальзака—можетъ «пожрать» сердце. Въ такомъ случаѣ категорія добра и зла, съ которыми больше всего имѣютъ дѣла люди реальной жизни, воли, дѣйствія, стираются въ міросозерцаніи писателя категориями прекраснаго и уродливаго, типичнаго и нехарактернаго, интереснаго съ художественной точки зрѣнія и неинтереснаго. Зло, порочность притягиваютъ воображеніе поэта, если онѣ облечены въ неотразимо-привлекательныя формы, если онѣ прекрасны и могучи; добродѣтель кажется безцвѣтной и ничтожной, если она не представляетъ матеріала для поэтическаго апофеоза.

Но художникъ отличается не только свойствомъ смотрѣть объективно и безстрастно на чувства другихъ людей: онъ относится и къ тому, что происходитъ въ его собственномъ сердцѣ, съ не менѣе жестокимъ, эстетическимъ любопытствомъ посторонняго наблюдателя. Обыкновенные люди могутъ всецѣло, всѣмъ существомъ отдаваться порыву овладѣвшаго ими чувства — любви или ненависти, горя или радости; по крайней мѣрѣ, они думаютъ, что отдаются всецѣло. Честный человѣкъ, когда клянется женщинѣ въ любви, вѣрить въ искренность своихъ клятвъ—ему и въ голову не придетъ сомнѣваться, любить ли онъ въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ воображаетъ, что любить. Поэтъ по внѣшности болѣе, чѣмъ другіе люди, кажется способнымъ отдаваться чувству, вѣрить, увлекаться, но на самомъ дѣлѣ въ душѣ его, какъ бы ни была она потрясена страстью, всегда остается способность наблюдать за собою, за дѣйствующимъ лицомъ романа или драмы, слѣдить, даже въ минуты полнаго опьянѣнія, пристальнымъ взоромъ, за тончайшими,

неуловимыми изгибами своихъ ощущеній и безпощадно анализировать ихъ.

Человѣческія чувства почти никогда не бываютъ вполнѣ простыми и однородными: въ большинствѣ случаевъ они представляютъ смѣшеніе весьма разнообразныхъ по цѣнности составныхъ частей. И художникъ-психологъ открываетъ невольно такъ много лжи въ себѣ и въ другихъ, даже въ минуты искреннихъ увлеченій, что мало-по-малу теряетъ всякую вѣру въ свою и чужую правдивость.

II.

Письма Флобера, изданныя въ двухъ книгахъ, представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія на живомъ примѣрѣ вопроса объ антагонизмѣ художественной и нравственной личности.

«Искусство выше жизни»—вотъ формула, которая является краеугольнымъ камнемъ не только всего эстетическаго, но и философскаго міросозерцанія Флобера. Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ пишетъ одному изъ своихъ школьныхъ товарищей: «если бы у меня въ поэтическихъ замыслахъ не было французской королевы пятнадцатаго вѣка, я почувствовалъ бы полное отвращеніе къ жизни, и уже давно пуля освободила бы меня отъ этой унижительной шутки». Черезъ годъ онъ приглашаетъ того же товарища къ работѣ съ полуискренней риторикой и юношескимъ увлеченіемъ: «будемъ всегда заниматься искусствомъ, которое, будучи величественнѣе всѣхъ народовъ, коронъ и властителей, вѣчно царить надъ вселенной въ своей божественной діадемѣ». Спустя сорокъ лѣтъ, на краю могилы, Флоберъ провозглашаетъ еще болѣе рѣзко и смѣло тотъ же девизъ: «человѣкъ—ничто; произведеніе—все»—*l'homme n'est rien, l'oeuvre est tout!*

Въ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, обладая умомъ, красотой и талантомъ, онъ бѣжитъ отъ міра въ искусство, какъ аскеты въ пустыню; уединяется въ немъ, какъ христіанскіе отшельники замуравливали себя въ пещерахъ.

«Навсегда уйти въ искусство и презирать все остальное— вотъ единственное средство не быть несчастнымъ», пишетъ онъ своему другу; «гордость замѣняетъ все, если у нея есть достаточно широкое основаніе... Конечно, многого мнѣ недостаетъ: я бы, вѣроятно, сумѣлъ быть такимъ же щедрымъ, какъ самые богатые; такимъ же нѣжнымъ, какъ влюбленные; чувственнымъ, какъ люди, отдавшіеся наслажденіямъ... А между тѣмъ я не жалѣю ни богатствъ, ни любви, ни наслажденій... Съ этихъ поръ и надолго я требую только пять-шесть часовъ спокойствія въ своей комнатѣ, зимою большого огня въ каминѣ, по вечерамъ двухъ свѣчей на столѣ». Черезъ годъ онъ совѣтуетъ тому же другу: «сдѣлай, какъ я,—*порви съ внѣшнимъ міромъ*, живи, какъ медвѣдь, какъ бѣлый медвѣдь; пошли къ чорту все, все и даже самого себя, кромѣ своей мысли. Въ настоящее время между мной и всѣмъ остальнымъ міромъ такая бездна, что нерѣдко чувствую удивленіе, когда слышу даже самыя обыкновенныя, простыя вещи... есть нѣкоторые жесты, интонаціи голоса, отъ которыхъ я просто не могу притти въ себя и отъ извѣстныхъ глупостей у меня дѣлается почти головокруженіе».

Даже въ минуты опьянѣнія страстью, онъ ставитъ литературное призваніе неизмѣримо выше личнаго счастья, и любовь къ женщинѣ кажется ему ничтожной передъ любовью къ поэзіи: «нѣтъ, лучше люби искусство, а не меня,—пишетъ онъ своей возлюбленной, — эта привязанность не измѣнитъ тебѣ никогда, ни болѣзнь, ни смерть не могутъ ее уничтожить. Боготвори идею, только въ ней— истина, потому что идея одна—безсмертна». «Искусство—единственную вещь въ жизни истинную и цѣнную, можно ли сравнить съ земной любовью, можно ли предпочесть обожаніе относительной красоты поклоненію вѣчной? Благоговѣніе къ искусству — вотъ самое лучшее, что у меня есть; вотъ единственное, что я въ себѣ уважаю».

Онъ не согласенъ признать въ поэзіи ничего относительнаго, считая ее абсолютно-самостоятельной, независимой отъ жизни, болѣе реальной, чѣмъ дѣйствитель-

ность; онъ видитъ въ искусствѣ «самодовлѣющій принципъ, который такъ же мало нуждается въ какой бы то ни было поддержкѣ, какъ звѣзда». «Подобно звѣздѣ,—говоритъ онъ,—искусство сіяющее въ своемъ небѣ, невозможно взираетъ, какъ вращается земной шаръ; прекрасное никогда не исчезнетъ». Въ совокупности частей произведенія, въ каждой подробности, въ гармоніи цѣлаго, Флоберу чутся «какая-то внутренняя сущность, что-то въ родѣ божественной силы—такое же вѣчное, какъ принципъ...» «Иначе почему же существуетъ необходимое отношеніе между самымъ точнымъ и самымъ музыкальнымъ выраженіемъ мысли?»

Скептикъ, который не останавливался ни передъ однимъ вѣрованіемъ, всю жизнь свою отрицалъ, сомнѣвался въ идеѣ Бога, религіи, прогресса, науки, человѣчества, дѣлается благоговѣйнымъ и вѣрующимъ, когда дѣло касается искусства. Истинный поэтъ отличается, по его мнѣнію, отъ всѣхъ другихъ людей, обоготвореніемъ идеи, созерцаніемъ неизмѣннаго (*la contemplation de l'immuable*), т.-е. религіей въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова. Онъ жалѣетъ, что не родился въ ту эпоху, когда толпа обожала искусство, когда были еще настоящіе артисты, «жизнь и мысль которыхъ была лишь слѣпымъ орудіемъ инстинкта красоты. Они являлись органами Бога, посредствомъ которыхъ Онъ самъ себѣ открывалъ свою сущность; для этихъ художниковъ не было вселенной—никто не зналъ объ ихъ страданіяхъ; каждый вечеръ они ложились спать печальные и смотрѣли на человѣческую жизнь удивленнымъ взоромъ, какъ мы смотримъ на муравейникъ».

Для большинства художниковъ красота является болѣе или менѣе отвлеченнымъ принципомъ—для Флобера она такой же конкретный предметъ страсти, какъ золото для скупого, власть для честолюбца, женщина для влюбленнаго. Его работа была подобно медленному самоубійству; онъ отдавался ей съ непобѣдимымъ упорствомъ челоука, одержимаго маніей, съ мистической нѣгой и восторгомъ мученика, съ трепетомъ жреца, приступающаго къ та-

инству. Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свою работу: «больной, раздраженный, переживающій тысячи разъ въ день минуты страшнаго отчаянiя, безъ женщинъ, безъ жизни, безъ самой ничтожнѣйшей изъ этихъ погремушекъ земной юдоли, я продолжаю мой медленный трудъ, какъ добрый работникъ, который, засучивъ рукава, съ волосами, орошенными потомъ, ударяетъ по наковальнѣ, не боясь ни дождя, ни града, ни вѣтра, ни грома». А вотъ отрывокъ изъ біографіи Флобера, написанной Мопассаномъ, однимъ изъ его преданныхъ учениковъ и послѣдователей, также изображающій рабочую энергію и геніальнаго писателя: «съ наклоненной головой, съ лицомъ и шеей, налитыми кровью, напрягая всѣ мускулы, какъ атлетъ во время поединка, онъ вступаетъ въ отчаянную борьбу съ идеей и словомъ, схватывая ихъ, соединяя, сковывая, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, могуществомъ воли, сжимая и мало-по-малу, съ нечеловѣческими усиліями поработая мысль и заключаая ее, какъ звѣря въ клѣтку, въ точную, неразрушимую форму».

III.

Флоберъ, болѣе чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ разрушительную силу обостренной, аналитической способности. Съ злорадствомъ, въ которомъ такъ странно смѣшиваются отвага моднаго тогда байронизма и смутное предчувствіе неминуемой катастрофы, приступаетъ онъ еще семнадцатилѣтнимъ юношей къ работѣ разрушенія и внутренней ломки: «я анализирую себя и другихъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ товарищу,—я анатомирую постоянно, и когда мнѣ удастся, наконецъ, найти въ чемъ-нибудь, что всѣ считаютъ чистымъ и прекраснымъ, гнилое мѣсто, гангрену,—я подымаю голову и смѣюсь. Я дошелъ теперь до твердаго убѣжденія, что тщеславіе—основа всего, и даже то, что называютъ совѣстью, на самомъ дѣлѣ есть только внутреннее тщеславіе. Ты подаешь милостыню, можетъ-быть, отчасти изъ симпатіи, изъ жалости, изъ отвращенія къ стра-

данію и безобразію, даже изъ эгоизма, но главный мотивъ твоего поступка — желаніе пріобрѣсти право сказать самому себѣ: я сдѣлалъ доброе; такихъ, какъ я, немного; я уважаю себя больше другихъ». Черезъ восемь лѣтъ онъ пишетъ любимой женщинѣ: я люблю анализировать — это занятіе меня развлекаетъ. Хотя я не обладаю особенной склонностью къ юмористическому взгляду на вещи, я никакъ не могу относиться къ собственной личности вполнѣ серьезно, потому что нахожу себя смѣшнымъ,—смѣшнымъ, не въ смыслѣ внѣшняго театральнаго комизма, но въ смыслѣ той внутренней ироніи, которая присуща человѣческой жизни и проявляется иногда въ самыхъ, повидимому, естественныхъ поступкахъ, обыкновенныхъ жестахъ... Все это надо самому чувствовать, а объяснить трудно. Ты не поймешь этого, потому что въ тебѣ все просто и цѣльно, какъ въ прекрасномъ гимнѣ любви и поэзіи. Тогда какъ я представляю изъ себя что-то въ родѣ арабеска наборной работы: есть куски изъ слоновой кости, золота и желѣза, нѣкоторые — изъ крашеннаго картона, одни — изъ брилліанта, другіе — изъ жести».

Жизнь мечты, воображенія, такъ богата въ немъ, что заслоняетъ впечатлѣнія реального міра; они преломляются, получаютъ своеобразную окраску, проходя сквозь эту среду. «Антитеза постоянно возникаетъ передъ моими глазами: видъ ребенка неминуемо пробуждаетъ во мнѣ мысль о старости, видъ колыбели — мысль о гробѣ. Когда я смотрю на женщину, я представляю себѣ ея скелетъ. Вотъ почему веселыя зрѣлища огорчаютъ меня, печальныя оставляютъ равнодушнымъ. Я такъ много плачу въ душѣ, внутри себя, что слезы не могутъ выйти наружу; прочитанное въ книгѣ волнуетъ меня больше, чѣмъ дѣйствительное горе». Здѣсь мы встрѣчаемся съ отличительной чертой большинства натуръ, одаренныхъ сильнымъ художественнымъ темпераментомъ. «Насколько я чувствую себя мягкимъ, нѣжнымъ, отзывчивымъ, способнымъ плакать, отдаваться чувству въ воображаемыхъ страданіяхъ, настолько же реальныя остаются въ моемъ сердцѣ сухими, жесткими, мертвыми:

они кристаллизуются въ немъ». Это духовное состояніе, изображенное Пушкинымъ.

...Напрасно чувство возбуждалъ я—
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

Состояніе непонятнаго равнодушія передъ несчастіемъ любимаго человѣка, отчаянія не отъ горя, а отъ собственной холодности, отъ отсутствія печали и жалости, было слишкомъ хорошо знакомо Флоберу, и онъ, по своему обыкновению, смѣло анализируетъ эту черту, между тѣмъ какъ почти всѣ художники стараются скрыть ее не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя, ошибочно принимая ее за противоестественный эгоизмъ. Онъ говоритъ о своемъ настроеніи надъ гробомъ нѣжно любимой сестры: «Я былъ сухъ, какъ могильный камень, и только страшно раздраженъ». Что же онъ дѣлаетъ въ такую минуту, когда обыкновенный человѣкъ, не думая ни о чемъ отдается своему горю? Съ жестокимъ любопытствомъ, «ничего не отнимая отъ своихъ ощущеній», онъ анализируетъ ихъ, «какъ артистъ». «Это меланхолическое занятіе облегчало мою грусть,—пишетъ онъ другу, — ты, можетъ-быть, сочтешь меня человѣкомъ безъ сердца, если я признаюсь тебѣ, что не мое теперешнее состояніе (т.-е. печаль по поводу смерти сестры) кажется мнѣ самымъ тяжелымъ въ моей жизни. *Въ то время, когда, по видимому, не на что было жаловаться, мнѣ приходилось гораздо больше жалѣть себя*». Далѣе идетъ длинное разсужденіе о безконечномъ, о нирванѣ,—разсужденіе, въ которомъ авторъ проявляетъ много возвышенной поэзіи, но очень мало простаго, человѣческаго горя.

Въ томъ письмѣ, гдѣ Флоберъ описываетъ похороны друга своего дѣтства, его эстетическое отношеніе къ горю достигаетъ даже высоты философскаго созерцанія. «На тѣлѣ покойника были признаки страшнаго разложенія; мы обернули трупъ въ двойной саванъ. Въ этомъ видѣ онъ напоминалъ египетскую мумію, обвитую погребальными повязками, и я не могу выразить, какое чувство огромной радости и свободы я испыталъ за него въ ту минуту. Туманъ бѣлѣлъ, лѣса выдѣлялись на небѣ, двѣ надгробныхъ свѣчи сіяли въ бѣлизнѣ зарождающагося дня, птицы запѣли, и я вспомнилъ строчку изъ его поэмы: «полетитъ онъ, какъ рѣзвая птица, чтобы встрѣтить въ сосновомъ лѣсу восходящее солнце», или, лучше сказать, я слышалъ, какъ голосъ его произносилъ эти слова, и цѣлый день они преслѣдовали меня своимъ обаяніемъ. Его помѣстили въ прихожей, двери были сняты съ петель, и свѣжій утренній воздухъ проникалъ въ комнату съ прохладой дождя, который началъ въ это время накрапывать... Въ душѣ моей проносились невѣдомыя чувства и, какъ зарницы, вспыхивали въ ней мысли, которыхъ нельзя рассказать: тысячи воспоминаній изъ прошлаго долетали ко мнѣ съ волнами ароматовъ, съ аккордами музыки...» И здѣсь художникъ, посредствомъ эстетическаго отвлеченія, превращаетъ реальное горе въ красоту и въ просвѣтленномъ видѣ смерть любимаго человека не только не причиняетъ ему никакихъ страданій, но, напротивъ, даетъ мистическое примиреніе, непонятный для обыкновенныхъ людей экстазъ, странное, оторванное, отъ жизни, безкорыстное счастье.

Во время пребыванія въ Иерусалимѣ Флоберу случилось посѣтить прокаженныхъ. Вотъ описаніе его впечатлѣній: «это мѣсто (т.-е. клочокъ земли, отведенный специально для больныхъ проказой) находится за городомъ близъ болота, съ котораго вороны и коршуны-ягнятники поднялись при нашемъ приближеніи. Несчастные страдальцы, женщины и мужчины (всего около двѣнадцати человекъ), лежатъ всѣ вмѣстѣ, въ одной кучѣ. Покровы уже не скрываютъ лицъ, нѣтъ различія половъ. На тѣлѣ ихъ виднѣются

гнойные стружья, черныя впадины—вмѣсто носовъ; я долженъ былъ надѣть пенснэ, чтобы разглядѣть, что висѣло на концѣ рукъ у одного изъ нихъ—кисти ли рукъ или какіе-то зеленоватые лохмотья. Это были руки. (Вотъ куда бы привести колористовъ!) Большой дотащился до бассейна, чтобы напиться воды. Сквозь ротъ, на которомъ не было губъ, какъ будто отъ обжога, виднѣлось небо. Онъ хрипѣлъ, протягивая къ намъ клочья своего мертвенно-блѣднаго тѣла. А вокругъ—безмятежная природа, струи ключа, зелень деревьевъ, вся трепещущая отъ избытка соковъ и юности, свѣжія тѣни подъ горячимъ солнцемъ!» Этотъ отрывокъ взятъ не изъ романа, гдѣ поэтъ можетъ принудить себя быть объективнымъ, а изъ путевыхъ замѣтокъ, изъ письма къ другу, гдѣ авторъ не имѣетъ основанія скрывать субъективный характеръ своихъ ощущеній. Между тѣмъ, кромѣ двухъ довольно банальныхъ эпитетовъ—«несчастные страдальцы» (raucres misérables), ни одной смягчающей черты, ни намекъ на жалость.

IV.

«Я не христіанинъ (je ne suis pas chrétien)», — говоритъ Флоберъ въ письмѣ къ Жоржъ-Занду. По его мнѣнію, французская революція не удалась именно потому, что въ ней была слишкомъ тѣсная связь съ религіей жалости: «Идея равенства, въ которой заключается сущность современной демократіи, есть идея по существу христіанская, противорѣчащая принципамъ справедливости. Посмотрите, до какой степени преобладаетъ въ настоящее время милосердіе (grâce). Чувство—все, право—ничто». «Мы гибнемъ отъ избытка снисходительности, состраданія, отъ нравственной дряблости». «Я убѣжденъ,—замѣчаетъ онъ,—что бѣдные ненавидятъ богатыхъ, а богатые боятся бѣдныхъ; это будетъ вѣчно; напрасно проповѣдуютъ любовь».

Свою инстинктивную антипатію къ идеѣ братства Флоберъ хочетъ оправдать тѣмъ положеніемъ, что идея эта находится въ непримиримомъ противорѣчій съ принципомъ справедливости: «Я ненавижу демократію (по крайней мѣрѣ, въ

томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ во Франціи), т.-е. возведеніе милосердія въ ущербъ справедливости, отрицаніе права, однимъ словомъ, анти-соціальное начало (l'antisociabilité)». «Право милости (въ области теологіи) есть отрицаніе справедливости: по какому праву можетъ кто бы то ни было помѣшать исполненію закона?» Но едва ли онъ вѣритъ и въ этотъ принципъ, на который ссылается только, чтобы имѣть точку опоры для опроверженія идеи братства. По крайней мѣрѣ, вотъ что говоритъ онъ въ минуту полной откровенности, въ письмѣ къ старому товарищу: «людская справедливость кажется мнѣ самой шутовской вещью въ мірѣ. Зрѣлище человѣка, который судитъ своего ближняго, заставляло бы меня смѣяться до упаду, если бы не вызывало безгливой жалости, и если бы въ настоящее время (онъ тогда занимался юридическими науками) я не былъ принужденъ изучать систему абсурдовъ, въ силу которыхъ люди считаютъ себя въ правѣ судить. Я не знаю ничего нелѣпѣе права, кромѣ развѣ его изученія». Въ другомъ письмѣ онъ признается, что никогда не могъ понять отвлеченную и сухую идею обязанности и что она «не кажется ему присущей человѣческой природѣ (ne me paraît pas inhérente aux entrailles humaines)». Очевидно, что онъ также мало вѣритъ въ справедливость, какъ и въ идею братства. Въ сущности, у него нѣтъ никакого нравственнаго идеала.

«Въ мірѣ для меня существуетъ только одно—красивые стихи, стиль изящный, гармоничный и пѣвучій, закаты солнца, живописные пейзажи, лунныя ночи, античныя статуи и характерные профили... Я фаталистъ, какъ настоящій магометанинъ, и полагаю, что все, что мы можемъ сдѣлать для прогресса человѣчества, такъ же мало, какъ ничто. Что же касается до этого прогресса, то мой умъ отказывается воспринимать такія туманныя идеи. Всевозможная болтовня на эту тему наводитъ на меня безмѣрную скуку... Я питаю глубокое благоговѣніе къ античной тираніи, потому что нахожу ее самымъ прекраснымъ выраженіемъ человѣчности, какое когда-либо было». «У меня не много убѣжденій, — пишетъ онъ Жоржъ-Зандъ,—но одно изъ нихъ незыблемо:

это—убѣжденіе, что число, масса, всегда состоитъ изъ идіотовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ уважать массу, какъ бы она ни была нелѣпа, потому что въ ней таятся сѣмена громадной плодородности (*d'une fécondité incalculable*).

Флоберъ дѣлаетъ полушутливую попытку противопоставить доктринѣ социалистовъ свой собственный идеалъ будущаго политическаго устройства. «Единственный разумный исходъ есть правительство, состоящее изъ мандариновъ— пусть только у этихъ мандариновъ будутъ кое-какія знанія и пусть даже, если можно, они будутъ значительныя. Народъ всегда останется несовершеннolѣтнимъ и всегда будетъ занимать послѣднее мѣсто въ іерархіи общественныхъ группъ, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя число, массу, безграничное... Въ этой законной аристократіи въ настоящее время все наше спасеніе». «Человѣчество не представляетъ ничего новаго. Его непоправимое ничтожество еще въ молодости переполнило мою душу горечью. Вотъ почему я теперь не испытываю разочарованія. Я убѣжденъ, что толпа, стадо, будутъ всегда ненавистными... До тѣхъ поръ, пока люди не преклонятся передъ мандаринами, пока академія наукъ не замѣнитъ собою римскаго папы, вся политика, все общество до послѣднихъ корней, будетъ только собраніемъ возмутительной лжи и фальши (*de blagues écoeuvantes*)». Тѣмъ не менѣе въ романѣ «*Bouvard et Pécuchet*» Флоберъ направляетъ всѣ усилія на разрушеніе вѣрованія въ незыблемость научныхъ принциповъ и на доказательство, что современная наука такое же непрочное зданіе, такая же система противорѣчій и суевѣрій, какъ средневѣковая теологія. Недовѣріе къ наукѣ Флоберъ выказывалъ, впрочемъ, и ранѣе: такъ, познакомившись съ позитивизмомъ О. Конта, онъ нашелъ эту систему «нестерпимо глупой (*c'est assomant de bêtise*)».

V.

Итакъ, какъ видимъ, попытка вступить въ нѣкоторый компромиссъ съ преобладающимъ настроеніемъ эпохи не удалась Флоберу. Въ его разсужденіяхъ на социальную тему

искренно только одно презрѣніе къ черни. «Сколько бы вы ни откармливали звѣря-человѣка, какъ бы вы ни золотили его конюшню, какую бы мягкую и роскошную подстилку ни давали ему,—онъ все-таки останется скотомъ. Единственный прогрессъ, на который можно рассчитывать, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать звѣря менѣе кровожаднымъ. Но поднять уровень идей, дать массамъ болѣе широкое представленіе о Богѣ — я очень сомнѣваюсь, чтобы это было возможно».

Въ другомъ письмѣ онъ откровенно признается, что у него нѣтъ никакой вѣры, никакого нравственного принципа, никакого политическаго идеала, и въ этомъ, вырвавшемся изъ глубины сердца, признаніи слышится уже отчаяніе: «Я вижу въ настоящее время такъ же мало возможности установить какой-нибудь новый принципъ, какъ и уважать старыя вѣрованія. Итакъ, я ищу и не нахожу той идеи, отъ которой должно зависѣть все остальное». Эти немногія слова лучше всего освѣщаютъ настроеніе послѣднихъ лѣтъ жизни Флобера. Прежде онъ находилъ эту идею въ искусствѣ — теперь онъ предполагаетъ, что есть иное, высшее начало, которому надо подчинить само искусство, но найти это начало не въ силахъ. Онъ ищетъ забвенія въ работѣ, но изъ работы выходитъ разбитый и еще болѣе неудовлетворенный. Онъ сознаетъ свое одиночество и его влечетъ изъ объективнаго созерцанія въ эту непонятную жизнь, смыслъ которой онъ отрицаетъ.

Трагизмъ его положенія въ томъ, что онъ—одинъ среди чуждаго міра. И мало-по-малу отчаяніе его достигаетъ послѣднихъ предѣловъ. «Когда я не держу книги въ рукахъ, или не пишу, мною овладѣваетъ такая тоска, что я готовъ просто кричать», признается онъ въ письмѣ къ Жоржъ-Зандъ. «Мнѣ кажется, что я превращаюсь въ ископаемое животное, въ существо, лишенное всякой связи съ окружающей вселенной». «Чувство всеобщей гибели, агонія наполняетъ меня, и я смертельно грустенъ. Когда я не изнемогаю надъ работой, я тоскую надъ самимъ собой. Никто меня не понимаетъ, я принадлежу другому міру. Мои товарищи по

ремеслу—такъ мало мнѣ товарищи». «Я провожу дѣлы недѣли, не мѣняясь словомъ ни съ однимъ человѣческимъ существомъ, и въ концѣ недѣли мнѣ трудно вспомнить какой-нибудь день, или хоть одно событіе за все время. По воскресеньямъ я видаю мать и племянницу—вотъ и все. Стая крысь на чердакѣ—мое единственное общество: онѣ производятъ адскій шумъ надъ головой, когда вода не шумитъ и вѣтеръ не воетъ. Ночи чернѣе угля, и меня окружаетъ тишина безпредѣльная, какъ въ пустынѣ. Чувствительность страшно обостряется въ подобной средѣ, сердце начинаетъ биться изъ-за каждаго пустяка». «Я теряюсь въ воспоминаніяхъ молодости, какъ старикъ. Отъ жизни я больше не жду ничего, кромѣ нѣсколькихъ листовъ бумаги, измаранныхъ чернилами. Мнѣ кажется, что я иду черезъ безконечную пустыню, иду невѣдомо куда, что въ одно и то же время я—и путникъ, и пустыня, и верблюдъ». «Одна только надежда меня утѣшаетъ, что скоро я распрощаюсь съ жизнью и уже, конечно, не начну другой, которая, можетъ-быть, еще печальнѣе... Нѣтъ, нѣтъ! Довольно усталости!»

Всѣ его письма къ Жоржъ-Зандъ—одинъ потрясающій мартирологъ «болѣзни геніальности». Иногда у него вырывается наивная жалоба, и въ ней, сквозь непримиримую гордость бойца, чувствуется что-то кроткое, надорванное, какъ въ голосѣ человѣка слишкомъ измученнаго. Ярость враговъ, клеветы друзей, непониманіе критиковъ уже не оскорбляютъ его самолюбія: онъ усталъ ненавидѣть. «Вся эта лавина глупостей не раздражаетъ меня, но опечаливаетъ. Все-таки лучше хотѣлось бы внушать людямъ добрыя чувства».

Наконецъ и послѣднее утѣшеніе—искусство, измѣняетъ ему. «Напрасно я напрягаю силы, работа не идетъ, не идетъ. Все меня мучитъ и раздражаетъ. При людяхъ я еще сдерживаюсь, но иногда наединѣ у меня вырываются такія судорожныя, безумныя слезы, что, кажется, я умру отъ нихъ». На склонѣ лѣтъ, когда нельзя вернуться къ прошлому нельзя исправить жизнь, онъ задаетъ себѣ вопросъ: а что, если и красота, во имя которой онъ разрушилъ вѣру въ

Бога, въ жизнь, въ человѣчество,—такой же призракъ, обманъ, какъ все? Что, если это искусство, за которое онъ отдалъ молодость, счастье, любовь, измѣнить ему на краю могилы?

«Тѣнь обнимаетъ меня», говоритъ онъ, предчувствуя гибель. Это восклицаніе похоже на крикъ безпредѣльной тоски, который вырвался передъ смертью у другого художника, брата Флобера по идеалу, страданіямъ и гению, у Микель-Анжело:

Io parto a mano, a mano,
Crescemi ognor più l'ombra, l'e sol vien manco,
E son presso al cadere, infermo e stanco.

Я ухожу мало-по-малу...
Тѣни растутъ, солнце все ниже.
И я готовъ упасть, изнеможенный.

Смерть застала его за рабочимъ столомъ, внезапная, какъ громовой ударъ. Выронивъ перо изъ рукъ, онъ упалъ бездыханный, убитый своей великой, единственной страстью—любовью къ искусству.

Платонъ въ одномъ изъ своихъ мѣтовъ рассказываетъ, какъ души людей въ колесницахъ, на крылатыхъ коняхъ, странствуютъ по небесному своду; нѣкоторымъ на короткое время удается приблизиться къ тому мѣсту, откуда видна область Идей; онѣ съ жадностью заглядываютъ туда, и немногіе, отдѣльные лучи свѣта глубоко западаютъ въ нихъ. Потомъ, когда эти души воплощаются, чтобы страдать на землѣ, все лучшее, что есть въ человѣческомъ сердцѣ, волнуется ихъ и влечетъ, какъ отраженіе вѣчнаго свѣта, какъ смутное воспоминаніе иного міра, въ который имъ удалось заглянуть на мгновенье.

Должно - быть, въ душу Флобера въ свѣтлой области Идей запалъ слишкомъ яркій лучъ красоты.

Ибсенъ.

Слава Ибсена переступила предѣлы его родины и сдѣлалась европейской. Но она еще весьма далека—особенно у насъ въ Россіи—отъ того безспорнаго авторитета, который исключаетъ страстное, личное отношеніе толпы къ писателю. Этотъ пришлецъ съ далекаго сѣвера, подобно своимъ предкамъ—норманнамъ, медленно, шагъ за шагомъ, борется и завоевываетъ Европу. Мы имѣемъ случай наблюдать первое рожденіе, постепенный ростъ, не школьный апофеозъ, а самую жизнь славы. Каждый разговоръ объ Ибсенѣ—настоящее литературное сраженіе. Равнодушные зрители очень быстро превращаются или въ пламенныхъ враговъ, или въ столь же пламенныхъ друзей поэта.

Но не должно забывать, что, несмотря на нашу любовь или ненависть, Ибсенъ переживетъ насъ и нашъ мгновенный судъ. Имя его съ каждымъ днемъ растетъ. Будемъ же осторожнѣе судить о немъ. Попытаемся выяснитъ, кто онъ и какое впечатлѣніе производитъ на насъ, дѣтей того вѣка, который онъ дерзнулъ судить такимъ беспощаднымъ судомъ.

I.

Генрихъ Ибсенъ родился 20 марта 1828 года въ Норвегіи, въ небольшомъ приморскомъ городкѣ Скіенѣ. Среди его предковъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ норвежскихъ шкиперовъ и купцовъ—людей, закаленныхъ въ опасностяхъ, суровыхъ и энергичныхъ, съ примѣсью нѣмецкой и шотландской крови.

Когда мальчику не было еще и восьми лѣтъ, отцу его, сначала обладавшему довольно хорошимъ состояніемъ, внезапно пришлось ликвидировать свои дѣла, и единственное, что осталось у семьи, это—небольшое, порядкомъ запущенное имѣніе, усадьба Венстоубъ, лежавшая вблизи города. Въ ней семья Ибсена нашла убѣжище послѣ крушенія. Жизнь, которую она здѣсь вела, отличалась крайнею бѣдностью и уединеніемъ, что составляло рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ прежнимъ довольствомъ.

Вотъ первый опытъ ребенка. Онъ почувствовалъ себя сразу выброшеннымъ изъ колеи. Въ одномъ изъ юношескихъ стихотвореній Ибсенъ уже говоритъ о себѣ, какъ объ отверженномъ, какъ о «неприглашенномъ въ гости на пышный пиръ житейскій».

Мальчикъ не принималъ участія въ дѣтскихъ играхъ. Въ тѣсной, холодной каморкѣ, находившейся около входа въ кухню, онъ запирался на крючокъ и просиживалъ цѣлые дни за книгами. «Для всѣхъ насъ,—пишетъ его сестра,—онъ совсѣмъ не былъ симпатичнымъ мальчикомъ, и мы дѣлали все, что могли, чтобы помѣшать ему, бросая въ стѣну и дверь камни и снѣжные комья,—мы хотѣли, чтобы онъ игралъ съ нами въ наши игры. Если онъ не былъ въ состояніи выдержать болѣе нападенія, онъ выскакивалъ на дворъ съ тылу. Но, такъ какъ онъ не обладалъ никакой ловкостью и насиліе было совершенно чуждо его характеру, то его нападенія этимъ и ограничивались. Когда онъ, въ концѣ-концовъ, отгонялъ насъ на достаточно далекое разстояніе, то возвращался въ свою комнату».

Пятнадцати лѣтъ Генриху уже приходится выбрать профессію. Онъ мечтаетъ посвятить себя живописи. Но средства семьи такъ ничтожны, что мальчикъ принужденъ отказаться отъ всѣхъ честолюбивыхъ надеждъ. Шестнадцати лѣтъ онъ навсегда покинулъ семью и родной городъ, чтобы вступить въ настоящую суровую борьбу за существованіе. Ибсенъ дѣлается аптекарскимъ ученикомъ въ Гримштадѣ, захолустномъ городкѣ съ 800 жителей.

«Какъ и большинство норвежскихъ городовъ, лежащихъ на востокъ отъ Христианіи,—замѣчаетъ біографъ Ибсена,—Гримстадъ представляетъ изъ себя небольшой сборный пунктъ кораблей, стоящихъ на рейдѣ, пунктъ основательный и солидный. Благосостояніе здѣсь сопровождается комфортомъ. Мысли жителей такого городка не отличаются широтой кругозора: всякій выходитъ за двери своего дома обыкновенно для того, чтобы спросить, благополучно ли прибылъ корабль, или чтобы свести послѣдніе счета за клады... Въ такомъ городѣ имѣются клубъ, аптека, парикмахерская и гостиница. Аптека представляетъ изъ себя городскую биржу, куда сходятся всѣ досужіе люди поговорить о событіяхъ дня, въ особенности о городскихъ происшествіяхъ, которыя всегда считаются самыми важными. Всѣ знаютъ другъ друга вдоль и поперекъ. Ни одна подробность семейной жизни не остается неизвѣстной. Всѣ другъ другу кланяются; самому богатому человѣку отвѣшивается и самый глубокій поклонъ; кто менѣе богатъ, получаетъ поклонъ менѣе глубокій, и такъ далѣе, кончая рабочимъ, котораго удостоиваютъ только кивкомъ головы, въ то время какъ онъ почтительно стоитъ съ фуражкой въ рукахъ».

Вообразите себѣ въ этой обстановкѣ никому невѣдомаго аптекарскаго ученика, который, съ аккуратностью взвѣсивая граны и унціи, питаетъ самыя дерзкія мечты о свободѣ, какія только когда-либо приходили въ голову двадцатилѣтнему юношѣ. Передъ нимъ носится мрачный и обаятельный образъ римскаго заговорщика Катилины. Во время приготовленій къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, онъ съ жадностью читаетъ Саллюстія и рѣчи Цицерона противъ Катилины, сочувствуя пораженному и оклеветанному герою. Онъ влагаетъ древнему римлянину въ уста свои собственныя мысли:

Отмщенья жажду я—за всѣ мечты,
За всѣ мои надежды,
За жизнь разбитую—отмщенья!

И между тѣмъ какъ солидные гримштадскіе негоціанты, остановившись на перекресткахъ, ведутъ неторопливую бесѣду о предстоящихъ барышахъ за продажу пакли или сала, между тѣмъ какъ мирные домики засыпаютъ въ ненарушимомъ покоѣ—аптекарскаго ученика, вольнодумнаго и упрямаго, у котораго, по мнѣнію гримштадскихъ жителей, «молоко на губахъ не обсохло», упивается мечтами о всеобщемъ возмездіи.

Объ этихъ мечтахъ знали обитатели Гримштада, и этого было слишкомъ достаточно, чтобы возстановить ихъ противъ молодого поэта. Они возненавидѣли его тою ненавистью, которая пробуждается въ курятникѣ къ орленку, пробующему расправить крылья. Къ счастью для Ибсена, тамъ, за городомъ, лежитъ море, приносящее въ маленькій тихій городокъ не однѣ только деньги, бракованные товары и парижскія моды, но и вѣсти изъ далекаго, вольнаго свѣта. Отъ болтовни городскихъ сплетниковъ, изъ душевной аптекарской лабораторіи, молодой человѣкъ уходитъ иногда на морской берегъ, смотреть на пустынный горизонтъ и прислушивается къ шуму сѣверныхъ волнъ.

Въ то время онъ еще почти не читалъ ни Байрона, ни Гёте, ни Шекспира, но сердце его было уже безсознательно близко къ великой, мрачной поэзіи новыхъ временъ. Мы впослѣдствіи увидимъ какъ бы суровый отблескъ сѣвернаго моря—отпечатокъ стихійной свободы на всѣхъ лучшихъ созданіяхъ норвежскаго поэта.

Съ большимъ трудомъ удалось ему издать «Катилину».

Критика встрѣтила враждебно это замѣчательное произведеніе: оно разошлось всего въ 30 экземплярахъ. Однимъ изъ немногихъ, кто заинтересовался книгой, былъ мелочной торговецъ: онъ нашелъ бумагу, на которой она была напечатана, удобной для заворачиванья товара и, во время пребыванія Ибсена въ Христіаніи, купилъ однажды вечеромъ у него и его товарища (издателя книги) цѣлую кучу экземпляровъ, когда желудки обоихъ были такъ же пусты, какъ и ихъ кошельки. «Послѣ этого у насъ пре-

кратился недостатокъ въ предметахъ первой необходимости», лаконически замѣчаетъ Ибсенъ.

Въ 1850 году онъ прїѣхалъ въ Христианію съ тѣмъ, чтобы окончательно приготовиться къ университетскому экзамену. Но, когда случайно одна небольшая и сравнительно слабая пьеса его, оказавшаяся гораздо болѣе по плечу публикѣ и театральной дирекціи, чѣмъ «Катилина», была принята на сцену, Ибсенъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя литературѣ и окончательно отказался отъ намѣренія держать экзаменъ въ университетъ. Онъ поселился въ скромномъ кварталѣ столицы, вмѣстѣ со своимъ другомъ, издателемъ «Катилины», студентомъ юриспруденціи Шулерудомъ. Гонораръ, полученный за пьесу, скоро изсякъ, а ежемѣсячныхъ денегъ Шулеруда хватало только ему самому. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлился со своимъ другомъ всѣмъ, что у него было. На обѣдъ недоставало, поэтому и не обѣдали. Но, чтобы не потерять уваженія къ себѣ въ томъ домѣ, гдѣ они жили, они уходили около полудня и возвращались домой лишь тогда, когда можно было подумать, что они уже отобѣдали. Послѣ этого пили кофе и ѣли хлѣбъ, что должно было замѣнять имъ обѣдъ. Въ 1851 году новый театръ въ Бергенѣ пригласилъ Ибсена въ качествѣ «драматическаго поэта», а въ слѣдующемъ году театральное управленіе ассигновало молодому директору 200 спеціесталеровъ (около 450 рублей) на дорожныя издержки съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе трехмѣсячнаго пребыванія за границей «практически изучилъ сценическое дѣло»

Въ послѣдующія десять лѣтъ—въ этотъ, такъ сказать, романтическій періодъ своего развитія, завершившійся драмой «Воители на Гельголандѣ», Ибсенъ принималъ дѣятельное участіе въ національномъ движеніи, охватившемъ Норвегію въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Его патріотическія драмы, внушенныя древними норвежскими преданіями, составили ему литературное имя. Разладъ съ обществомъ на время былъ заглушенъ, чтобы выступить впоследствии съ еще большею рѣзкостью. Какъ сильно увлекался тогда Ибсенъ національными стремле-

ніями, видно изъ того, что ему пришла мысль основать общество для борьбы съ иностранными вліяніями и для проявленія націонализма въ области искусства. «Представьте себѣ Генрика Ибсена, какъ основателя общества!» съ понятнымъ удивленіемъ восклицаетъ біографъ его, Іегеръ. Не даромъ Брандесъ («Moderne Geister») приводитъ слѣдующія слова поэта, проникнутыя высокоумною ироніей крайняго индивидуалиста: «für das Solidarische hab'ich eigentlich niemals ein starkes Gefühl gehabt» («Къ общенію съ людьми, собственно говоря, я никогда не имѣлъ большой склонности»). И, въ самомъ дѣлѣ, ненадолго затаенная вражда противъ современнаго буржуазнаго строя не замедлила выступить наружу.

Покончивъ съ національной стариной, Ибсенъ написалъ пьесу изъ современной жизни—«*Комедія любви*», страстную, смѣлую до дерзости. Пьеса проникнута идеализмомъ, задумана въ лирическомъ тонѣ, а между тѣмъ—какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда—сатира направлена противъ брака по любви, при чемъ даже бракъ по расчету ставится сравнительно выше. Одинъ изъ героевъ пьесы утверждаетъ, что въ то самое мгновенье, когда исчезаетъ «тайна любви», когда любовь дѣлается всѣми признанной и освященной, бьетъ ея смертный часъ. «Прежде всего являются на сцену кумушки и подружки, и прогоняютъ поэзію любви своимъ назойливымъ участіемъ къ обрученнымъ; потомъ наступаетъ бракъ съ его стремленіемъ къ внѣшнему благополучію и съ заботами о дѣтяхъ. Что началось, какъ праздникъ, кончается обыкновенно самымъ будничнымъ образомъ, и вмѣсто того, чтобы посредствомъ совмѣстнаго существованія возвыситься, большинство людей прозябаетъ тупо и бессмысленно». Передъ нами проходятъ три пары. «Отъ пламени любви и дыма не осталось. Sic transit gloria amoris!» «Въ ихъ сердцахъ ложь, но вѣрность на устахъ».—Это настоящая трагикомедія любви.

Очень многіе называли бракъ «могилою любви», отрицали его во имя свободныхъ чувственныхъ наслажденій.

Но здѣсь буржуазный брак отрицается во имя высшаго цѣломудрія, во имя божественной и безкорыстной стороны любви.

И Бьернсонъ, въ своей «Перчаткѣ», и Л. Толстой, въ «Крейцеровой сонатѣ», заботятся, главнымъ образомъ, о практическомъ разрѣшеніи вопроса: первый—о возстановленіи идеала цѣломудрія, второй — о возстановленіи правъ женщины въ современномъ обществѣ. Толстой и Бьернсонъ, проповѣдуютъ, жаждутъ осуществленія своихъ теорій, стремятся къ преобразованію. Можно хвалить или порицать Ибсена, но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что онъ стоитъ, какъ художникъ, совершенно внѣ практическихъ условій жизни, что онъ хочетъ показать намъ только высшую красоту безкорыстнаго взгляда на жизнь и плѣняетъ божественной стороной чувства любви. Фалькъ и Свангильда расстаются навѣки добровольно и безнадежно именно потому, что они такъ сильно, такъ чисто любятъ другъ друга. Любовь для нихъ не источникъ личнаго счастья, а святыня, проявленіе безконечнаго. Они не хотятъ осквернить «безцѣльнаго, небснаго и ничѣмъ неуголимаго пламени» прикосновеніемъ буржуазности, мелочными денежными расчетами, уродствомъ дѣйствительной жизни. Это не романтизмъ, какъ могло бы показаться съ перваго взгляда. Романтизмъ предполагаетъ юношескую неопытность и наивное ослѣпленіе. Между тѣмъ Фалькъ и Свангильда лучше самага разочарованнаго скептика умѣютъ анализировать жизнь, видятъ грубую сторону человѣческихъ отношеній. Это скорѣе отрицатели, чѣмъ романтики. Но, будучи отрицателями во всемъ, что касается основъ современнаго міросозерцанія, они болѣе чѣмъ метафизики—они мистики въ апоѳеозѣ божественной стороны любви. Ибсенъ дѣлаетъ попытку, среди всеобщаго позитивнаго настроенія, возобновить идеализмъ любви, который мы встрѣчаемъ въ «Symposion» Платона, въ «Vita Nuova» Данте и въ первые вѣка христіанства, когда мужчина и женщина, любившіе другъ друга, обрекали себя на добровольную дѣвственность во имя высшаго аскетическаго идеала.

Если бы кто-нибудь нарочно задался цѣлью написать такую драму, которая оскорбляла бы всѣ принятые взгляды и вкусы современной публики, которая вызвала бы самую ожесточенную злобу и насмѣшки рецензентовъ, нельзя было бы придумать ничего лучшаго, чѣмъ эта трагикомедія современнаго брака. Когда пьеса была издана, рецензентъ одной норвежской газеты, «Morgenbladet», объявилъ, что лежащее въ основѣ произведенія пониманіе любви — *мѣщанское*. «Такого пониманія любви,—замѣчаетъ критикъ,—можно было ожидать отъ кумушекъ и тетюшекъ мѣщанскаго пошиба, но оно никакъ не должно было притти въ голову поэту. Основное воззрѣніе, выраженное въ пьесѣ, не нравственно, но такъ же и не поэтично, какъ вообще всякое воззрѣніе, представляющее идеализмъ и дѣйствительность, какъ двѣ вещи непримиримыя». Въ другой газетѣ, «Aftenbladet», пьеса, надъ которой Ибсенъ работалъ больше трехъ лѣтъ, была названа «жалкимъ издѣліемъ литературной торопливости». «Изъ пьесы проистекаетъ,—говоритъ, между прочимъ, рецензентъ,—восхваленіе безбрачія, изъ чего ясно видно, что у *Ибсена были чисто католическія мысли*, когда онъ писалъ свою комедію». Какъ драматическое произведеніе, пьеса была названа «абсурдомъ». Это обвиненіе Ибсена, свободнѣйшаго изъ скептиковъ, въ затаенной католической тенденціи—памятникъ, поучительный для потомства.

Среди публики книга возбудила бурю негодованія. Когда Ибсенъ, въ качествѣ директора національнаго театра въ Бергенѣ, просилъ у государства о ссудѣ на путешествіе, одинъ изъ профессоровъ университета заявилъ, что лицо, написавшее «Комедію любви», вмѣсто ссуды, «должно быть награждено палочными ударами».

Въ 1862 году театръ въ Бергенѣ ликвидировалъ свои дѣла. Ибсенъ потерялъ мѣсто директора и единственный постоянный свой доходъ—годовое жалованіе въ 1200 кронъ. Его нужда въ то время была такъ велика, что многіе изъ его друзей старались употребить все свое вліяніе, чтобы достать ему какое-нибудь мѣсто по вѣдомству сбора пош-

линъ или другое подобное занятіе. Ему оставалась одна надежда—бѣжать изъ Норвегіи, чтобы окончательно не погибнуть. Онъ чувствовалъ, что долго не вынесетъ этой борьбы. Ему казалось, что «онъ стоитъ на краю могилы, и могилой была Христіанія, находившаяся на громаднѣмъ кладбищѣ—Норвегіи». Несмотря на интриги враговъ, послѣ безконечныхъ хлопотъ и мытарствъ по различнымъ канцеляріямъ, ему удалось получить изъ государственной казны небольшую сумму на путешествіе.

Удаляясь изъ Христіаніи, 2-го апрѣля 1864 года, поэтъ могъ въ полномъ смыслѣ «отряхнуть прахъ отъ ногъ». Когда онъ смотрѣлъ съ палубы корабля, какъ исчезаютъ берега Норвегіи, въ душѣ его не было даже ненависти, а одно презрѣніе къ тому, что онъ оставлялъ позади.

Черезъ Триестъ онъ направляется въ Римъ. Контрастъ былъ слишкомъ неожиданный. Подобно Освальду,—герою «Призраковъ», Ибсенъ испытывалъ такое чувство, какъ будто убѣжалъ изъ тюрьмы, гдѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ. Ему казалось, что въ Норвегіи онъ никогда не видѣлъ солнечнаго свѣта. Какъ плѣнникъ, получившій свободу, онъ далъ себѣ слово не возвращаться на родину. Въ Италиі Ибсенъ начинаетъ поэму «Брандъ», проникнутую ненавистью къ патриотизму. Онъ вступаетъ въ открытую борьбу съ Норвегіей. «Поживи только въ этой странѣ и познакомься съ этими людьми! Каждый — великъ ли, малъ ли онъ,—умѣетъ *быть только частью чего-нибудь*». Никто не дерзаетъ *«быть самимъ собою»*.

Вотъ съ какою проповѣдью обращается въ «Брандъ» къ людямъ, подобнымъ Ибсену, представитель норвежской церкви—пробствъ: «О, не будьте упрямы, не задавайтесь великими цѣлями, разъ вы предназначены самымъ рожденіемъ своимъ для малаго! Можете ли вы разбить цѣпи? У васъ есть ваше ежедневное дѣло, у васъ есть Библія. Что лежитъ за предѣлами этого, все—зло. Какую пользу получите вы отъ избирательныхъ правъ? Охраняйте лучше свой домашній очагъ! Дѣти мои, что думаете вы найти между орлами и соколами, между волками и медвѣдями,—вы,

мои овечки!» По мнѣнію Ибсена, задача демократіи заключается въ томъ, чтобы всѣхъ привести къ одному уровню, «каждый долженъ итти въ ногу съ другими, итти мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ — вотъ методъ, котораго нужно держаться».

Такимъ же возмущеніемъ и ненавистью къ демократіи и тупоумію проникнута и другая пьеса—«Союзъ молодежи». По поводу этой комедіи, консерваторы и либералы, молодежь и старики, литераторы и публика, съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, но съ одинаковой яростью напали на Ибсена. Всѣ считали себя оскорбленными. Критики низводили его пьесу до степени политическаго памфлета. Подымается самое страшное изъ всего журнальнаго арсенала обвиненіе—въ «трусливомъ отступничествѣ», въ «измѣнѣ либеральнымъ убѣжденіямъ». Поэтъ былъ въ Портъ-Саидѣ, когда его пьеса, 18 октября 1869 года, въ первый разъ была сыграна на главной норвежской сценѣ. Она вызвала цѣлую бурю. Уже при первыхъ словахъ раздались свистки и аплодисменты, а въ концѣ-концовъ должны были опустить занавѣсъ, послѣ чего вышелъ режиссеръ и спросилъ присутствующихъ: желаютъ ли они продолженія пьесы—если желаютъ, то ихъ просятъ соблюдать тишину. Игра продолжалась безъ перерывовъ до словъ Бастіана Монзена въ четвертомъ актѣ: «знаешь ли ты, что такое нація. Нація—это народъ, это простой народъ; тѣ, которые ничего не имѣютъ, и являются ничѣмъ: тѣ, которые живутъ въ рабствѣ». Тутъ снова поднялась буря. Только тогда, когда былъ потушенъ газъ въ зрительной залѣ, шумъ прекратился, но онъ продолжался еще нѣкоторое время въ коридорахъ и на улицѣ.

Уже по этому страстному отношенію публики опытный наблюдатель могъ бы предсказать близкую побѣду Ибсена. Въ самомъ дѣлѣ, каждый шагъ его къ славѣ отмѣченъ не возрастающей любовью, а возрастающей ненавистью толпы. Такова сила: ее ненавидятъ, но не могутъ ей не покоряться. Норвегія была побѣждена. Еще въ 1866 году стортингъ утвердилъ за Ибсеномъ «писа-

гельскую пенсію», несмотря на то, что министр Риддер-Фольдъ, завѣдывающій церковными дѣлами, былъ противъ него, потому что—объяснялъ предсѣдатель церкви— онъ не можетъ отнестись утвердительно къ просьбѣ чловѣка, написавшаго «Комедію любви» и рѣзко осмѣявшаго норвежское духовенство въ лицѣ пастора Штромана.

Лѣтомъ 1874 года Ибсенъ, послѣ десятилѣтняго отсутствія, побывалъ въ Норвегіи. Ему устроили рядъ овацій, Когда онъ былъ въ театрѣ, на представленіи «Союза молодежи», студенты, изъ самыхъ благородныхъ побужденій яростно шикавшіе на первомъ представленіи, выказывали теперь столь же пламенное сочувствіе автору и даже устроили въ его честь процессію со знаменами, пѣніемъ и музыкой. Впрочемъ, это было недолгое перемиріе. Демонъ возмущенія скоро проснулся въ Ибсенѣ. Кругъ отрицанія и вражды еще болѣе расширяется. Теперь поэтъ стоитъ во всеоружіи своей ненависти и своей силы лицомъ къ лицу не только со своей родиной, но со всей Европой. Въ послѣднихъ драмахъ Ибсенъ подвергаетъ критикѣ основы современной европейской жизни. Этотъ фазисъ его борьбы до сихъ поръ не законченъ. Подобно герою пьесы съ характернымъ автобіографическимъ заглавіемъ «*Врагъ народа*»—доктору Штокману, Генрихъ Ибсенъ на высотѣ славы можетъ сказать: «здѣсь поле сраженія, здѣсь должна произойти битва; здѣсь я хочу одержать побѣду!» Перемиріе поэта съ публикой опять нарушено. По поводу заключительныхъ сценъ «Норы», въ когорыхъ мать бросаетъ дѣтей во имя личной свободы, критики повторяли старое излюбленное обвиненіе въ «*безнравственности*». Когда же появились «Призраки», друзья Ибсена, слѣдовавшіе за нимъ шагъ за шагомъ, отъ драмы къ драмѣ, въ первую минуту боязливо отступили передъ открывшейся пропастью. «Большая» публика и ея представители въ прессѣ подняли неистовый крикъ, какого не слышалось со времени появленія «Комедіи любви», и какъ въ 1862, такъ и въ 1882 году, и публично, и частнымъ образомъ, набросились на личность поэта. Такое же негодованіе вызвала другая пьеса — «*Дикая утка*».

Когда лѣтомъ 1885 года Ибсенъ снова пріѣхалъ въ Норвегію, онъ съ горькимъ чувствомъ увидѣлъ, что его лучшіе друзья изъ мелкой партійной ненависти стали его заклятыми врагами, и самые честные люди считали его «отступникомъ». Теперь уже никакія рукоплесканія молодежи, никакія оваціи не могли его обмануть и утѣшить. Съ ироніей холоднаго и спокойнаго отвращенія къ людямъ онъ замѣчаетъ о своей поѣздкѣ на родину: «въ цѣломъ я получилъ такое впечатлѣніе, что въ Норвегіи не два милліона людей, а два милліона кошекъ и собакъ». Теперь для него уже нѣтъ рѣзкой противоположности Европы и Норвегіи. За чертой горизонта, замыкающей Сѣверное море, онъ больше не видитъ новаго міра. И здѣсь и тамъ—глубокое вырожденіе человѣческой личности, торжество посредственности и мнимаго либерализма. Вотъ что пишетъ онъ въ 1870 году Георгу Брандесу: «все, чѣмъ мы живемъ теперь, представляетъ изъ себя только жалкія крохи отъ яствъ прошлаго столѣтія и *это кушанье достаточно долго переживалось. Понятія требуютъ новаго содержанія и новаго развитія...* Люди хотятъ только частичныхъ преобразованій чисто внѣшняго свойства». Но, по мнѣнію Ибсена, который здѣсь, какъ и вездѣ, не отступаетъ передъ самыми крайними логическими выводами изъ своихъ убѣжденій, центръ тяжести заключается «въ коренномъ преобразованіи всѣхъ нашихъ нравственныхъ понятій, всѣхъ человѣческихъ отношеній». Для него отдѣльная личность и всякая группа, обладающая внѣшней насильственной властью надъ личностью,—непримиримые враги.

Съ тѣхъ поръ взглядъ поэта-мыслителя еще болѣе омрачился. Онъ видѣлъ грубое торжество военной Пруссіи, торжество циническаго и самодовольнаго милитаризма. Мечты объ освобожденіи человѣческаго духа отодвигаются въ неизмѣримую даль. Силы не покидаютъ Ибсена, а скорѣе возрастаютъ, но борьба становится все безнадежнѣе. И онъ уходитъ въ самого себя. Теперь, съ точки зрѣнія его крайняго индивидуализма, человѣкъ, находящійся въ гармоніи съ обществомъ—ничтожная личность, связанная по

рукамъ и ногамъ условностями и общественными традиціями. «Самый сильный человекъ,—говоритъ Ибсенъ,—тотъ, кто одинъ».

Онъ уже не вѣритъ въ близкое пришествіе невѣдомаго всеобщаго обновленія; не вѣритъ, что люди, по крайней мѣрѣ, его современники,—способны осуществить идеаль свободы, о которой онъ мечтаетъ. И вотъ, какъ нѣкогда въ Гримштадѣ бѣдный аптекарскій ученикъ убѣгалъ на пустынный морской берегъ, такъ теперь поэтъ отъ пошлости и глубокаго безсилія современнаго общества уходитъ къ родному Сѣверному морю. Оно опять на мгновение примирило его съ жизнью. Всѣ внутренніе диссонансы, противорѣчія, ненависть къ людямъ разрѣшились въ гармонию, которой проникнуты заключительныя сцены самой поэтической изъ его драмъ—«Женщина моря» («Эллида»). Онъ остался вѣренъ себѣ. Мрачная, неизмѣнная красота Норвежскаго моря (онъ задумалъ пьесу лѣтомъ, на западномъ берегу Норвегіи, въ городкѣ Мольде) всю жизнь была для него символомъ *безграничной* свободы, которой онъ тщетно искалъ у людей.

Биографъ описываетъ наружность Ибсена: «Онъ небольшого роста, но тѣмъ не менѣ производитъ внушительное впечатлѣніе. Верхняя часть тѣла отличается необыкновенной крѣпостью. Все лицо обрамлено сѣдинами, обильными наперекоръ его возрасту. Сжатые губы, взглядъ, устремленный черезъ очки, и густыя брови производятъ впечатлѣніе неустанно напряженной мысли и воли. Надъ всѣмъ возвышается сильный, развитой лобъ... Вся фигура производитъ впечатлѣніе *боевой силы*... Никто не слыхалъ, чтобы Ибсенъ когда-нибудь хворалъ. Даже недуги, составляющіе обычное явленіе въ преклонномъ возрастѣ, пощадили его. Онъ *весь какъ бы представляетъ изъ себя олицетворенное здоровье*. Ни вѣтеръ, ни буря, ни холодъ, ни дождь—ничто не смущаетъ его. Во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ—воплощенная регулярность. Долго пришлось бы искать кого-нибудь другого, чья жизнь въ такой же степени походила бы на часовой механизмъ».

Биографъ замѣчаетъ съ наивностью, что Ибсенъ, уѣхавъ изъ Норвегіи, ведетъ тихую, «счастливую» жизнь въ Германіи и въ Италіи. Слово это звучитъ довольно странно въ примѣненіи къ такому человѣку, какъ авторъ «Призраковъ». У него есть всѣ внѣшнія условія, которыя люди считаютъ необходимыми для счастья—здоровье, деньги, слава, семейный очагъ. Но стоитъ прочесть два послѣднія произведенія Ибсена—«Гедду Габлеръ» и въ особенности «Строителя Сольнеса», чтобы понять, каково это счастье. Ибсенъ, какъ всѣ сильные люди, сохраняетъ тѣмъ большее наружное спокойствіе, чѣмъ мучительнѣе его внутреннее смятеніе. Повидимому, этому человѣку незнакомо чувство усталости и примиренія. Мы видѣли, какъ съ годами кругъ его ненависти, его возмущенія и отрицанія все расширяется. Сначала ему было тѣсно въ родномъ Скіенѣ, потомъ въ обществѣ Гримштада, потомъ во всей Норвегіи, наконецъ, и во всей Европѣ.

II.

«Призраки»—одно изъ самыхъ мрачныхъ и сильныхъ произведеній Ибсена. Это—лучшій отвѣтъ тѣмъ, кто осуждаетъ поэта за послѣднія сцены «Норы», гдѣ мать бросаетъ дѣтей во имя свободы.

Представителемъ буржуазно-добродѣтельного міросозерцанія является здѣсь въ высшей степени честный, убѣжденный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до ребячества наивный пасторъ Мандерсъ. Онъ осуждаетъ Елену Альвингъ, вдову капитана и камергера Альвинга, за то, что она, много лѣтъ тому назадъ, подобно Норѣ, покинула мужа во имя свободы и нравственной чистоты. Но Елена послушалась общественнаго мнѣнія въ лицѣ пастора Мандерса и вернулась къ семейному очагу, сдѣлала именно то, чего требуютъ моралисты отъ Норы. Она жила всю жизнь въ угоду людямъ, жила и своему сыну, увѣряя, что развратный отецъ его былъ нравственнымъ человѣкомъ. Чтобы увѣнчать многотрудное вданіе семейной лжи, которое заслужило ей въ обществѣ

уваженіе и любовь, она строить великолѣпный пріютъ въ память покойнаго мужа. Пасторъ Мандерсъ пріѣхалъ для освященія зданія и привезъ необходимыя казенныя бумаги. По поводу семейнаго торжества, вспоминая прошлую жизнь Елены, онъ не можетъ удержаться, чтобы не прочесть обычную проповѣдь о христіанскомъ терпѣннѣи, послушаніи и отреченіи. Онъ вспоминаетъ, что именно ему было дано вернуть ее «на стезю долга, къ родному очагу, къ ея супругу». Елена замѣчаетъ съ грустной улыбкой: «о, да, Мандерсъ, это было несомнѣнно дѣло вашихъ рукъ». А Мандерсъ прибавляетъ къ ея словамъ: «А развѣ то, что я снова возложилъ на васъ бремя долга, не послужило къ лучшему, не сдѣлалось благословеніемъ на всю нашу послѣдующую жизнь? Развѣ все не вышло такъ, какъ я вамъ предсказывалъ? Развѣ Альвингъ не загладилъ своихъ увлеченій, какъ это прилично порядочному человѣку? Развѣ онъ не жилъ послѣ того всю свою жизнь душа въ душу съ вами? Не былъ ли онъ благодѣтелемъ всего края? Не возвысилъ ли онъ васъ до такой степени, что вы сдѣлались его помощницею во всѣхъ этихъ полезныхъ предпріятіяхъ? И хорошею помощницею. О, я это отлично знаю, госпожа Альвингъ! Эту славу вы вполне заслужили. Но я хочу сказать теперь о другой, самой крупной ошибки вашей жизни».

И проповѣдь длится въ томъ же однообразно-уныломъ тонѣ—въ холодномъ свѣтѣ сѣвернаго утра, между тѣмъ какъ черезъ стекла сосѣдней комнаты-оранжереи виденъ мрачный ландшафтъ фіорда, затуманенный непрерывнымъ дождемъ.

«Всю вашу жизнь,—продолжаетъ строгій моралистъ,—вами руководилъ духъ своеволія и непокорности. Всѣ ваши помыслы были направлены къ тому, что незаконно, что не подчинено никакимъ узамъ. Вы всегда хотѣли порвать всякія путы. Все, что только хоть немного угнетало васъ въ жизни, вы безразсудно и не обращая ни на что вниманія, сбрасывали съ себя, какъ ненужную тяжесть. Вамъ не нравилось быть женой—и вы уѣхали отъ мужа. Вамъ показалось тягостнымъ быть матерью—и вы отослали своего сына къ чужимъ людямъ». По старой привычкѣ церковнаго пропо-

вѣдника, онъ подымаетъ палецъ съ наставнической важностью: «говоря правду, госпожа Альвингъ, вы очень, очень грѣшная мать!» Это именно тѣ обвиненія, съ которыми критики обращаются къ Норѣ.

Тогда Елена больше не выдерживаетъ. Она доказываетъ Мандерсу, что столь высоко чтимый и уважаемый всѣми покойный камергеръ Альвингъ былъ развратникомъ и пьяницей, превратившимъ ея семейную жизнь въ адъ.

— Я все сносила, хотя отлично знала, что за вещи творились въ домѣ...

— Что вы говорите? Здѣсь!

— Здѣсь, среди этихъ стѣнъ. Вонъ тамъ (*показываетъ на дверь*) я узнала впервые все. Я пришла въ столовую, мнѣ что-то нужно было взять тамъ. Дверь была полуоткрыта. Я услышала, какъ наша горничная пришла изъ сада поливать цвѣты.

— Ну?

— Спустя немного я услышала также, что пришелъ Альвингъ. Я слышала, что онъ что-то сказалъ ей тихонько. И потомъ... (*съ рѣзкимъ смѣхомъ*) о, еще до сихъ поръ я слышу эти слова, они рвутъ мое сердце на части и въ то же время кажутся такими смѣшными. Потомъ я услышала какъ моя собственная горничная прошептала: «оставьте меня, господинъ камергеръ, оставьте меня въ покоѣ!»

Мандерсъ еще слабо нерѣшительно борется. Онъ ищетъ смягчающихъ компромиссовъ въ своей нравственности, онъ называетъ поступокъ Альвинга только «непростительнымъ легкомысліемъ». Но Елена преграждаетъ ему всѣ пути. Связь съ горничной имѣла послѣдствія.

— И все въ этомъ домѣ?—воскликаетъ Мандерсъ, крайне пораженный.—Въ этомъ домѣ!

— Я многое вытерпѣла въ этомъ домѣ. Чтобы удержать его вечеромъ, а также и ночью, я должна была дѣлаться его собутыльникомъ во время одинокихъ кутежей. Я должна была сидѣть съ нимъ съ глазу на глазъ, чокаться, пить, слушать его пошлыя, бессмысленныя рѣчи, изо всѣхъ силъ бороться, чтобы стащить его въ постель...

Читатель видит передь собою до послѣдней черты пурямое, наивное и комически-растерянное лицо Мандерса—этого идеалиста, пропитаннаго теоріями долга и отреченія, не имѣющаго понятія о дѣйствительной жизни, этого ребенка съ сѣдыми волосами, когда онъ восклицаетъ, потрясенный ужасомъ: «у меня просто голова кругомъ идетъ. Итакъ, весь вашъ бракъ, вся ваша долготѣнная совмѣстная жизнь съ вашимъ мужемъ была только пропастью, скрытой для чужихъ глазъ?»

— Именно. Теперь вы знаете...

— Это... я никакъ не могу понять!.. Это что-то невѣроятное!..

Въ домѣ у Елены Альвингъ живетъ Регина, незаконная дочь камергера отъ горничной. Сынъ Елены, Освальдъ, молодой художникъ, только что вернувшійся изъ Италіи, скучаетъ и томится безъ солнца. Его раздражаетъ непрерывный дождь. Онъ не можетъ привыкнуть къ сѣверу, холодному небу своей родины. Мать балуетъ его и съ возрастающей тревогой начинаетъ замѣчать, что въ Освальдѣ проявляются порочныя наклонности отца? Онъ пьетъ, онъ раздражителенъ и нервенъ, не умѣетъ ни удерживать, ни даже скрывать неожиданныя и необузданныя вспышки чувственности. И вотъ роковая сила, тяготѣющая надъ всѣми лицами драмы,—неотвратимая сила наслѣдственности, возмездіе за благопристойную ложь, прикрывающую «пропасти семейной жизни», возмездіе за грѣхъ отца, обнаруживается въ послѣдней сценѣ перваго акта. Все еще продолжается въ тусклomъ свѣтѣ дождливаго утра томительный діалогъ Елены и Мандерса.

«Черезъ два дня,—успокаиваетъ она себя,—мнѣ будетъ казаться, что покойникъ никогда не жилъ въ этомъ домѣ. Здѣсь не будетъ никого, кромѣ моего сына и его матери».

Въ столовой слышенъ шумъ падающаго стула и одновременно шопоть.

Голосъ Регины (рѣзко, хотя шопотомъ). Освальдъ! ты съ ума сошелъ? Оставь меня!

Елена (вздрагиваетъ съ ужасомъ). А!..

«Она смотритъ, какъ безумная, на полуоткрытую дверь. Освальдъ кашляетъ, потомъ напѣваетъ. Слышенъ звукъ откупориваемой бутылки».

Мандерсъ (взволнованный). Но что это? Что же это такое, госпожа Альвингъ?

Елена. Призраки! Парочка въ комнатѣ съ цвѣтами—она опять идетъ.

Мандерсъ. Что вы говорите?.. Регина?.. Неужели она?..

Елена хватаетъ пастора Мандерса за руку и, шатаясь, уходитъ въ столовую.

Во второмъ актѣ госпожа Альвингъ признается Мандерсу, что ощущение ужаса, которое она испытала, увидѣвъ поразительное сходство двухъ влюбленныхъ парочекъ въ комнатѣ съ цвѣтами, ей давно знакомо. «Я нерѣшительна и даже труслива,—говоритъ она,—потому что всегда чувствую, что во мнѣ, въ моей душѣ, есть что-то, напоминающее мнѣ *призраки*».

— Какъ вы говорите?

— Когда я услышала разговоръ между Региной и Освальдомъ, мнѣ почудилось, что я вижу передъ собой *призраки*. Но мнѣ иногда кажется, что всѣ мы подобны призракамъ, выходцамъ изъ могиль. Въ насъ живетъ, въ насъ прячется все, что мы наслѣдуемъ отъ родителей, всѣ старья, повидимому, умершія возрѣнія и вѣрованія. Когда я беру въ руки газету, мнѣ кажется, какъ будто *призраки* проскользнули между строчками. Вездѣ кругомъ—эти могильные выходцы, неисчислимыя, какъ песокъ морской.

Все въ жизни *призрачно*. Призрачны, тѣ, повидимому, незбылемыя, а въ сущности совершенно ничтожныя основанія, на которыхъ зиждется современное общество. Призрачны тѣ начала долга и отреченія, которыя проповѣдуетъ Мандерсъ. Елена говоритъ ему, «когда вы восхваляли, какъ справедливое, все то, что возмущало мою душу своей отвратительностью, у меня явилось желаніе хорошенько провѣрить ваши поученія. Я коснулась одного краешка, одного узелка, но едва я развязала его—вся сѣть распуталась. И я увидѣла, что это машинная работа».

Елена пытается разорвать «машинную работу» лжи, которая опутала ее жизнь. Она открыто возстает на Мандерса на его теории вѣчнаго терпѣнія и покорности. Когда Освальдъ признается ей, что знаменитый докторъ въ Парижѣ опредѣлилъ въ немъ задатки наслѣдственнаго помѣшательства или, по крайней мѣрѣ, нервнаго расстройства, происходящаго отъ развратной жизни отца; когда мать видитъ, что Освальдъ любитъ Регину—дочь своего отца, и что эта преступная любовь одна можетъ спасти ея сына отъ отчаянія и безумія,—она собственными руками отдаетъ Регину Освальду. И на негодующій крикъ Мандерса: «вы не должны этого дѣлать!»—она отвѣчаетъ спокойно и непоколебимо:

— И должна, и хочу.

Въ окнахъ появляется зарево. Въ пріютѣ, воздвигнутомъ и только что освященномъ въ память покойнаго камергера Альвинга,—пожаръ. Въ блескѣ зарева стоятъ Регина и Освальдъ, между ними Елена Альвингъ и растерянный, беспомощный пасторъ Мандерсъ. Это гибнетъ все прошлое, все для него священное—пылаетъ и рушится благопріостойное, многотрудное зданіе добродѣтельной лжи.

Какъ же, какъ въ «призрачной» влюбленной парочкѣ, подъ тусклымъ, холоднымъ свѣтомъ дождливаго утра, — теперь въ этой ночи, освѣщенной заревомъ пожара, вы чувствуете присутствіе рока—того страшнаго и неотвратимаго, что таится въ жизни. Напрасно Елена дѣлаетъ усилія, чтобы освободиться отъ лжи. Призраки ее обступили. Призраки ей мстятъ.

Сынъ давно уже освободился отъ теории мнимаго долга, отъ сѣвернаго міросозерцанія. «Безпрерывный дождь!—воскликаетъ онъ въ отчаяніи;—это можетъ продолжаться недѣли, мѣсяцы... Ни одного солнечнаго луча... Я не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь видѣлъ на родинѣ солнце!» Онъ говоритъ матери о Норвегіи: «я не вижу здѣсь ни веселья, ни счастливаго сознанія совершаемой работы. Вы привыкли смотрѣть на работу, какъ на проклятіе: чѣмъ скорѣе кончишь ее, тѣмъ лучше. По вашему мнѣнію, жизнь—юдоль скорби». И онъ противопоставляетъ міросозерцанію христіанскаго сѣвера міросозерцаніе языческаго юга;

«Въ томъ кругу, гдѣ я вращался, на жизнь смотреть, какъ на свѣтлое, сладостное существованіе. Ты замѣтила, мама, что все, что я нарисовалъ,—всѣ мои картины разрабатываютъ именно этотъ мотивъ жизнерадостности. Въ томъ мірѣ, гдѣ я жилъ, вѣчно царятъ солнечный свѣтъ, смѣхъ, праздничное веселье... Вотъ почему я боюсь оставаться здѣсь, на родинѣ».

— Ты боишься?—спрашиваетъ Елена.—Чего?

— Я боюсь, что вся та сила, которая кипитъ во мнѣ, можетъ выродиться въ безнравственность.

«Въ безнравственность», и онъ могъ бы прибавить — въ *безуміе*. Въ послѣднемъ актѣ, въ сценахъ, написанныхъ съ ужасающимъ реализмомъ, мы чувствуемъ, какъ разлагается все умственное и нравственное существо человѣка подъ давленіемъ силы наслѣдственности. Сознаніе, чуждое всѣхъ предразсудковъ, сознаніе современнаго человѣка, освобожденнаго наукой, борется противъ слѣпой, неумолимой силы — и отступаетъ. Такова дѣйствительность, и въ свѣтѣ этой правды рушатся послѣднія опоры современнаго міросозерцанія. Мать оправдываетъ передъ своимъ сыномъ, наслѣдственно-развратнымъ или безумнымъ, развратную и безумную жизнь отца. Она какъ будто проситъ у сына прощенія за грѣхи мужа. Его безнравственность—объясняетъ Елена — не что иное, какъ вырожденіе свободной жизненной силы, не нашедшей исхода подъ мрачнымъ небомъ сѣвера между добродѣтельной супругой и благочестивымъ Мандерсомъ. Вдругъ она замѣчаетъ, что Освальдъ ее почти не слушаетъ. Потомъ онъ говоритъ, что не любитъ и въ сущности никогда не любилъ отца, что ему все равно, какой это былъ человѣкъ. И онъ спрашиваетъ мать, испуганную спокойнымъ низверженіемъ той святыни, за которую она еще цѣплялась съ упорствомъ отчаянія:

— Неужели ты такъ крѣпко держишься за старые предразсудки?

— Развѣ это не болѣе, какъ предразсудокъ?..

— Да, это одно изъ тѣхъ воззрѣній, которыя находятся еще въ обращеніи у людей, а между тѣмъ уже они...

— Призраки! — доканчиваетъ Елена, потрясенная ужасомъ

— Дѣйствительно, ты ихъ можешь назвать «привидѣніями», «призраками».

Остается еще одинъ послѣдній «призракъ» — любовь Освальда къ Еленѣ, любовь сына къ матери. Онъ признается ей, что не разъ чувствовалъ приступы сумасшествія. «Это отвратительно, — говоритъ онъ, блѣднѣя при одномъ воспоминаніи, — ахъ, это отвратительно: снова превратиться въ ребенка, котораго кормятъ, за которымъ... Отвратительно!»

— У ребенка есть мать, она будетъ ухаживать за нимъ.

Освальдъ вскакиваетъ. — Нѣтъ, никогда. Этого именно я не хочу! я не могу вынести сознанія, что, быть-можетъ, буду лежать здѣсь долгіе годы, состарѣюсь, посѣдѣю. И ты можешь умереть раньше.

Онъ садится на стулъ къ матери.

— Это обыкновенно не тотчасъ кончается смертью, сказалъ докторъ. Онъ опредѣлилъ, что это — размягченіе мозга, или что-то въ этомъ родѣ...

Елена съ отвращеніемъ замѣчаетъ на лицѣ Освальда усталую, идиотическую улыбку. Онъ продолжаетъ.

— «Размягченіе мозга». Названіе болѣзни звучитъ такъ мило, не правда ли? Я всегда вспоминаю при этомъ темно-красныя шелковыя драпри, что-нибудь нѣжное, мягкое, что пріятно погладить...

Елена вскрикиваетъ: «Освальдъ! Освальдъ!» Но уже поздно. Онъ вскочилъ и быстро ходитъ по комнатѣ, чувствуя, что припадокъ повторится скоро, можетъ-быть, сейчасъ, — и тогда нѣтъ надежды. Елена видитъ, какъ онъ теряетъ власть надъ собой. Наконецъ онъ вынимаетъ изъ кармана порошокъ морфія, требуя, чтобы мать отравила его, если припадокъ повторится.

— Да, мама, теперь ты должна оказать мнѣ эту услугу.

— Я—твоя мать!.. Я отниму у тебя жизнь, когда я сама дала ее тебѣ!..

— Я у тебя не просилъ жизни. И *какую* жизнь ты мнѣ дала? Я не хочу ея. Возьми ее назадъ!

Послѣдній «призракъ», скрывавшій сущность жизни, исчезъ — исчезла святыня материнской любви. Вотъ страшная укоризна ребенка матери, человѣка природѣ: «какую жизнь ты мнѣ дала?»

И Елена понимаетъ, что нѣтъ другого исхода, и съ клятвой протягиваетъ ему руку, обѣщая, что убьетъ его, если это будетъ необходимо. Онъ на мгновеніе успокаивается. Она старается его утѣшить и не замѣчаетъ, что боится разсуждать съ нимъ и только баюкаетъ его, какъ ребенка:

— Вотъ видишь, припадокъ прошелъ. Тебѣ легко. Я знала это. И день начинается, Освальдъ. Ты видишь? Какой ослѣпительный солнечный свѣтъ! Смотри, какъ преобразилось все кругомъ!

Она подходитъ къ столу и гаситъ лампу. Глетчеры и горныя вершины, лежащія въ глубинѣ сцены, видны сквозь стекла сосѣдней оранжереи, озаряются яркимъ солнечнымъ блескомъ. Вдругъ Освальдъ, сидящій въ креслѣ, тихо произноситъ: «Мама, дай мнѣ солнце!» Онъ весь перегибается. Мускулы его ослабѣваютъ. Лицо дѣлается тупымъ и невыразительнымъ. Глаза неподвижны.

Мать бросается передъ нимъ на колѣни, охватываетъ его руками.

Сынъ, не узнавая матери, беззвучно повторяетъ: «Солнце... солнце...»

И она стоитъ надъ нимъ съ ядомъ въ рукахъ, полная ужаса, и борется съ искушеніемъ избавить того, кому дала жизнь, отъ этой безцѣльной и отвратительной пытки — съ искушеніемъ дать ему смерть. Освальдъ, попрежнему не двигаясь, беззвучно и бессмысленно шепчетъ: «солнце... солнце...»

Вотъ лучший отвѣтъ строгимъ защитникамъ семейнаго начала, которые осуждаютъ Нору за то, что она покинула дѣтей. Елена Альвингъ, въ противоположность Норѣ, пошла на компромиссъ, вернулась къ семейному очагу, вернулась къ дѣтямъ.

Освальдъ — настоящее дитя той благопристойной лжи и тайнаго разврата, добродѣтельной трусости и вѣчнаго

лицемѣрія, которые, повидимому, въ крови у современнаго общества. Онъ гибнетъ одной изъ первыхъ жертвъ міра, обреченнаго на-смерть. Ибсенъ въ этомъ произведеніи, такъ же, какъ въ большинствѣ другихъ своихъ драмъ, мистикъ и въ то же время натуралистъ. Какъ врачъ, онъ изслѣдуетъ случай вырожденія. Но онъ не останавливается на научномъ анализѣ. Ему мало того, что онъ обнаружилъ, какъ мятежная сила жизни — сила генія, не нашедшая исхода въ творчествѣ, граничитъ съ преступностью и съ безуміемъ, какъ законъ наслѣдственности мститъ за «машинную работу», за добродѣтельную ложь Мандерсовъ. Въ сущности, и Мандерсъ — только невольный, безсознательный виновникъ гибели Освальда. Съ этой точки зрѣнія никто ни въ чемъ не виноватъ. Поэтъ приводитъ насъ къ вѣчнымъ предѣламъ жизни, открываетъ передъ нами трагическую сущность бытія. Не даромъ Елена Альвингъ замѣчаетъ съ ужасомъ предчувствія: *«мнѣ иногда кажется, что всѣ мы подобны призракамъ, выходцамъ изъ могилъ»*. Освальдъ страдает не болѣе, чѣмъ всѣ люди, имѣвшіе несчастье родиться и обреченные рожденіемъ на-смерть. Тотъ же трагизмъ жизни, который древніе поэты называли «рокомъ», «необходимостью»,—въ «Комедіи любви» чувствуютъ влюбленные Фалькъ и Свангильда, и, почувствовавъ, отрекаются отъ жизни и расстаются навѣки. И Нора не во имя реальныхъ практическихъ цѣлей, а во имя того, что выше дѣйствительной жизни—во имя недостижимой свободы, покидаетъ мужа и дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ трагизмъ въ произведеніяхъ Ибсена граничитъ съ высшей красотой: онъ—и безнадежность, онъ—и огонь человѣческой жизни—то, отъ чего мы гибнемъ и за что стоитъ погибнуть.

Всюду поэтъ показываетъ намъ, что земное существованіе нельзя ограничить земными предѣлами, что люди живутъ и страдаютъ для прекрасныхъ и одинокихъ мгновеній высшаго идеализма — все равно проявляется ли онъ въ безнадежной скорби, или въ безнадежномъ восторгѣ, которые, по увѣренію Платона, въ своихъ крайнихъ предѣлахъ сливаются въ одно.

Ибсенъ — художникъ, не подходящій ни подъ какія эстетическія формулы. Онъ и классикъ — по архитектурѣ произведеній, и романтикъ — по глубинѣ поэтическаго чувства, и натуралистъ — по смѣлости изображеній современнаго общества. Но если мы пристальнѣе всмотримся въ личность поэта, если попробуемъ опредѣлить, что въ немъ истинно-новаго, можетъ-быть, мы придемъ къ выводу, что Ибсенъ, принимая, подобно Протею, самыя разнообразныя формы, по своей первоначальной природѣ ни натуралистъ, ни классикъ, ни романтикъ. Въ поэзіи Ибсена возстаніе противъ общества и философскій идеализмъ находятся въ глубокой преемственной связи съ такимъ же вѣяніемъ свободы и идеализмомъ у поэтовъ начала XIX вѣка — у Гёте, въ его юношескихъ произведеніяхъ, и у Байрона.

Двѣ смежныя, вѣчно-борющіяся и необходимыя другъ другу стихіи — знаніе и вѣра, шагъ за шагомъ, уступая мѣсто одна другой, все болѣе и болѣе расширяются. Въ обѣихъ — жизнь и сила поэзіи. Ни одна изъ двухъ не можетъ окончательно побѣдить и вытѣснить другую: временная побѣда реализма неминуемо подготавливаетъ въ будущемъ торжество идеализма; чѣмъ дальше достигаетъ приливъ, тѣмъ больше будетъ волна отлива. Знаніе увеличиваетъ неутомимую, быть-можетъ, безнадежную потребность вѣры, какъ разрушеніе — потребность творчества, реализмъ — жажду идеализма. Генрикъ Ибсенъ, несмотря на свой вѣчный ропотъ, возмущеніе и отрицаніе старыхъ боговъ, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ подготовителей того великаго умственнаго поворота отъ разрушительныхъ теорій къ созидающей философской и художественной работѣ, который мы переживаемъ въ настоящее время.

III.

Въ другой характерной пьесѣ Ибсена — «Гедда Габлеръ» — нѣтъ широкаго историческаго и социальнаго фона, какъ въ «Призракахъ», но никогда авторъ не достигалъ такой

силы въ изображеніи внутренней драмы современнаго чело-
вѣка. Всю пьесу занимаетъ одна центральная фигура —
Гедда Габлеръ. Это — широкое философское обобщеніе,
охватывающее цѣлую сторону современной нравственной
жизни, и въ то же время индивидуальное лицо. Остальныя
дѣйствующія лица сгруппировались такъ, чтобы выдвинуть
центральную фигуру. Это—настоящій *драматическій порт-
ретъ*.

Образъ героини ясенъ самому поэту; онъ рисуетъ ее
съ любовью и мукой, какъ женщину, которая преслѣдо-
вала его воображеніе, изъ-за которой онъ страдалъ. Онъ
видитъ ее всю, до послѣдней черты лица, до послѣдней
складки одежды. Вотъ какъ, въ ремаркѣ перваго акта,
изображаетъ онъ ея наружность: «дама 29 лѣтъ, съ бла-
городными, аристократическими чертами лица и сложе-
ніемъ тѣла, съ матовой блѣдностью кожи, глаза сѣрова-
таго, стального цвѣта и выражаютъ ясное, холодное спо-
койствіе; волосы прекраснаго каштановаго цвѣта, но не
очень густые». Это «ясное, холодное спокойствіе», самообла-
даніе даже въ страсти, придаетъ существу Гедды аристокра-
тическую прелесть.

Ея мужъ, приватъ-доцентъ исторіи культуры, Йоргенъ
Тесманъ, — воплощеніе буржуазной пошлости, уродства
толпы и трусливой бездарности, которая жена его прези-
раетъ не въ силу какой-нибудь теоріи, а бессознательно
и непреодолимо, всѣмъ существомъ своимъ. Почему она вышла
за него замужъ? Во-первыхъ, потому, что сначала онъ по-
казался ей приличнѣе и порядочнѣе другихъ, и потомъ отъ
скуки, отъ равнодушія, отъ спокойнаго, сознательнаго
отчаянія и, быть-можетъ, отъ слабой надежды быть болѣе
свободной съ этимъ добродушнымъ, благоговѣющимъ пе-
редъ ней и недалекимъ педантомъ, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь
другимъ. Онъ—отличный семьянинъ, рожденный для самаго
будничнаго счастья. Онъ имѣетъ добродушный, растерянный
видъ людей непрактичныхъ, но не отъ избытка идеализма,
а скорѣй отъ недостатка ума. Гедду онъ оскорбляетъ ка-
ждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ словомъ. Онъ немного

заикается, постоянно попадаетъ въ неловкое или комическое положеніе, не можетъ окончить ни одной фразы не перебивъ себя, не переспрашивая съ разсѣяннымъ и глуповато-испуганнымъ видомъ: «Какъ? Что?» Но когда дѣло касается матеріальнаго обезпеченія, казеннаго мѣста, выгодной профессуры, онъ становится хитрымъ, завистливымъ и злымъ, по крайней мѣрѣ, вовсе не такимъ глупымъ и беспомощнымъ, какъ могъ бы показаться съ перваго взгляда. Но Тесманъ смотритъ на ученую карьеру не только какъ на источникъ доходовъ, — онъ любитъ и книги для книгъ, съ блаженствомъ вдыхаетъ пыль архивовъ, ему доставляетъ физическое наслажденіе разрѣзаніе новыхъ, только что купленныхъ книгъ. Въ первомъ актѣ онъ съ восторгомъ, съ нѣжностью къ самому себѣ и умиленіемъ показываетъ Геддѣ свои старыя туфли, принесенныя ему любящей теткой изъ родного дома, — свои старыя, любимыя туфли, которыхъ ему такъ не доставало во время путешествія. Одна мысль, что онъ скоро можетъ сдѣлаться отцомъ, возбуждаетъ въ немъ неумѣренную, неудержимую радость, глупое и гордое самодовольство. Ему не терпится, онъ хочетъ высказать радость кому бы то ни было, хотя бы даже прислугѣ. Тесманъ не довольно уменъ, чтобы понять, что Гедда чувствуетъ къ нему отвращеніе.

Еще не будучи замужемъ, въ домѣ своего отца, генерала Габлеръ, Гедда встрѣтилась съ молодымъ ученымъ Эйлертомъ Левборгомъ, будущимъ соперникомъ Тесмана — какъ и онъ, кандидатомъ на кафедре исторіи культуры. Левборгъ любилъ Гедду. Но она его отвергла, хотя, можетъ быть, была къ нему равнодушна. Она чувствовала въ немъ большую силу ума и таланта. Левборгъ — полная противоположность бездарнаго и добродѣтельнаго Тесмана. Левборгъ имѣетъ мужество быть *самимъ собой*. Онъ любитъ не книги, а живое знаніе. Онъ оригиналенъ и смѣлъ. Подобно Геддѣ, онъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ отрицанія и свободы. Онъ открытый врагъ буржуазнаго общества, и оно смотритъ на него, какъ на отверженнаго.

И все-таки Гедда не может его любить. Нѣкоторыя черты характера Левборга оскорбляютъ ея врожденный, непреодолимый инстинктъ изящнаго. Такъ же, какъ у Освальда въ «Призракахъ», сила таланта, не нашедшая себѣ исхода, вырождается у Левборга не то въ порочность, не то въ болѣзнь. Онъ даетъ иногда справедливые поводы для ненависти, которую питаютъ къ нему ничтожные люди. У него совершенно нѣтъ спокойствія и выдержки. Ненависть и гоненіе онъ могъ бы еще вынести, но всеобщее равнодушіе, сѣрая скука доводятъ его до отчаянія. Онъ ищетъ забвенія въ винѣ или въ развратѣ. Онъ нарочно терроризируетъ весь добродѣтельный, буржуазный городъ своими выходками, которыхъ потомъ стыдится. Эти вспышки болѣзненной чувственности оттолкнули отъ него Гедду. Онѣ казались ей уродливыми, а всякаго уродства Гедда боится больше, чѣмъ смерти. Можетъ-быть, въ ней самой слишкомъ много преступнаго, темнаго и сроднаго съ безуміемъ, съ порочностью Левборга, для того чтобы она рѣшилась протянуть ему руку. Она не чувствуетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы бороться съ грубой и безобразной силой. И она совершила настоящее преступленіе любви, изъ-за котораго и погибнетъ, оттолкнувъ Левборга, единственнаго человѣка, котораго могла бы полюбить и отдавъ жизнь ничтожному, внѣшне-приличному Тесману, котораго презираетъ, но которымъ можетъ повелѣвать. Она поступила такъ изъ гордости. Она беспомощна и къ себѣ, и къ другимъ. Гедда не умѣетъ и не хочетъ прощать людямъ ихъ безобразіе. Ея одинокое, властолюбивое сердце, лишенное вѣры, сжигаетъ и доводитъ до ненависти, до отвращенія къ жизни послѣдняя страсть—*безплодная любовь къ недостижимой красотѣ*. Въ этой любви нѣтъ ничего благодатнаго—она похожа на преступную, изнуряющую и безнадежную страсть, на смертельную болѣзнь. Гедда любитъ красоту—и не вѣритъ въ ея возможность на землѣ.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы узнаемъ только изъ бѣглыхъ намековъ: Гедда почти ничего не говоритъ о своемъ внутреннемъ мірѣ. Она скрытна изъ презрѣнія къ лю-

дямъ, изъ желанія посмѣяться надъ ними или причинить имъ боль. Чужое страданіе ея сердцу, ожесточенному и озлобленному, даетъ наслажденіе. Но до конца не измѣняетъ ей самообладаніе. Среди пошлости и уродства, и потомъ на краю гибели, не находя ни въ чемъ красоты, сама она остается прекрасной, хотя отъ этой безотрадной и жестокой красоты вѣтъ холодомъ смерти. У Гедды есть высшая черта духовнаго аристократизма—простота и мѣра, которыя придаютъ всему ея существу неотразимое очарованіе.

Левборга спасла отъ гибели добрая и тихая женщина Тэа Элвштедь. Тэа сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, товарищемъ, сестрой милосердія несчастнаго. Она окружила его материнской жалостью, терпѣніемъ и кротостью побѣждала его необузданныя вспышки, смотрѣла на его порочность, какъ на болѣзнь. Еще одинъ шагъ, одно усиліе—и Левборгъ будетъ окончательно спасенъ. Онъ издалъ книгу, которая имѣетъ успѣхъ въ ученомъ мірѣ. Ходятъ слухи, что ему, а не Тесману, дадутъ кафедру по исторіи культуры. Его ожидаетъ слава. Бѣдный Тесманъ, узнавъ о неожиданномъ успѣхѣ стараго товарища и соперника, стоитъ—по выраженію Гедды—какъ будто «пораженный громомъ». Когда начинается драма, Левборгъ только что пріѣхалъ изъ провинціи и привезъ съ собою новую книгу, рукопись второго тома своей «Исторіи культуры», который собирается издать. Эта книга—лучшее, что онъ написалъ; она доставитъ ему побѣду надъ врагами и славу. Но Тэа не совсѣмъ вѣритъ въ выздоровленіе больного. Она боится за него и тайно пріѣхала въ городъ, чтобы слѣдить за нимъ и, если будетъ нужно, спасти отъ искушеній. Она всюду ищетъ Левборга и случайно попадаетъ въ домъ своей школьной подруги, Гедды.

Вотъ какъ Тэа признается Геддѣ въ своихъ отношеніяхъ къ Левборгу: «Онъ отказался отъ своихъ старыхъ привычекъ. Не потому, чтобы я объ этомъ его просила. Я никогда не осмѣлилась бы это сдѣлать. Но онъ долженъ былъ замѣтить, что эти привычки мнѣ противны. И онъ отказался отъ нихъ».

Гедда (скрывая невольный презрительный смѣхъ). И такъ, ты его, какъ говорится, обратила на путь истины, ты— маленькая Тэа!

Тихая, влабая Тэа оказалась мужественнѣе Гедды: Тэа не отступила передъ уродствомъ и просто и легко совершила подвигъ любви, на который Гедда не рѣшилась. Гедда не ревнуетъ къ ней Левборга: едва ли даже она его любитъ. Но ее уничтожаетъ сознание, что она слабѣе Тэа. Гибнущая Гедда не можетъ вынести около себя чужую славу, чужой гений, чужое счастье. Отвращеніе къ жизни, ненависть къ людямъ, долго сдерживаемая, превращаются въ необузданный инстинктъ разрушенія, который не останавливается ни передъ какою святынею. Она ни къ чему не стремится, ей ничего не надо, она совершаетъ преступленіе *безкорыстно*, причиняетъ муки, забывая себя, дѣлаетъ *зло для зла*, для наслажденія, которое доставляетъ ей чужая гибель. Красота ея становится страшной и еще болѣе плѣнительной. Въ нѣкоторыя мгновенія она напоминаетъ красоту грозныхъ, разрушительныхъ стихій. И красотой и ложью Гедда, какъ сѣтями, опутываетъ всѣхъ приближающихся къ ней.

Она почти насильно овладѣваетъ довѣріемъ покорной Тэа. Она вырываетъ у нея признанія. Тэа боится Гедды, блѣднѣетъ подъ ея поцѣлуями, смутно чувствуетъ, что Гедда хочетъ ей зла, и все-таки, окованная страхомъ и благоговѣніемъ передъ красотой Гедды, не въ силахъ противиться ея волѣ, ея очарованію. И Гедда едва ли лжетъ, когда увѣряетъ, что чувствуетъ къ своей жертвѣ страстную нѣжность. Она, лаская, губитъ ее. Она обращается съ ней, какъ съ больнымъ ребенкомъ, заставляетъ ее говорить себѣ «ты», гладить по бѣлокурымъ мягкимъ волосамъ, похожимъ на ленъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шепчетъ ей на ухо преступныя рѣчи, ласковые и предательскіе совѣты, которые должны погубить ее и Левборга. И Тэа подчиняется Геддѣ, становится послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Чѣмъ сильнѣе ужасъ, тѣмъ больше ея покорность.

Поработивъ Тэа, Гедда обращается къ Левборгу. Она напоминаетъ ему прошлое, спрашиваетъ—счастливъ ли онъ

съ новой подругой, и узнаеть, что онъ не измѣнилъ ей, Геддѣ, что онъ страдаетъ такъ же, какъ она, что онъ любитъ ее одну. Тогда Гедда начинаетъ дѣйствовать смѣлѣе.

Левборгъ самъ еще не вѣрить въ свое обращеніе на путь истины. Устраивается холостой вечеръ съ картами и виномъ у совѣтника Брака, друга Тесмана и одного изъ поклонниковъ Гедды. Приглашаютъ и Левборга. Онъ отказывается, не надѣясь на себя. Онъ знаетъ, что ему достаточно выпить стаканъ вина, чтобы потерять власть надъ собой и не выдержать искушенія. Начавъ пить, онъ не можетъ остановиться. Гедда смѣется надъ нимъ въ присутствіи Тэа, раздражаетъ его самолюбіе. Она протягиваетъ ему съ вызывающей улыбкой стаканъ пунша. Онъ выпиваетъ.

Тэа старается его удержать, овладѣть имъ, и это ее окончательно губить. Онъ вдругъ возмущается противъ свсей сидѣлки. Ему надоѣло чувствовать себя больнымъ и несвободнымъ. Назло Тэа онъ выпиваетъ второй и третій стаканъ. Тэа, въ смертельной тоскѣ за него, молитъ Гедду, но та смѣется и ласкаетъ ее съ презрительной улыбкой. Демонъ проснулся въ Левборгѣ, онъ принимаетъ вызовъ Гедды. Вино подѣйствовало. Теперь онъ не боится своей страсти: онъ увѣренъ, что побѣдилъ ее. Онъ идетъ на вечеръ и съ улыбкой увѣряетъ Гедду и Тэа, что вернется, преодолѣвъ искушеніе, доказавъ себѣ и людямъ, что не нуждается ни въ чьей охранѣ, веселый и свободный отъ порока. Тэа увѣрена, что онъ погибъ. Гедда говоритъ ей насмѣшливо:

«Сомнѣвайся въ немъ, сколько тебѣ угодно. Я вѣрю въ него. И теперь мы испытаемъ...»

Тэа. Ты отъ меня что-то скрываешь, Гедда!

Гедда. Ты угадала. Я хочу, единственный разъ въ жизни, имѣть власть надъ человѣческой судьбой.

Тэа. Но развѣ ты не имѣешь?

Гедда. Я не имѣю и никогда не имѣла.

Тэа. А надъ твоимъ мужемъ?

Гедда. Стоитъ надъ нимъ имѣть власть! О, если бы ты могла понять, какъ я бѣдна. А ты смѣешь быть такой богатой! (Она страстно ее обнимаетъ).

Гедда вспомнила, какъ однажды въ пансіонѣ, когда онѣ еще были дѣвочками, она пугала свою подругу, чтобы посмѣяться надъ ней,—грозила ей спалить ея бѣлокурые, мягкіе волосы «раздражающаго бѣлаго цвѣта». И теперь, обнимая Тэа, она шепчетъ ей съ нѣжностью:

— Мнѣ кажется, что я все-таки спалю тебѣ волосы!

Тэа вскрикиваетъ:

— Оставь меня, оставь меня! Я боюсь тебя, Гедда!

Но Гедда успокаиваетъ ее, усаживаетъ за чайный столикъ, называетъ «маленькой дурочкой». Она такъ презираетъ ее, что не считаетъ нужнымъ скрывать передъ ней свою ложь, свое торжество.

Предчувствіе не обмануло Тэа. Утромъ совѣтникъ Бракъ и Тесманъ рассказываютъ имъ, что произошло ночью. Левборгъ читалъ отрывки своей рукописи (которую Тесманъ называетъ гениальной) и много пилъ. Передъ разсвѣтомъ онъ отправился къ своей бывшей любовницѣ, женщинѣ подозрительнаго поведенія, шансонетной пѣвицѣ, Діанѣ. Онъ былъ пьянъ и по дорогѣ обронилъ изъ кармана рукопись. Тесманъ ее поднялъ, но не возвратилъ, боясь, чтобы онъ снова не потерялъ. У Діаны произошла отвратительная сцена. Левборгъ сталъ громко обвинять всѣхъ въ томъ, что у него украли рукопись. Дѣло кончилось дракой между мужчинами и женщинами. Подоспѣла полиція. Левборгъ далъ одному изъ полицейскихъ пощечину. Составленъ былъ протоколъ.

Гедда, оставшись наединѣ съ мужемъ, спрашиваетъ его отдать ей рукопись Левборга. Послѣ нѣкотораго колебанія, Тесманъ исполняетъ ея просьбу. Гедда беретъ рукопись и запираетъ на замокъ. Наконецъ исполнилось ея желаніе: она чувствуетъ власть надъ человѣческой судьбой. Тэа ничего не знаетъ.

Является Левборгъ. Не имѣя духу признаться Тэа, что потерялъ рукопись, онъ говоритъ, что разорвалъ ее. Во всякомъ случаѣ они должны разстаться навѣки. Бѣдной Тэа кажется, что Левборгъ убилъ что-то живое, связанное съ ея сердцемъ, что онъ убилъ ихъ ребенка. Это слово—«ихъ ребенокъ» глубоко западаетъ въ душу Гедды.

Оставшись съ Левборгомъ наединѣ, она не скрываетъ своего презрѣнія къ нему и къ Тэа. Она говоритъ про нее: «Добренькая, маленькая дурочка держала судьбу человѣка въ своихъ рукахъ!» Вотъ чего властолюбивая Гедда не можетъ ей простить. И она наслаждается поражениемъ Тэа. Хотя ей все извѣстно, она заставляетъ еще разъ самого Левборга рассказать о томъ, какъ онъ не убилъ «ихъ ребенка», а сдѣлалъ хуже—потерялъ его гдѣ-то, среди развратныхъ женщинъ. «Въ концѣ-концовъ, вѣдь это только книга», замѣчаетъ Гедда,—«чистая душа Тэа была въ этой книгѣ!»—Левборгъ рѣшилъ покончить съ жизнью, такъ какъ чувствуетъ, что больше подняться не можетъ. Гедда даетъ ему свой револьверъ «на память», какъ она выражается.

И въ эту минуту мысль о красотѣ не покидаетъ ея. Вотъ послѣдній, единственный ея завѣтъ: «Эйлертъ Левборгъ, послушайте, что я вамъ скажу: не можете ли вы сдѣлать такъ—такъ, чтобы въ этомъ была красота?»

Онъ переспрашиваетъ съ удивлениемъ:

— Красота?

— Да, красота. Единственный разъ въ жизни!.. Прощайте!.. Теперь вы должны итти. И больше не возвращаться.

Онъ благодаритъ ее за «подарокъ», и она еще разъ повторяетъ торжественно:

— Только, чтобы была красота, Эйлертъ Левборгъ. Обѣщайте мнѣ это.

Когда онъ уходитъ, она вынимаетъ изъ ящика рукопись Левборга, данную ей на сохраненіе Тесманомъ, садится въ кресло къ печкѣ и медленно, тетрадь за тетрадь, бросаетъ книгу въ огонь, шепча: «теперь я сжигаю твое дитя, Тэа! Маленькая Тэа съ бѣлокурыми волосами! Твое дитя—и Эйлерта Левборга».

Она бросаетъ въ огонь сразу всѣ остальные тетради.

— Теперь я сжигаю, сжигаю ваше дитя!..

Эта страшная сцена напоминаетъ легенды Сѣвера. Мы уносимся далеко отъ дѣйствительности. Образъ Гедды вырастаетъ до исполинскихъ размѣровъ. Озаренная рав-

горѣвшимъ пламенемъ, съ блѣднымъ искаженнымъ лицомъ, съ выраженіемъ сладострастья и жестокости въ глазахъ, она, въ самомъ дѣлѣ, похожа на дѣтоубійцу, на Медею, или на одну изъ могучихъ, таинственныхъ волшебницъ Сѣвера, о которыхъ повѣствуютъ скандинавскія саги. Но, несмотря на ужасъ преступленія—кто знаетъ, можетъ-быть, именно, *благодаря этому ужасу*—наше сердце привлекается къ ней непонятной красотой.

Когда Тесманъ спрашиваетъ Гедду о данной на сохраненіе рукописи, она отвѣчаетъ спокойно, что сожгла ее. Конечно, она не боится безпомощнаго мужа, но ея вдругъ овладѣваетъ *иронія*, которая заставляетъ ее лгать безъ цѣли, чтобы смѣяться надъ людьми,—*лгать для лжи*, потому что ложь доставляетъ ей наслажденіе такъ же, какъ и зло. Она лжетъ такъ легко, такъ естественно и безкорыстно, что ложь ея не унижаетъ. Она лжетъ невольно, потому что сама запуталась, утратила мѣрило правды, потому что сама себя не знаетъ. Безсознательная ложь свойственна ей такъ же, какъ невольная грація движеній свойственна красивымъ и опаснымъ звѣрямъ хищной породы, леопарду или пантерѣ. Но ея смѣхъ надъ людьми—зловѣщій и безотрадный. Блескъ ея злыхъ и остроумныхъ шутокъ напоминаетъ холодный блескъ чернаго гранита пустынной гробницы. Также смѣются люди, которые уже давно не могутъ плакать.

Гедда, подавляя почти невольный «смѣхъ», увѣряетъ мужа, что она сожгла рукопись Левборга изъ любви къ нему, къ Тесману, чтобы избавить его окончательно отъ слишкомъ опаснаго соперника по соисканію каѳедры исторіи культуры. Мужъ такъ самодоволенъ и ограниченъ, что, послѣ нѣкотораго колебанія, вѣритъ Геддѣ. И вдругъ онъ забываетъ всякую человѣческую пристойность, онъ отдается самой циничной радости по поводу гибели своего лучшаго друга, своего опаснѣйшаго соперника. *Esse homo!* Въ это мгновеніе Тесманъ, всѣми уважаемый человѣкъ, со своей радостью и любовью къ жизни отвратительнѣе для нравственнаго чувства, чѣмъ прѣступная, лживая Гедда со своимъ отрицаніемъ жизни и ненавистью къ людямъ.

Чтобы вполне насладиться его позоромъ и униженіемъ, Гедда сообщаетъ Тесману, что въ ту самую минуту, когда она сжигала рукопись, созданіе Тэа и Левборга, *ихъ ребенка*, она почувствовала первые признаки беременности. Тогда Тесманъ обнаруживаетъ до глубины свою природу: мы вдругъ понимаемъ, какая бездна животнаго эгоизма въ томъ семейномъ инстинктѣ, который восхваляется выше всѣхъ принциповъ и вѣрованій современной, буржуазной моралью. Тесманъ вѣдь только, какъ будущій отецъ, какъ добрый семьянинъ, радуется, что *чужого ребенка* нѣтъ на свѣтѣ, что *его ребенокъ* будетъ жить. Радость этого добродѣтельнаго представителя мѣщанской морали—настоящая радость самца-звѣря, торжествующаго въ борьбѣ за существованіе. Онъ не можетъ удержать восторга и хочетъ сообщить все старой служанкѣ дома, Бертѣ. Тогда Гедда чувствуетъ къ его уродству такое отвращеніе, что больше не въ силахъ смѣяться. Она не скрываетъ, какъ онъ гадокъ ей, и даже на одно мгновеніе теряетъ свое вѣчное самообладаніе. Она сжимаетъ руки въ отчаяніи:

— О, я умру, умру отъ всего этого!

Тесманъ. Отъ чего, Гедда?.. Что?.. Какъ?..

Гедда (холодно, овладѣвъ собою). Отъ всего *смѣшного*, Иргень.

Тесманъ.—*Смѣшного*? Это потому, что я такъ счастливъ. Впрочемъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ говорить Бертѣ.

И только въ самомъ концѣ разговора онъ смутно чувствуетъ, что велъ себя непристойно, и вспоминаетъ, что все-таки надо, если не быть, то, по крайней мѣрѣ, *казаться* человѣкомъ. Онъ принимаетъ обычный растерянный видъ и вздыхаетъ о бѣдномъ погибшемъ другѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, Боже мой! А рукопись-то, рукопись! Какъ бы тамъ ни было, а вчужѣ становится страшно, какъ подумаешь о бѣдномъ Эйлертѣ!»

Когда совѣтникъ Бракъ приноситъ въ домъ Тесмана извѣстіе, что Левборгъ убилъ себя, Гедда остается спокойной и холодной, она замѣчаетъ: «такъ скоро?»—и раз-

спрашиваетъ Брана о подробностяхъ самоубійства. Ею овладѣваетъ любопытство: ей хочется узнать, была ли «красота» въ смерти того, кто ее любилъ.

Бракъ. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

Гедда. Въ грудь?

Бракъ. Да, какъ я вамъ говорю.

Гедда. Значитъ, не въ високъ?

Бракъ. Нѣтъ, въ грудь, госпожа Тесманъ.

Гедда. Да, да. Въ грудь тоже хорошо.

Бракъ. Какъ? Что вы этимъ хотите сказать?

Гедда (уклончиво). Нѣтъ, ничего.

И потомъ, къ всеобщему ужасу, она восклицаетъ со вздохомъ облегченія, почти радости: «Наконецъ-то хоть какое-нибудь дѣйствіе!»

Тесманъ, который наединѣ съ нею не стыдился радоваться, теперь вскрикиваетъ съ непритворнымъ испугомъ: «Господь съ тобою, Гедда! Что ты такое говоришь?»

Гедда. Я говорю, что въ этомъ заключается красота.

И потомъ, въ болѣе интимномъ разговорѣ съ совѣтникомъ, вѣчно сдержанная и холодная Гедда восклицаетъ почти восторженно:

— О, какое это для меня освобожденіе—знать, что въ мірѣ еще можетъ совершаться что-нибудь вольное и благородное! Что-нибудь, на что падаетъ отблескъ безсознательной красоты.

И на всѣ упреки, на всѣ удивленныя покачиванія головой и вопросы, она съ глубокимъ чувствомъ радости передъ красотой отвѣчаетъ одно:

— Я знаю только, что Эйлертъ Левборгъ имѣлъ мужество прожить жизнь по-своему, На этомъ есть отблескъ красоты: онъ имѣлъ волю и силу уйти съ праздника жизни такъ рано.

Когда совѣтникъ Бракъ остается наединѣ съ Геддой, онъ признается; что изъ жалости къ Тэа не рѣшился сказать всей правды о самоубійствѣ Левборга. Смерть его была менѣе прекрасной, чѣмъ думаетъ Гедда. Онъ убилъ себя не въ своей комнатѣ, а въ будуарѣ пѣвицы Діаны. Передъ

смертью онъ сдѣлалъ ей отвратительную сцену, требовалъ отъ нея какого-то ребенка, котораго она будто бы украла. И потомъ пуля попала не въ грудь, а въ животъ. Тогда Гедда съ болѣзненнымъ отвращеніемъ восклицаетъ: «О, Боже мой, этого еще не доставало! *Зачѣмъ смѣшное и пошлое, какъ проклятіе, ложится на все, къ чему я только ни прикоснулась*»?!

Это послѣдній крикъ отчаянія. Когда Гедда перестаетъ вѣрить въ красоту, она перестаетъ жить.

Совѣтникъ Бракъ доказываетъ ей, что она замѣшана въ эту исторію или, по крайней мѣрѣ, онъ, если захочетъ, можетъ ее замѣшать. Полиція захватила револьверъ, которымъ убилъ себя Левборгъ, и Бракъ знаетъ, что этотъ револьверъ принадлежитъ Геддѣ. Онъ показываетъ ей въ перспективѣ возможность судебного слѣдствія, необходимость отвѣчать на вопросъ: зачѣмъ она дала Левборгу револьверъ? Впрочемъ, старый совѣтникъ съ макіавелевскимъ коварствомъ успокаиваетъ Гедду, что онъ вѣдь одинъ знаетъ, кому принадлежитъ револьверъ, и отъ него зависитъ молчать или выдать тайну полиціи. Тогда она видитъ, что запуталась въ собственныхъ сѣтяхъ. Совѣтникъ шепчетъ ей, что она можетъ купить его молчаніе, отвѣтивъ взаимностью на его долгую тайную, терпѣливую любовь. Итакъ, Гедда Габлеръ, подъ страхомъ участія въ преступленіи, подъ страхомъ позора, во власти сладострастнаго и хитраго старика.

Гедда (смотреть на него пристально). И такъ, я—въ вашей власти. Отнынѣ вы можете меня казнить и милловать.

Бракъ (шепчетъ едва слышно). Милая Гедда, вѣрьте мнѣ, я никогда не злоупотреблю этимъ положеніемъ.

Гедда. Тѣмъ не менѣе, я—въ вашей власти. Въ зависимости отъ вашей воли и прихоти. Не свободна. Я—не свободна! (Она быстро встаетъ). Нѣтъ, этого признанія я не вынесу! Никогда.

Она, будто скучая, немного посмѣявшись надъ мужемъ, который, вмѣстѣ съ Тэа, занятъ возстановленіемъ

рукописи Левборга по черновымъ бумагамъ, уходитъ въ сосѣдную комнату, закрытую портьерами. И вдругъ оттуда раздается дикій плясовой мотивъ на фортепiano. Всѣ невольно вздрагиваютъ. Тесманъ напоминаетъ Геддѣ, что въ домѣ трауръ, такъ какъ умерла его родственница; онъ проситъ ее вспомнить Левборга.

Гедда (высовывая голову между портьерами). Ну, да, и тетку Юлію надо помнить, и всѣхъ. Подождите, я не буду васъ беспокоить. (И она опять задергиваетъ портьеру).

Въ комнатѣ тянется незначительный разговоръ. Тесманъ выказываетъ свою обычную глупость. Такъ какъ теперь ему придется проводить вечера съ Тэа надъ восстановленіемъ книги Левборга, онъ проситъ совѣтника Брака услужить ему и развлекать по вечерамъ Гедду, на что Бракъ съ наслажденіемъ соглашается. Гедда изъ-за портьеры отвѣчаетъ спокойнымъ голосомъ, произноситъ нѣсколько шутливыхъ словъ и вдругъ обрываетъ. Раздается выстрѣлъ. Всѣ вскакиваютъ, открываютъ портьеру и видятъ трупъ Гедды, простертый на диванѣ. Она выстрѣлила себѣ въ високъ. Совѣтникъ Бракъ, падая въ кресло, почти въ обморокъ, можетъ только прошептать: «Сохрани насъ, Боже, и помилуй! Развѣ такія вещи дѣлаются?»

Гедда Габлеръ убила себя такъ же, какъ она жила, скучая, съ холоднымъ и яснымъ спокойствіемъ, презрѣніемъ къ людямъ, съ отвращеніемъ къ себѣ. Гедда говоритъ, что у нея нѣтъ «мужества», и потому она гибнетъ; она даже называетъ себя «трусливой». Но это слово къ ней не подходитъ. У нея есть воля и сила. Но у этой воли нѣтъ точки опоры — вотъ почему она никогда не переходитъ въ дѣйствіе, не можетъ преодолѣть ничтожнаго препятствія. Не находя исхода, эта сила сама на себя обращается, сама себя разрушаетъ. Сердце Гедды—одно изъ тѣхъ, которыя не могутъ жить, не вѣря, а вѣры нѣтъ. Если бы Гедда нашла такого Бога, во имя котораго стоило бы жить и умереть, она сдѣлалась бы героиней или мученицей. Она не можетъ отречься отъ поисковъ вѣры, отъ мукъ безвѣрія, не можетъ примириться съ уровнемъ современнаго

буржуазнаго міросозерцанія. Повидимому, женщины и въ вѣрѣ, и въ безвѣріи дерзновеннѣе мужчинъ. Если въ подобныхъ характерахъ внутренняя сила не приводитъ къ подвигамъ, она должна привести къ преступленію. Гедда доходитъ до такихъ предѣловъ нигилизма, о которыхъ никогда и не помышляли теоретики отрицанія—до ненависти ко всему человѣческому, ко всякой жизни, до спокойнаго и сознательнаго самоуничтоженія.

Когда Гедда лежитъ передъ нами мертвая, въ своей безнадежной красотѣ, такая же безстрастная, такая же холодная въ смерти, какой была въ жизни,—у насъ не хватаетъ духу произнести надъ ней приговоръ за ея жестокость, за ея нравственный нигилизмъ: мы чувствуемъ только, что нельзя долго жить такъ, какъ живемъ мы. Мы понимаемъ трагическую судьбу поколѣній, обреченныхъ родиться и умирать въ эти смутныя страшныя сумерки, когда послѣдній лучъ зари потухъ и ни одна звѣзда еще не зажглась, когда старые боги умерли и новые не родились.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Акрополь	7
Трагедія цѣломудрія и сладострастія.	19
Маркъ Аврелій.	25
Плиній Младшій	48
Кальдеронъ	80
Сервантесъ	101
Гёте	136
Монтанъ	154
Флоберъ	189
Ибсенъ	205

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Примѣчанія этого тома отнесены къ слѣ-
дующему тому—XVIII.